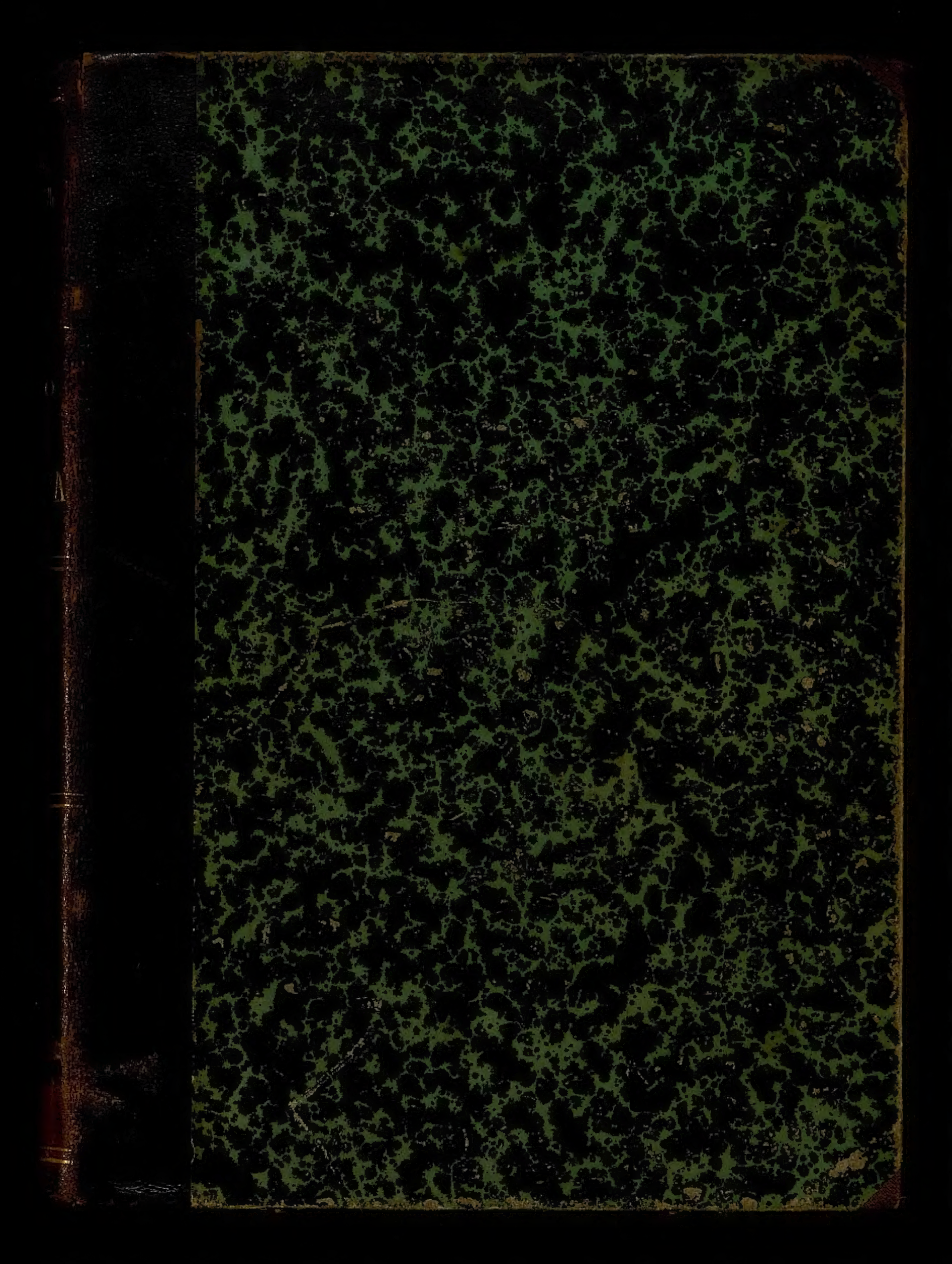

ДИДРО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ДИДРО

въ

ПЕТЕРБУРГѢ.

Екатерина II. Denis Diderot.

Дидро въ гостяхъ у Екатерины.

Приложенія. Примѣчанія.

В. А. Бильбасова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, № 39.
1884.

11413

«Многіе возопіютъ на меня, потому что я говорю не въ *сегоднишнемъ духѣ*; но я увѣренъ, что переписка Екатерины съ философами ея вѣка займетъ въ глазахъ справедливаго потомства не послѣдніе листы въ исторіи ея блестящей жизни. Какъ желательно, чтобъ у насъ собрали такъ сказать частные памятники ума и великодушія Екатерины! Они утвердили бы иныхъ въ справедливой народной гордости, а другихъ, можетъ быть, увѣрили бы, что они напрасно опираются въ любви своей къ отечеству на враждѣ къ просвѣщенію и образованности, считая ихъ чуждыми и пагубными для насъ новизнами».

Одинъ изъ такихъ частныхъ памятниковъ «ума и великодущія» Екатерины, какъ выразился наиболѣе почтенный литераторъ прошлаго поколѣнія, составляетъ предлагаемое изслѣдованіе объ отношеніяхъ ея къ Дидро. Оно основано, главнѣйшимъ образомъ, на письмахъ Екатерины II и написано не въ «стилѣ восклицательномъ», кото-

рый такъ ненавидѣла Екатерина, особенно въ трудахъ историческихъ *).

Изъ 37 писемъ, помѣщонныхъ въ «Приложеніяхъ», десять изданы по рукописямъ Государственнаго Архива и тринадцать — по рукописямъ архива русскаго историческаго общества. Считаемъ долгомъ выразить благодарность Е. Ѳ. Коршу и Г. Ѳ. Штендтману, оказавшимъ при этомъ свое содѣйствіе. Остальныя четырнадцать писемъ, касающіяся пребыванія Дидро въ Петербургѣ, перепечатаны изъ полнаго собранія его сочиненій, не всѣмъ доступнаго.

Изслѣдованіе частныхъ вопросовъ, критическія замѣтки и необходимыя указанія помѣщены въ «Примѣчаніяхъ».

---

*) Сборникъ русс. истор. общества, XXIII, 586.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ЕКАТЕРИНА II.

Catherine Seconde est venue après Pierre Premier; mais qui remplacera Catherine Seconde? Cet être extraordinaire peut se faire attendre des siècles.

Diderot.

Изъ всѣхъ государей, занимавшихъ престолъ Россійской Имперіи, только одна Екатерина II заслужила единогласный отзывъ современниковъ, подтвержденный потомствомъ. Петра Великаго, при его жизни, многіе проклинали, нѣкоторые клеймятъ и понынѣ; Екатерина II взошла на престолъ при восторженныхъ кликахъ всей Россіи, была обожаема во всѣ 35 лѣтъ своего царствованія и до настоящаго времени возбуждаетъ сочувственный интересъ историка. До сихъ поръ о Петрѣ I есть два мнѣнія, о Екатеринѣ II — одно: какъ современники назвали ее „великою", такъ она почитается великою до нашихъ дней и нельзя ожидать, чтобъ этотъ эпитетъ могъ быть когда-нибудь серьезно оспариваемъ. Своими достоинствами и своими недостатками она имѣетъ на него полное право.

Кто первый назвалъ Екатерину II великою? Несомнѣнно, она сама—въ своихъ писаніяхъ и, еще болѣе, своими дѣяніями. Вскорѣ по восшествіи на престолъ, въ 1766 году, она пишетъ графу Гюлленборгу, что „желаніе достигнуть совершенія великихъ дѣлъ“ [1]) было развито въ ней „болѣе, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ“, и именно, если вѣрить указаніямъ ея же „Записокъ“ [2]), въ 1744 году, въ первые же дни пребыванія ея въ Россіи.

Екатерина II представляла прямую противоположность Петра III. У нихъ была только одна сходная черта, но и та чисто внѣшняя: оба они были привезены въ Россію лишь по 14 году — Петръ изъ Киля, Екатерина изъ Цербста. Было и еще одно сходство, но оно-то именно болѣе всего и привело ихъ къ противуположностямъ: оба они наслѣдовали кровь отцовъ, не матерей — Петръ III ничего не заимствовалъ у своей матери, русской великой княгини, и все отъ отца, истаго голштинца (1); Екатерина II ничего не наслѣдовала отъ своей матери, голштинской принцесы, и очень много отъ отца, въ жилахъ котораго текла бранденбургская кровь. Въ немъ не было ничего русскаго, въ ней—ничего голштинскаго.

Дурно образованный, еще хуже воспитанный (2), Петръ III явился въ Петербургъ голштинскимъ солдатомъ и остался имъ до конца жизни. Онъ не понималъ и, по неразвитію, не могъ понять своего положенія ни какъ наслѣдника русскаго престола, ни какъ императора Россіи. Вывезенный изъ Голштиніи съ спеціальною

---

[1] Сборникъ русскаго историческаго общества, X, 157.

[2]) Mémoires de l'impératrice Catherine II. Londres, 1859, p. 28.

цѣлью сдѣлать его русскимъ государемъ, онъ презрительно отзывается о русскомъ народѣ [1]); едва ставъ императоромъ, онъ приказываетъ архіепископу новгородскому Димитрію вынести изъ церквей всѣ образа, кромѣ „Христа и Богородицы", всѣмъ „попамъ бороды свои обрить" и носить „такое платье, какое носятъ иностранные пасторы" [2]). Онъ настолько испорченъ и грубъ, что, при первомъ же свиданіи съ своею невѣстою, сознается ей, что влюбленъ въ фрейлину Лопухину, „желалъ бы жениться на ней", но готовъ жениться и на Екатеринѣ, „такъ какъ этого желаетъ тетка" [3]).

Не такова Екатерина. Нѣмка проводитъ въ политикѣ чисто русскіе интересы; лютеранка является защитницей православія; мелкая нѣмецкая принцесса широко раздвигаетъ предѣлы Россійской Имперіи, и продолжаетъ внутреннюю политику Петра I въ смыслѣ распространенія европейской образованности среди полуазіатскаго русскаго общества. Она пишетъ законы, создаетъ промыслы, развиваетъ торговлю, организуетъ войско, просвѣщаетъ народъ и, минуя свою родину, протягиваетъ обѣ руки къ французскимъ философамъ, „обкрадывая" [4]) Монтескье, переписываясь съ Вольтеромъ, и призывая Дидро въ Петербургъ для личнаго знакомства съ представителемъ энциклопедистовъ.

„У меня умъ отъ природы философскій" [5]), пишетъ Екатерина, будучи великою княгинею. Это направленіе ея ума предъугадалъ въ ней, еще въ ребенкѣ, графъ

[1]) Mémoires, 10. [2]) Жизнь и приключенія Болотова, II, 127. [3]) Mémoires, 10. [4]) Сборникъ, X, 31 (j'ai pillé) 95, 131. [5]) Un ésprit naturellement philosophique. Сборникъ, VII, 83.

*

Гюлленборгъ. Посѣтивъ въ Гамбургѣ родителей Екатерины, онъ укорялъ ея мать (3) за то, что она „мало или вовсе" не занимается дочерью, и тогда же замѣтилъ, что это „ребенокъ развитой не по лѣтамъ" и что у него „складъ ума очень философскій". Нѣсколько лѣтъ позже, уже въ Россіи, тотъ же графъ Гюлленборгъ назвалъ Екатерину „философкой въ пятнадцать лѣтъ" и посовѣтовалъ обратиться къ серьезному чтенію. Она перечла на своемъ вѣку Платона, Цицерона, Тацита, Монтескье, много философскихъ трактатовъ [1]), причомъ ставила себѣ за образецъ Вольтера: „въ юности моей я хотѣла во всемъ слѣдовать духу и писаніямъ Вольтера" [2]). Въ теченіи всей жизни, она „читала, перечитывала и изучала все, что выходило изъ подъ пера Вольтера" [3]). Въ 1778 году, получивъ извѣстіе о его смерти Екатерина пишетъ Гримму (4): „Вольтеръ — мой учитель. Онъ, вѣрнѣе его произведенія, образовали мой умъ, мою голову. Я ужъ говорила вамъ не разъ, думаю, что я его ученица (je suis son écolière); когда я была моложе, я любила нравиться ему; мнѣ самой нравились только тѣ мои дѣянія, которыя были достойны быть сообщенными Вольтеру, и я его тотчасъ же увѣдомляла о нихъ; онъ такъ привыкъ къ этому, что бранилъ меня (il me grondait), когда я забывала увѣдомлять его о новостяхъ и онъ узнавалъ ихъ стороною. Моя акуратность въ этомъ отношеніи ослабѣла лишь въ послѣдніе годы, вслѣдствіе быстраго хода событій" [4]).

---

[1]) Mémoires, 29, 74, 97, 120, 191, 225, 346. [2]) In meiner Jugend ich wollte alles nach Voltaire's Sinne und Schriften haben. Сборникъ, XXIII, 215. [3]) Id. 113. [4]) Id. 102.

Ни философскій складъ ума, ни чтеніе древнихъ авторовъ, ни переписка съ Вольтеромъ не заслонили въ Екатеринѣ II женщины. Даже сухой и методическій англичанинъ Димсдэль, пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1768 году, для привитія императорской фамиліи оспы, такъ описываетъ Екатерину: „Екатерина II, императрица всероссійская, росту выше средняго; въ ней много граціи и величія, такъ что даже еслибъ можно было забыть о ея высокомъ санѣ, то и тутъ ее признали бы за одну изъ самыхъ любезныхъ особъ ея пола. Къ природнымъ ея прелестямъ прибавьте вѣжливость, ласковость и благодушіе, и все это въ высшей степени; притомъ столько разсудительности, что она проявляется на каждомъ шагу, такъ что ей нельзя не удивляться“ [1]).

Знала о своихъ „природныхъ прелестяхъ“ Екатерина и пользовалась ими. Она умѣла повеселиться, охотно танцовала, любила наряды. Она съ удовольствіемъ передаетъ комплиментъ по поводу прически „en Moyse“, сказанный ей маркизомъ де-ла-Шетарди [2]), вспоминаетъ свое бѣлое платье, juste-au-corps, такъ всѣхъ плѣнившее на балу. „Моя наружность была привлекательна, въ обращеніи я была предупредительна; всякій, поговоривъ со мною четверть часа, чувствовалъ себя какъ бы старымъ знакомымъ“ [3]). Всякія условныя приличія стѣсняли ее и она не любила сдерживать себя въ этомъ отношеніи. Она ненавидѣла визитовъ королей, „потому что обыкновенно это личности скучныя, нелѣпыя (insipides), при нихъ нужно быть на вытяжкѣ“ [4]). Во время свиданія съ шведскимъ королемъ Густавомъ III она

---

[1]) Id., II, 320. [2]) Mémoires, 17. [3]) Id., 17, 59, 134, 287 и др. [4]) Сборникъ, XXIII, 91.

пишетъ Гримму: „Вотъ я опять въ роли простушки при дворѣ; моя неловкость и обычная застѣнчивость снова проявятся во всемъ блескѣ. Помолитесь за меня“ [1]). При свиданіи съ Іосифомъ II, въ Могилевѣ, она чувствовала себя сперва очень неловко [2]). Ее стѣсняли даже и „знаменитости“ (les personnages renommés), такъ какъ ихъ нужно слушать, а она сама любила поболтать за четверыхъ (jaser comme quatre).

Рядомъ съ особенностями чисто женскими, въ ней уживались, и въ иныхъ случаяхъ даже преобладали, черты мужского характера. Еще дѣвочкой, во время переѣзда изъ Цербста въ Москву, она пишетъ изъ Либавы своему отцу, что на дорогѣ прихворнула, въ чемъ, какъ сознается, сама виновата — „уничтоживъ все пиво, случившееся на дорогѣ“ [3]). Будучи великою княгинею и услышавъ совѣтъ, поданный ея мужу, что „всѣхъ раненыхъ слѣдуетъ убивать“, она шепнула своему сосѣду: „я начала бы съ того, что пустила пулю въ лобъ такому совѣтнику“ [4]). Въ своихъ „Запискахъ“ она пишетъ: „я была прямымъ и честнымъ рыцаремъ, съ душою болѣе мужскою, чѣмъ женскою; всѣ находили во мнѣ, рядомъ съ характеромъ мущины, привлекательность весьма любезной женщины“ [5]). Въ письмѣ къ г-жѣ Бьельке, пріятельницѣ своей матери, Екатерина сознается, что можетъ „хорошо вести разговоръ только съ мущинами“ [6]). Она съ негодованіемъ говоритъ, что мущины „не могли себѣ представить,

---

[1]) Id., 128. [2]) Au commencement je suais. Id., 190. [3]) Ayant avalée toutes les bières, que j'avais trouvée dans mon chemin. [4]) Сборникъ, VII, 97. [5]) Mémoires, 330. [6]) Сборникъ, X, 105.

чтобъ послѣдовательный образъ дѣйствій могъ быть плодомъ женскаго ума“ [1]).

Въ февралѣ 1778 г., Екатерина, все еще любившая повеселиться, потанцовать, не смотря на свои 49 лѣтъ, имѣла въ виду, въ теченіи двухъ недѣль, одиннадцать маскарадовъ, „не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которыя я приглашена“. Сообщая объ этомъ Гримму, въ Парижъ, она шутя прибавляетъ: „Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафію; я сказала, чтобъ торопились, такъ какъ хочу имѣть удовольствіе самой исправить ее; въ ожиданіи, я, для забавы, сама начала составлять свою эпитафію“ [2]). Эта эпитафія-шутка сохранилась въ государственномъ архивѣ. Вотъ какъ рисуетъ въ ней свой образъ сама Екатерина:

«Здѣсь лежитъ Екатерина Вторая, родившаяся въ Штетинѣ 21-го апрѣля (2-го мая) 1729 года. Въ 1744 г. она прибыла въ Россію, чтобъ выйти замужъ за Петра III. Будучи 14 лѣтъ, она составила себѣ тройной проектъ— понравиться мужу, Елизаветѣ и націи. Она ничего не упустила, чтобъ имѣть успѣхъ. Восемнадцать лѣтъ скуки и уединенія (5) доставили ей возможность прочесть много книгъ. Достигнувъ трона, она стремилась къ добру и старалась доставить своимъ подданнымъ счастіе, свободу и достатокъ. Она охотно всѣмъ прощала и никого не ненавидѣла; снисходительная, съ которою легко жилось, веселая по природѣ, республиканской души и добраго сердца, она имѣла друзей; трудъ былъ ей легокъ; общество и искуство ей нравились» (6).

Благодаря трудамъ русскаго историческаго общества, издавшаго уже нѣсколько томовъ „бумагъ императрицы Екатерины II“ (7), мы можемъ составить довольно полное представленіе о внутренней личности Екатерины,

[1]) Id., VII, 96. [2]) Id, XXIII, 77.

какою она является въ своей перепискѣ; мы м жемъ начертанный ею образъ провѣрить ея же собстве ными словами.

Екатерина II писала много, писала охотно и, конечно, не для препровожденія времени, не для забавы. На ея замѣчаніе: „le lire et l'écrire devient amusement, quand on y est accoutumé“ [1]) менѣе всего можно полагаться. По мѣткому выраженію Зибеля [2]), Екатерина хорошо умѣла употреблять перо на служеніе своимъ цѣлямъ; она видѣла въ немъ довольно вѣрное средство, когда небрежно набрасывала на бумагу довѣрчивыя строчки къ другу и когда писала остроумныя письма къ Вольтеру и энциклопедистамъ, которые должны были расточать ей похвалы по всей Европѣ, когда компоновала небольшую пьеску для своего придворнаго театра и когда составляла государственные проекты, которые должны были создать ей славу законодательницы. Екатерина II была слишкомъ умна, чтобы быть искреннею въ письмахъ къ Вольтеру, Д'Аламберу и всѣмъ „знаменитостямъ“ вѣка, имѣвшимъ большое вліяніе на общественное мнѣніе; она была честолюбива, много перенесла въ жизни, хорошо знала людей и не могла, конечно, не быть осторожною въ своихъ сношеніяхъ съ ними, особенно же письменныхъ. Она умѣла молчать, когда видѣла, что ее хотятъ вызвать на разговоръ [3]); тѣмъ болѣе она умѣла писать, чтобы заставить говорить о себѣ то, что ей было нужно или желательно. Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ всѣхъ писаній Екатерины,

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго (изд. Барсукова), стр. 484. Русскій Архивъ, 1878, II, 291. [2]) Hist. Zeitschr. V, 90. [3]) Mémoires, p. 59.

письма всего болѣе могутъ служить матерьяломъ для обрисовки ея внутренняго существа. Но письма письмамъ рознь. Иное значеніе, напримѣръ, имѣетъ письмо къ Д'Аламберу съ увѣреніемъ, что въ Россіи болѣе свободы (plus de liberté), чѣмъ во Франціи [1]), или къ Вольтеру съ категорическимъ увѣдомленіемъ, что Россія пользуется полною терпимостью [2]), и иное значеніе имѣютъ письма къ Гримму, въ которыхъ она, почти день за днемъ, записываетъ, рядомъ съ отзывами о серьезныхъ дѣлахъ, всякія мелочи, до извѣстій о рубашонкѣ своего внука [3]), великаго князя Александра Павловича, и о здоровьи Monsieur Thomas [4]), своей комнатной собачонки, включительно. Какъ произведенія Вольтера Екатерина „читала, перечитывала и изучала", такъ и свои письма къ нему она писала, переписывала и обдумывала въ нихъ каждое слово; письма же къ Гримму — черновые наброски безъ предвзятой цѣли, во всякомъ случаѣ, безъ задней мысли. Въ письмахъ Екатерины къ Вольтеру ему предлагается матерьялъ для составленія „Siècle de Catherine II", какъ pendant къ „Siècle de Louis XIV" (8); въ письмахъ же къ Гримму выражается потребность высказаться, подѣлиться радостью и выплакать горе [5]), иногда просто поболтать съ умнымъ человѣкомъ, рѣдко, впрочемъ, забывая, что этотъ умный человѣкъ, своею „Correspondance littéraire", нормировалъ взгляды многихъ дворовъ не только на произведенія искуства и на явленія литературы.

Изданная русскимъ историческимъ обществомъ переписка далеко не полна. Въ ней нѣтъ, между прочимъ,

---

[1]) Сборникъ, VII, 179. [2]) La tolérance est générale dans cet empire. Id., X, 39. [3]) Id. XXIII, 215. [4]) Id. 2, 35, 88, 89, 147 и др. [5]) Id. XXIII, 316 (отъ 2 іюля 1784), 317 (9 сентября), 319 (14 сентября), 322 (26 сентября), 344 (отъ 28 іюня 1785 г.).

ни одного письма Екатерины къ Дидро (9). Переписка эта не предназначалась къ печати. „Боюсь печати какъ огня. Никакой копіи ни одной живой душѣ“—вотъ припѣвъ, безпрестанно встрѣчающійся въ письмахъ Екатерины [1]). Было бы, однако, большою ошибкою принимать этотъ припѣвъ въ буквальномъ смыслѣ (10). Екатеринѣ было пріятно всякое превознесеніе ея въ печати, откуда оно ни исходило бы; она всегда щедро вознаграждала за такія похвалы [2]) и никогда не высказывала серьезнаго неудовольствія за обнародованіе ея писемъ [3]). Она просто желала, чтобъ письма служили только матерьяломъ для хвалебныхъ статей, къ которымъ она была чутка. „Le gazetier de Cologne en fera de bruit“ [4])—магическій доводъ, всегда склонявшій Екатерину къ уступчивости.

Лица, знавшія Екатерину дѣвочкой, ребенкомъ, не могли объяснить себѣ, какимъ образомъ изъ скромной Софіи-Доротеи-Фридерики могла выросги „необычайно-знаменитая“ Екатерина II. „На моихъ глазахъ она родилась, росла и воспитывалась“, говоритъ баронесса фонъ-Принтценъ, камеръ-фрейлина при „крошечномъ“ ангальт-цербстскомъ дворѣ [5]). „Я была свидѣтельницей ея учебныхъ занятій и успѣховъ; я сама помогала ей укладывать багажъ передъ отъѣздомъ ее въ Россію. Я пользовалась настолько ея довѣріемъ, что могла думать будто знаю ее лучше, чѣмъ кто-либо другой, а между тѣмъ никогда не угадала бы, что ей суждено пріобрѣсти знаменитость, какую она стяжала. Въ пору

[1]) Id. XXIII, 18, 74, 110, 119, 495, 535, 545, (werfen Sie ins Feuer alle meine Briefe) 548, 579 (jetez au feu ces lettres); XXXIII, 59, 185, 302. [2]) Id., X, 37, 310. [3]) Id., XXXIII, 119 и др. [4]) Id., 30. [5]) Записки Тьебо, «Русская Старина», XXIII, 589.

ея юности, я только замѣтила въ ней умъ серьезный, разсчетливый и холодный, но столь же далекій отъ всего выдающагося, яркаго, какъ и отъ всего, что считается заблужденіемъ, причудливостью или легкомысліемъ. Словомъ, я составила себѣ понятіе о ней, какъ о женщинѣ обыкновенной". Такою она и была въ домѣ родителей, гдѣ mademoiselle Cardel учила ее не скупиться въ разговорѣ словомъ „monsieur", отчего „челюсти не разваляются"[1]), „ehrwürdige pasteur" Вагнеръ преподавалъ „предметы" и училъ нѣмецкому правописанію[2]), уроки французской калиграфіи преподавалъ Лоранъ[3]), музыки—Рэллигъ[4]). Дѣвочка росла одна, безъ подругъ. Однимъ изъ развлеченій было появленіе старой тетки, вѣчно восторгавшейся „застольными рѣчами" Лютера. Какъ воспитаніемъ, такъ и образованіемъ ребенка настолько пренебрегали, что графъ Гюлленборгъ, другъ дома, считалъ справедливымъ упрекнуть по этому поводу мать Софіи-Доротеи-Фридерики.

Между тѣмъ, изъ писемъ Екатерины несомнѣнно, что зачатки происшедшей позже перемѣны были положены именно въ этой скромной обстановкѣ „крошечнаго" двора.

„Что вамъ дѣлать въ Штетинѣ?" спрашиваетъ Екатерина Гримма въ письмѣ отъ 29-го іюня 1776 года. „Но если ужъ такая охота посѣтить Штетинъ, то знайте, что я родилась въ грейфенхеймскомъ домѣ, что я жила и воспитывалась въ лѣвомъ углу замка, что я занимала на верху три комнаты со сводами. Тамъ г-жа Кардель наставляла меня (m'endoctrinait) и г. Вагнеръ

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 18. [2]) Id. 43. [3]) Id. 42. [4]) Id. 89. По Я. Гроту, Беллигъ. Др. и Нов. Россія, 1875. I. 115.

преподавалъ мнѣ свои упражненія“ [1]). Въ этихъ-то сводчатыхъ комнатахъ грейфенхеймскаго дома впервые формировался „философскій складъ ума“ ребенка. Вагнеръ и Кардель — двѣ противоположности, каждая изъ которыхъ имѣла свою долю вліянія на воспріимчивую дѣвочку и обѣ вмѣстѣ давали поводъ къ сопоставленіямъ, быть можетъ, пробуждали впервые сомнѣніе. Вагнеръ былъ лютеранинъ, Кардель — кальвинистка; онъ ни слова не понималъ по французски, она — ни слова по нѣмецки [2]); Вагнеръ былъ тупой педантъ, знавшій только свои „ennuyeuses Prüfungen“ [3]), Кардель „знала почти все, ничему не учившись, совершенно какъ ея ученица“ [4]); Вагнеръ былъ „глупъ“, Кардель—„умная дѣвушка“ [5]), которая „знала по пальцамъ всѣ комедіи и трагедіи“ [6]) и пріохочивала свою ученицу къ чтенію комедій Мольера [7]). Кардель недаромъ прозвала дѣвочку „esprit gauche“ [8])—Софія-Доротея-Фридерика принимала всѣ наставленія по своему и дѣлала все не такъ, какъ другіе [9]): слушая Tischreden Лютера, чтеніе которыхъ старою теткою сопровождалось восхваленіями ихъ творца, дѣвочка получила отвращеніе и къ Tischreden [10]), и къ ихъ автору [11]). Кардель не читала, конечно, съ своей ученицей „Lettres philosophiques“ Вольтера, но филофскій скептицизмъ вѣка проникалъ въ грейфенхеймскій домъ не черезъ одного только Мольера. Изъ всѣхъ „скучныхъ“ наставленій Вагнера, дѣвочка запомнила только поученіе, что „примѣры ничего не значатъ, а все зависитъ отъ приро-

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 50—51 (Prüfungen). [2]) Id. 78. [3]) Id. 89. [4]) Id. 79. [5]) Id. 88. [6]) Id. 18 [7]). Id. 111. [8]) Id. 113. [9]) Id. 12. [10]) Id. 41. [11]) Id. 29 (Votre Luther est un gros rustre).

ды человѣка" [1]), т. е. именно то начало, которое позже выставятъ, какъ свое евангеліе, Гельвецій, Дидро, Гольбахъ. „Будучи дѣвочкой — пишетъ Екатерина — я говорила себѣ: чтобъ быть чѣмъ-нибудь (quelque chose) въ этомъ мірѣ, необходимо имѣть качества, требуемыя этимъ что-нибудь (quelque chose); посмотримъ же серьезно въ наше маленькое внутреннее я— имѣемъ-ли мы эти качества? Если не имѣемъ — выработаемъ ихъ. Что же это—ничто или лютеранство? [2]). Право, не лютеранство. Мартинъ Лютеръ былъ олухъ (rustre); онъ не поучалъ ничему подобному" [3]). Если отбросить „олуха" и вообще нападки на лютеранство, какъ выраженія позднѣйшаго развитія и вліянія политическихъ соображеній, получится тотъ „философскій складъ ума", который былъ замѣченъ въ этомъ „esprit gauche" еще графомъ Гюлленборгомъ, и нуженъ былъ только хотя бы внѣшній толчокъ, чтобъ развитіе этого склада приняло болѣе серьезное направленіе.

Такимъ толчкомъ былъ переѣздъ въ Россію.

Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ принцеса цербстская была перевезена изъ Цербста въ Москву (11). Это не былъ переѣздъ изъ одного города въ другой—это было переселеніе въ совершенно иной міръ, съ иными нравами и обычаями, гдѣ люди чувствовали и мыслили иначе, иначе одѣвались, иначе ѣли. Фантастическія путешествія Жюля Верня не производятъ на насъ такого сильнаго впечатлѣнія, какое должно было произвесть русское общество половины прошлаго вѣка на 14-тилѣтнюю принцесу, хотя и „toute faite", какъ выразился Фри-

---

[1]) Id. 72. [2]) Непереводимая игра словъ, подчеркнутыхъ самою Екатериною: y a-t-il du rien ou luthérien à cela? [3]) Id. 12.

дрихъ II (12) въ письмѣ къ императрицѣ Елизаветѣ. Золото и парча, нѣга и роскошь ослѣпляли и плѣняли глазъ прежде, чѣмъ удавалось разсмотрѣть, что это не золото, а позолота, не нѣга, а развратъ. Это былъ омутъ, въ которомъ не легко было осмотрѣться, съ которымъ трудно было освоиться, еще труднѣе сжиться; омутъ моральный еще болѣе, чѣмъ политическій и экономическій. Интриги и козни, пересуды и сплетни составляли основу людскихъ отношеній; поступки и дѣла оцѣнивались по степени успѣха; нравственное чувство замѣнялось внѣшнимъ приличіемъ, служеніе дѣлу — угодливостью лицамъ, религіозность — ханжествомъ. О любви, о сердечной привязанности не могло быть и рѣчи тамъ, гдѣ мать наталкивала дочь на любовника, лишь бы имѣть внука [1]). Невѣжество царитъ во всѣхъ слояхъ общества и высоко поднимаетъ голову даже у ступеней трона; архіерей официально сознается синоду, что онъ „главою весьма немощенъ". Нигдѣ никакой дисциплины: архіерей бьетъ по щекамъ воеводу; воеводскій товарищъ замучиваетъ до смерти священника; члены коллегій и канцелярій небрегутъ службою, отчего происходитъ великая волокита въ дѣлахъ; на реприманды сената никто не обращаетъ вниманія. По годамъ не производятся счоты и сборы подушныхъ денегъ; арміи обкрадываются военачальниками; корабли гніютъ въ гаваняхъ; земледѣліе отягощается неустановленными поборами; полиція безсильна противъ своеволія солдатъ, которые грабятъ, бунтуютъ и разбойничаютъ; промышленная дѣятельность страдаетъ отъ недостатка рукъ, которыя всѣ обратились къ хищенію и

[1]) Mémoires, 319.

легкой наживѣ [1]). Нигдѣ и ни въ комъ ни чувства долга, ни сознанія своего достоинства. Нареченный женихъ Софіи-Доротеи-Фридерики, потомъ мужъ Екатерины, Петръ Ѳедоровичъ, проводитъ цѣлые дни или съ лакеями, играя въ куклы, или съ голштинскими солдатами, пьянствуя, не выпуская изо рта трубки [2]). Рядомъ съ спальнею онъ устроилъ псарню, а въ самой спальнѣ безобразничалъ съ ряжеными лакеями и горничными. Онъ, не краснѣя, разсказывалъ невѣстѣ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ и не скрывалъ передъ женою своихъ отношеній къ придворнымъ дамамъ [3]). Это былъ „взрослый ребенокъ" [4]), но ребенокъ испорченный — онъ любилъ подслушивать, шпіонить, по цѣлымъ часамъ билъ своихъ собакъ палками, по цѣлымъ суткамъ вѣшалъ мышей въ своей комнатѣ.

Вотъ среда, въ которой Екатеринѣ предстояло жить. Вскорѣ по пріѣздѣ къ русскому двору она уже чувствовала себя одинокою, безъ совѣтника, безъ друга. Положеніе тяжелое. Екатерину спасъ ее холодный, разсчетливый, бранденбургскій умъ.

Цербстская принцеса пріѣхала въ Россію вовсе не „наивнымъ ребенкомъ" [5]). Екатерина и въ этомъ отношеніи была противоположностью Петра: онъ до самой смерти остался ребенкомъ, она очень рано вышла изъ пеленокъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, она сознала

---

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, XXI, 305 и слѣд. 2) Архивъ князя Воронцова, XXI, 27, 29, 41. Mémoires, 239. 3) Mémoires, 37, 214. 4) Соловьевъ, XXIV, 50. 5) Sybel, Kl. hist. Schr., I, 159: «Das Kind, welches ganz naiv die Hände nach dem Glanz der russischen Krone aufstreckte» u. s. w. Hillebrand, Katharina II und Grimm, Deut. Rundschau, VII, 385: «Das vierzehnjährige Prinzesschen, immerhin ein Kind» u. s. w.

свое тяжелое положеніе, и заболѣла (13). Нѣсколько дней была она „между жизнью и смертью"; болѣе мѣсяца пролежала въ постели, но оправилась—молодость и крѣпкая натура помогли перенести недугъ. Переломъ нравственный совершился, и она встала съ постели съ твердымъ намѣреніемъ быть привѣтливою ко всѣмъ, не вмѣшиваться ни во что, не выдвигаться впередъ, оказывать безграничное повиновеніе императрицѣ, глубочайшее уваженіе великому князю и всѣми силами стараться заслужить любовь всѣхъ въ своемъ новомъ отечествѣ. Это рѣшеніе было принято вполнѣ обдуманно и проводимо съ твердостью поражающею, особенно въ женщинѣ. Такъ, напримѣръ, ни увѣщанія отца, ни его „Pro memoria", ни обѣщанія, данныя отцу [1]), ничто не удержало принцесу, и она также легко изъ лютеранки сдѣлалась православной (14), какъ, нѣсколько лѣтъ позже, подтрунивала надъ обрядами греческой церкви [2]), глумилась надъ протестанствомъ [3]) и улыбалась, слушая католическую мессу [4]) въ Могилевѣ или привѣтствія іезуитовъ въ Полоцкѣ.

Гдѣ причина такой перемѣны? Въ чемъ искать разгадку этой рѣшимости связать свою судьбу съ міромъ, ей совершенно чуждымъ, и, какъ мы видѣли, не особенно привлекательнымъ?

Отвѣтъ, и довольно категорическій, дала сама Екатерина сто лѣтъ назадъ, и этотъ отвѣтъ повторяется всѣми и по сей день: она сознавала тяжолое настоящее, она предвидѣла горькое будущее, но рѣшилась все перенести, все претерпѣть, потому что была „неравно-

---

[1]) Сборникъ, VII, 2. [2]) Id., XXIII, 19, 257, 597, 683; XXVII, 4. [3]) Id. XXIII, 12, 28, 41, 106, 331. [4]) Id., 181—182.

душна къ русской коронѣ“ [1]). Къ какой коронѣ? Императрица Елизавета была тогда во цвѣтѣ лѣтъ — ей былъ 36-й годъ; великій князь Петръ Ѳедоровичъ — юноша, всего лишь годомъ старше самой Екатерины. О какой же коронѣ могла мечтать великая княжна Екатерина Алексѣевна въ 1744 году! Здѣсь, очевидно, послѣдующіе факты вспоминаются для оправданія предшествовавшихъ имъ рѣшеній. Кажется, нѣтъ надобности повторять слова Екатерины о коронѣ, не имѣвшія въ то время никакого значенія, когда существуютъ болѣе близкіе и естественные мотивы—Екатерина вывезла ихъ со своей родины, они поддерживали ее въ пути изъ Цербста въ Москву, они облегчили ей пониманіе православныхъ уроковъ архимандрита ипатскаго, они же побудили ее къ перемѣнѣ, имѣвшей вліяніе на всю ея жизнь.

Екатерина родилась и росла въ довольно скромной обстановкѣ „крошечнаго“ двора, среди скудной поморской природы, причомъ ея уму и воображенію безпрестанно и повсюду рисовались картины могущественной державы, славной своими громкими побѣдами, поражавшей своими несмѣтными богатствами, ослѣплявшей роскошью своей жизни. Здѣсь, въ Помераніи, повсюду стояли еще недавно русскія войска; тамъ, въ сосѣдней Даніи, русскій царь ведетъ, по поясъ въ водѣ, свои войска къ побѣдѣ; всюду, въ разсказахъ, чудится ей грандіозная фигура Петра, командующаго флотами четырехъ государствъ; вотъ, по Одеру, плывутъ голштинскія суда съ ея земляками, ѣдущими искать счастія

[1]) Mémoires, 16: «Le grand duc m'était à peu près indifférent, mais la couronne de Russie ne me l'était pas».

въ Россіи. Въ Штетинѣ и Цербстѣ, въ Гамбургѣ, Брауншвейгѣ и Берлинѣ, всюду слышитъ она разсказы о храбрости русскихъ войскъ, о богатствѣ русскихъ вельможъ, о величіи Россіи, и эти разсказы глубоко западаютъ въ душу ребенка честолюбиваго, сильно волнуютъ воображеніе, которое рисуетъ ей заманчивые, чарующіе перспективы. Когда, съ годами, эти соблазнительные образы получили болѣе сознательное значеніе, когда разность между цербсткимъ и русскимъ представлялась осязательнѣе—тогда-то является приглашеніе ѣхать въ Россію, изъ цербстской принцесы стать русскою великою княгинею. Она видитъ въ этой поѣздкѣ осуществленіе ея дѣтскихъ мечтаній, быть можетъ, юношескихъ вожделеній, и ѣдетъ охотно — въ дорогѣ она „походитъ на солдата, встрѣчающаго опасность съ хладнокровіемъ“ [1]), и спитъ непробуднымъ сномъ, когда разбились сани, ударившись, на всемъ скаку, объ уголъ дома [2]). И по дорогѣ, и въ Москвѣ все свидѣтельствуетъ о богатствѣ, о роскоши—„все съ галунами, все выложено золотомъ, великолѣпно“ [3]); все плѣняетъ глазъ — и звѣзда ордена св. Екатерины, и „шлейфъ на шею, и серьги брильянтовыя въ 60,000 рублей“ [4]), и брильянтовая запонка, и „ожерелье въ 150,000 рублей“ [5]). А уваженіе, а почетъ? „Мы живемъ, какъ королевы. Когда мы выѣзжаемъ, то выѣздъ удивительный“ [6]). Великолѣпная свита, толпа царедворцевъ, блистательный церемоніалъ, baise-main — все это бросить ради „Вѣрую“ и возвратиться опять въ мизерную обстановку „крошечнаго“ двора? Если Парижъ

---

[1]) Брикнеръ, 210. [2]) Сборникъ, VII, 23. [3]) Id., 28. [4]) Осмнадцатый Вѣкъ, I, 423. [5]) Сборникъ, VII, 35. [6]) Id., 28.

стоилъ мессы, то Россія и подавно стоила „Вѣрую“, и Екатерина „d'une voix nette et claire et d'une prononciation, qui a étonné tout le monde, en récita tous les articles sans broncher d'une syllabe“ [1]). Не только въ первые дни или мѣсяцы, въ первые годы пребыванія Екатерины въ Россіи не могло быть и помысловъ о „русской коронѣ“, ни даже послѣ 21-го августа 1745 года, дня бракосочетанія (15). „Русская корона“, какъ причина рѣшенія, принятаго Екатериною, какъ мотивъ дѣйствій, явилась уже значительно позже, когда обдумывался планъ „Записокъ“ и чувствовалась потребность придать своимъ поступкамъ мотивы болѣе высокаго порядка, государственнаго значенія.

Въ теченіи 18-ти лѣтъ, съ пріѣзда въ Россію до вступленія на престолъ, Екатеринѣ не разъ приходилось читать „Вѣрую“. Нужна была крайняя осторожность, чтобъ не возбудить подозрѣнія императрицы, канцлера и той массы соглядатаевъ, которые слѣдили за каждымъ ея шагомъ. Ей было запрещено переписываться (16) даже съ матерью, и она должна была прибѣгать къ помощи иностранцевъ-музыкантовъ, чтобы обмануть бдительность окружавшихъ ее наушниковъ и наушницъ [2]). Среди придворнаго шума она была совершенно одинока: императрица не довѣряла ей, мужъ не любилъ ее, приближенные ко двору, желая сохранить милость императрицы, избѣгали ее; даже придворная прислуга, стараясь выслужиться, относилась къ ней недоброжелательно. Вѣрная своему рѣшенію сохранить за собою занятое положеніе, Екатерина все видитъ, все наблюдаетъ, все

[1]) Id., 33. [2]) Mémoires, 92. Сборникъ, VII, 71.

старается понять, но ничего не высказываетъ, все таитъ въ себѣ, оставаясь со всѣми мила и любезна, ко всѣмъ внимательна и предупредительна. Такое поведеніе начинало мало-по-малу приносить свои плоды. Въ 1755 г. англійскій посолъ Уйльямсъ писалъ своему двору: „Какъ только Екатерина пріѣхала сюда, она начала стараться всѣми средствами пріобрѣсти любовь русскихъ. Она достигла своей цѣли и пользуется здѣсь большою любовью и уваженіемъ. Ея обращеніе очень привлекательно“ [1]). Время, свободное отъ обязанностей, налагаемыхъ придворнымъ этикетомъ, Екатерина коротала бесѣдами съ фрейлинами, катаньемъ верхомъ и чтеніемъ. Благодаря совѣту друга своей семьи „питать свою душу серьезнымъ чтеніемъ“ [2]), она постепенно переходитъ отъ романовъ, въ родѣ „Tristan le blanc“, отъ различныхъ „Vies“ Брантома (17) къ болѣе серьезнымъ книгамъ, какъ „Vie de Henry IV“ Перефикса или „Histoire d'Allemagne“ Барри, прочитываетъ Плутарха, Цицерона, трудится надъ Монтескье, съ наслажденіемъ проглатываетъ „Lettres de M-me de Sevigné“, въ 1746 г. впервые знакомится съ сочиненіями Вольтера, читаетъ „Dictionnaire historique et critique“ Бэйля, „Политику“ Платона, „Дѣянія церковныя и гражданскія“ Баронія, читаетъ много, выбирая книги изъ присланныхъ ей каталоговъ академіи. Если жизнь выработывала характеръ Екатерины, то чтеніе образовывало ея умъ, дисциплинируя его въ общефилософскомъ направленіи. Графъ Гюлленборгъ, видѣвшій Екатерину въ 1745 г., назвалъ ее „философкой въ пятнадцать лѣтъ“; въ 1750 г. она, въ письмѣ къ матери, говоритъ уже о себѣ: „философка

---

[1]) Соловьевъ, XXIV, 56. [2]) Mémoires, 29. Сборникъ, X, 157.

насколько можно, я не даю воли страстямъ“ [1]), а черезъ годъ, съ 1751 г., начинаетъ выходить „Encyclopédie“ Дидро, съ которою Екатерина долго уже не разстанется. Чтеніе философовъ вѣка, особенно же энциклопедистовъ, обогатило Екатерину такою политическою зрѣлостью, которая не достигается ни практикой, ни опытомъ [2]). Она доказала это не столько вступленіемъ на престолъ, сколько дѣйствіями, подготовившими переворотъ 28-го іюня 1762 г. Практическія именно соображенія и житейскій опытъ въ значительной степени измѣнили ея политическіе взгляды и убѣжденія и, конечно, не въ томъ направленіи, которое могло бы порадовать философовъ, бывшихъ ея учителями. Прежде, будучи великой княгиней, она читала философскія и политическія сочиненія единственно для собственнаго развитія, для просвѣщенія своего ума; позже, ставъ императрицей, она вошла въ непосредственныя сношенія съ философами, имѣя въ виду ихъ вліяніе на общественное мнѣніе, желая привлечь ихъ на служеніе своимъ цѣлямъ.

Исторія отношеній Екатерины къ современнымъ ей философамъ еще не составлена; даже матерьялъ, по-

---

[1]) Сборникъ, VII, 72. [2]) Вотъ, для примѣра, нѣсколько замѣтокъ, набросанныхъ Екатериною въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы: 1) «Свобода — душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво. Желаю, чтобъ повиновались законамъ, но не рабски; стремлюсь къ общей цѣли—сдѣлать всѣхъ счастливыми» (Сборникъ, VII, 84); 2) «Власть безъ довѣренности народа ничего не значитъ для того, кто желаетъ быть любимымъ и славнымъ; этого легко достигнуть—стоитъ только основать свои дѣйствія на благѣ народа и на справедливости, на двухъ началахъ, всегда неразлучныхъ», (Id. 85); 3) «Если хотите уваженія общества, то пріобрѣтите его довѣріе, основывая весь образъ вашихъ дѣйствій на правдѣ и общественномъ благѣ» (Id. 88).

требный для этого труда, еще не собранъ. Будущій историкъ отмѣтитъ, вѣроятно, двѣ рѣзко выразившіяся особенности этихъ отношеній: во первыхъ, философскія начала, даже удостоившіяся наибольшихъ похвалъ со стороны Екатерины, не получали практическаго примѣненія и, тѣмъ не менѣе, этими отношеніями достигались наиболѣе практическія цѣли, и, во вторыхъ, чѣмъ менѣе Екатерина готова слѣдовать указаніямъ философіи, тѣмъ болѣе высказываетъ она приверженности къ философамъ.

Изъ всѣхъ современныхъ философовъ Екатерина особенно отличала двухъ: несочувствовала Руссо и плѣнялась Монтескье. Изъ бумагъ Екатерины не видны причины ея нелюбви къ Руссо. Быть можетъ, Екатеринѣ не нравился его идеализмъ, его риторическое изложеніе [1]), но можетъ быть также, что своимъ проницательнымъ умомъ Екатерина понимала куда ведетъ то равенство, которое проповѣдовалъ Руссо, и предъугадывала возможность постановленій знаменитой ночи 4-го августа 1789 г. Хотя Руссо не касался вопроса о собственности и, кажется, не раздѣлялъ взглядовъ Морелли, высказанныхъ въ „Code de la Nature", Екатерина, тѣмъ не менѣе, признавала выставленный имъ принципъ равенства настолько вреднымъ, что, вскорѣ же по вступленіи на престолъ, въ высочайшемъ повелѣніи отъ 6-го сентября 1763 г., выразилась такъ: „Слышно, что въ академіи наукъ продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, и которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напримѣръ Эмиль Руссо... Надлежитъ приказать

1) Hillebrand, 394; Кобеко, Екатерина и Руссо, въ Ист. Вѣст., XII, 603.

наикрѣпчайшимъ образомъ академіи наукъ имѣть смотрѣніе, дабы въ ея книжной лавкѣ такіе непорядки не происходили" [1]). Упоминая объ умершемъ Руссо, Екатерина прибавляетъ „de douteuse mémoire"; но, когда ей то выгодно, она приводитъ слова Руссо въ защиту своего мнѣнія: къ письму отъ 12-го мая 1791 г. она приложила длинную выписку изъ сочиненія Руссо, въ которой говорится, что „les lois de liberté sont plus austères que n'est dur le joug des tyrans" [2]). Произведенія Монтескье Екатерина изучала особенно старательно. „Два уже года мои главныя занятія заключаются въ перепискѣ и оцѣнкѣ началъ Монтескье. Я стараюсь понять его и уничтожаю сегодня то, что находила вчера очень хорошимъ" [3]). Эти начала Монтескье были ей необходимы при составленіи „Наказа коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія": приходилось касаться общихъ положеній государственнаго права, давать юридическія опредѣленія, высказывать политическія тенденціи—Екатерина брала ихъ у Монтескье, передѣлывая и толкуя его „начала" иногда такъ, что не легко было бы узнать оригиналъ, съ котораго они списывались. Она писала Д'Аламберу въ 1765 г.: „Вы увидите изъ „Наказа", какъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его: надѣюсь, что еслибъ онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы этотъ плагіатъ ради блага двадцати милліоновъ людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобъ обидѣться тѣмъ; его книга служитъ для меня молитвенникомъ" [4]). Че-

---

[1]) Сборникъ, VII, 318. [2]) Id., XXIII, 538. [3]) Id., X, 131. [4]) Сборникъ, X, 31. L'Esprit des lois est le b r e v i a i r e des souverains pour peu qu'ils ayent le sens commun. I, 269.

резъ годъ, въ 1766 г., Екатерина извѣщаетъ Вольтера, что включила въ „Наказъ“ свой извлеченіе изъ „L'esprit des lois“, именно о волшебствѣ [1]. Въ устахъ Екатерины не было лучшей похвалы, какъ признать какое-либо произведеніе достойнымъ пера Монтескье [2]. Но и съ Монтескье, какъ и съ Руссо, Екатерина не была въ перепискѣ: Монтескье умеръ въ 1755 г., когда она ни съ кѣмъ не могла еще переписываться; Руссо былъ для нея невыносимъ.

Только ставъ императрицею, Екатерина входитъ въ непосредственныя сношенія съ философами и, прежде всего, съ Дидро. „Черезъ девять дней по восшествіи своемъ па престолъ“ [3], 6-го іюля 1762 г., Екатерина предлагаетъ уже Дидро пріѣхать въ Петербургъ для окончанія „Энциклопедіи“, изданіе которой встрѣчало много затрудненій въ Парижѣ. На практическую Екатерину „Энциклопедія“ произвела большое впечатлѣніе. Она читала ее, держала постоянно подъ рукою и никогда не разставалась съ нею, то заимствуя изъ нея общія начала для своихъ преобразовательныхъ плановъ (18), то выбирая сюжеты для театральныхъ пьесъ, то отыскивая смыслъ словъ, то провѣряя отдѣльныя выраженія [4]. По „Энциклопедіи“ составила себѣ Екатерина понятіе о Дидро, за нее она полюбила его, и воспользовалась представившимся случаемъ впервые обратить на себя вниманіе, заставить говорить о себѣ: она купила библіотеку Дидро, причемъ оставила ее ему въ пожизненное пользованіе, пригласивъ его же быть библіотекаремъ съ извѣстнымъ ежегоднымъ содержані-

---

[1]) Id. 95. [2]) Id., XXIII, 130. [3]) Id., XXXIII, 48. [4]) Id., XXIII, 374. Храповицкій, 17, 27, 54 и др.

емъ. Это былъ практически-умный ходъ съ ея стороны и она вполнѣ достигла своей цѣли: Вольтеръ, Д'Аламберъ Гриммъ, друзья Дидро, прокричали о Екатеринѣ по всей Европѣ. Соблазненная успѣхомъ перваго своего хода, она, черезъ два года, дѣлаетъ второй: выплачиваетъ Дидро его жалованье за 50 лѣтъ впередъ. Конечно, и второй ходъ удался вполнѣ. За первыми ходами были слѣланы и послѣдующіе. Въ угоду Вольтеру, Екатерина осыпаетъ своими благодѣяніями лицъ, которымъ онъ покровительствуетъ [1]), и удостойвается отъ него похвалъ, установившихъ ее репутацію въ Европѣ, какъ женщины просвѣщенной и добродѣтельной, какъ примѣрной государыни, способной осчастливить страну.

Можно только удивляться уму и такту, съ которыми Екатерина завязывала и поддерживала свои сношенія съ философами. Въ ея перепискѣ съ Вольтеромъ и Д'Аламберомъ, съ Дидро и Гриммомъ, въ ея отзывахъ о Метастазіо и Беккаріа, объ Эйлерѣ и Галлерѣ видѣнъ свободный мыслитель и гуманистъ, передъ которымъ даже такой государь, какъ Фридрихъ II, если не остается въ тѣни, то отходитъ на второй планъ, и, въ то же время, видѣнъ человѣкъ вполнѣ практическій, у котораго личный интересъ возведенъ какъ бы въ философскій принципъ. Екатерина ни предъ чѣмъ не останавливается для достиженія преднамѣренной цѣли, ни даже предъ обманомъ и ложью. Такъ, напримѣръ, она увѣряла Вольтера, что „въ Россіи нѣтъ мужика, который не ѣлъ бы курицы, когда ему угодно, а съ нѣкотораго времени они предпочитаютъ индѣекъ курамъ“ (19). Въ

---

[1]) Сборникъ, X, 95.

письмѣ отъ 1771 г. она пишетъ тому же Вольтеру: „Что же касается записокъ объ исповѣди, то мы не знаемъ даже ихъ названія“ [1]). И что же? Въ томъ же самомъ году, быть можетъ въ тотъ же самый день, она подписала „высочайшій выговоръ“ тобольскому губернатору Чичерину за нерадѣніе въ составленіи „исповѣдныхъ росписей“ [2]). Екатерина такъ умно и ловко

[1]) Id., XIII, 101. [2]) Въ теченіи всего XVIII столѣтія въ Россіи взимался штрафъ съ небывшихъ у исповѣди и святаго причастія. Для взиманія штрафа были заведены при каждой приходской церкви такъ называемыя духовныя росписи или исповѣдныя росписи — книги, въ которыя записывались всѣ бывшіе у исповѣди. Исповѣдный штрафъ былъ установленъ при Петрѣ Великомъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ, вслѣдствіе уклоненія «вѣрноподданныхъ православнаго исповѣданія» отъ исполненія св. таинствъ, не приключилось «раскольнической ереси преумноженіе». Размѣръ штрафа не былъ точно опредѣленъ: которые не были на исповѣди, «на тѣхъ людей класть штрафы противъ доходовъ съ него втрое»; крестьяне «съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ платятъ вдвое», а «съ женскаго полу, со вдовы и дѣвокъ, противъ опаго вполы». Исповѣдный штрафъ, по самому способу опредѣленія, наложенія и взысканія былъ мѣрой чисто фискальною, полицейскою, и велъ къ страшнымъ злоупотребленіямъ со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей. Препирательства этихъ властей по поводу исповѣднаго штрафа доходили до размѣровъ, для нашего времени совершенно даже непонятныхъ. Такъ, напримѣръ, получивъ высочайшій выговоръ и желая досадить митрополиту Павлу, губернаторъ Чичеринъ нарядилъ всѣхъ своихъ слугъ и полицейскихъ солдатъ въ монашеское платье и во время масляницы приказалъ имъ ѣздить по городу и заходить во всѣ кабаки и непотребные дома. Въ отместку за это поруганіе, митрополитъ приказалъ нарисовать на церковной паперти картину страшнаго суда и на первомъ планѣ помѣстить портретъ губернатора, котораго черти тянутъ крючьями въ адъ (изъ рукоп. ист. христіанства въ Сибири, Х. Сулоцкаго, въ Русск. Вѣстн., CLVII, стр. 36). Ср. Русскій Архивъ, 1867, стр. 365.

поставила себя относительно философовъ, что они являлись добровольными ея защитниками рѣшительно во всѣхъ ея предпріятіяхъ; она такъ хорошо знала съ кѣмъ имѣетъ дѣло, что всѣ „князи философіи“ были за Екатерину даже въ польскомъ вопросѣ. Польскихъ конфедератовъ они называли „сволочью“ [1]), а въ Екатеринѣ видѣли чуть-ли не апостола вѣротерпимости и піонера цивилизаціи по отношенію къ Польшѣ! Въ то время, какъ иностранные философы не только оправдывали ее вмѣшательство въ польскія дѣла, но считали раздѣлъ Польши актомъ политической мудрости, русскій вельможа, посолъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, писалъ изъ Лондона своему брату, президенту комерцъ-коллегіи, графу Александру Романовичу, въ Петербургъ:

«Все, что вы и господа Безбородко и Марковъ пишете мнѣ, чтобъ оправдать новый раздѣлъ Польши, не убѣждаетъ меня и не заставляетъ меня измѣнить мнѣніе, что это есть сдѣлка ничѣмъ не оправдываемаго вѣроломства. Это дѣло само по себѣ представляется слишкомъ явною несправедливостью; но вѣроломный способъ приведенія въ исполненіе дѣлаетъ его еще болѣе противнымъ. Если ужъ было рѣшено сдѣлать эту несправедливость, то слѣдовало прямо сказать, что мы грабимъ Польшу, чтобы отмстить ей за то, что она желала заключить наступательный союзъ съ турками противъ насъ; но вмѣсто этого говорятъ о дружбѣ, обнародываютъ манифестъ съ заявленіемъ, что ищутъ только блага Польши, что ей хотятъ обезпечить цѣльность ея владѣній и пользованіе ея старымъ правительствомъ, при которомъ она процвѣтала съ такимъ блескомъ въ теченіи столькихъ вѣковъ! Можно-ли воображать послѣ этого, что какой либо дворъ будетъ имѣть какое либо довѣріе къ намъ?» [2]).

Изъ писемъ же Екатерины видно, что сами философы побуждали ее къ раздѣламъ. Такъ, она пишетъ въ 1789 г.: „Вы напрасно стараетесь уничтожить поль-

---

[1]) La canaille. Сборникъ, XXXIII, 57. [2]) Архивъ, IX, 302.

скую націю—она сама работаетъ въ этомъ направленіи; по крайней мѣрѣ, она уничтожила постоянный совѣтъ, единственное высшее учрежденіе, которое наблюдало за исполненіемъ закона. Не безпокойтесь: безумное ничтожество націи поведетъ ее отъ одной крайности къ другой и придетъ время, когда она сознаетъ свою глупость и будетъ раскаиваться. Надо правду сказать — вы большой политикъ: на двухъ страницахъ вы обозрѣваете всю Европу, но такъ какъ это дѣлается только изъ желанія сказать мнѣ, что я должна дѣлать только то, что мнѣ предписываетъ моя выгода, то я вамъ очень благодарна и увѣряю васъ, что не премину воспользоваться вашимъ совѣтомъ" [1]).

Читая письма Екатерины къ Вольтеру и о Вольтерѣ, не трудно убѣдиться, что она ставила его выше всѣхъ современныхъ философовъ, на ряду съ Монтескье. Вольтера называетъ она своимъ учителемъ, его ставитъ себѣ въ образецъ [2]); въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти Вольтера, она подписывается на сто экземпляровъ его произведеній: „Дайте мнѣ сто полныхъ экземпляровъ произведеній моего учителя, чтобъ я могла размѣстить ихъ повсюду. Хочу, чтобъ они служили образцомъ, хочу, чтобъ ихъ изучали, чтобъ выучивали наизусть, чтобъ души питались ими; это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ и авторовъ; это разовьетъ сто тысячъ талантовъ, которые безъ того потеряются во мракѣ невѣжества. Какова тирада?" [3]) Дѣйствительно, было бы большою ошибкою видѣть въ этихъ строкахъ что либо иное, кромѣ тирады. Когда было объявлено объ изданіи полнаго собранія сочиненій Вольтера, Екатерина писала

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 472. [2]) Id. 102, 247. [3]) Id. 104.

Гримму: „Но, послушайте, кто же въ силахъ прочесть пятьдесятъ два тома сочиненій Вольтера? Когда изданіе выйдетъ въ свѣтъ, купите за мой счетъ два экземпляра для Ваньера, отправьте ихъ ему отъ моего имени и скажите ему, чтобъ онъ отмѣтилъ въ одномъ изъ экземпляровъ, что̀ справедливо и что̀ несправедливо, и переслалъ бы мнѣ этотъ экземпляръ" [1]). Получивъ просмотрѣнные уже Ваньеромъ тома, она даже не раскрывала ихъ [2]). Мало того: въ 1767 г., при жизни Вольтера, отправляя графовъ Ольденбургскихъ (20) заграницу путешествовать, Екатерина воспретила имъ посѣщать Лозанну или Женеву, „чтобъ не быть въ близости отъ Вольтера" [3]).

Въ перепискѣ съ философами Екатерина является женщиной въ высшей степени умной, проницательной и практической; она эксплуатируетъ ихъ насколько возможно, беретъ отъ нихъ все, что они дать могутъ, пользуется ихъ знаніями, ихъ вліяніемъ на общественное мнѣніе, но сама не подчиняется ихъ вліянію, дѣйствуетъ самостоятельно, какъ истый философъ. Пріобрѣтя довѣріе и „заслуживъ" похвалы знаменитыхъ „князей философіи", Екатерина ведетъ съ ними переписку, задаетъ имъ вопросы, приглашаетъ, по ихъ указанію, въ Россію учоныхъ, техниковъ, артистовъ. Екатерина была занята цѣлымъ рядомъ законодательныхъ работъ, заботилась объ учрежденіи образовательныхъ заведеній, поощряла промышленность, создавала новые рынки для торговли, проводила новые пути сообщенія, дѣлала грандіозныя постройки. По поводу всѣхъ этихъ трудовъ она хотѣла слышать мнѣніе философовъ, желала получить ихъ одобреніе. Екатерина не довольствовалась перепиской и

[1]) Id. 278. [2]) Id. 334. [3]) Сборникъ, X, 173.

постоянно желала имѣть около себя одного изъ „князей философіи“, прежде всего, конечно, Монтескье [1]), для непосредственнаго, живаго обмѣна мыслями. Вскорѣ по вступленіи на престолъ она приглашаетъ Д'Аламбера пріѣхать въ Петербургъ и приглашаетъ весьма настоятельно [2]). „Пріѣзжайте со всѣми своими друзьями; я обѣщаю вамъ, а также и имъ, всѣ удовольствія и удобства, какія только могутъ отъ меня зависѣть, и, можетъ быть, вы найдете здѣсь болѣе свободы и спокойствія, чѣмъ у себя“ [3]). Д'Аламберъ не пріѣхалъ. Тогда, по рекомендаціи Дидро (21), Екатерина приглашаетъ Мерсье де-ла-Ривьера, автора „De l'ordre naturel et essentiel des sociétés policées“. „Убѣждаю васъ—пишетъ она Панину—написать Штакельбергу, а если онъ уже не во Франціи, то князю Голицыну, чтобъ онъ вошелъ въ переговоры съ г. де-ла-Ривьеромъ о поѣздкѣ его въ Россію. Будучи долгое время на службѣ въ Мартиникѣ, онъ высказалъ очень здравыя идеи въ своемъ трактатѣ. Онъ намъ будетъ полезенъ“ [4]). Де-ла-Ривьеръ пріѣхалъ въ Петербургъ; Екатерина старалась исполнить всѣ его желанія [5]); но вскорѣ онъ потерялъ всякое значеніе въ ея глазахъ. Онъ пріѣхалъ въ сентябрѣ 1767 г.; въ ноябрѣ Екатерина говоритъ уже что „сочинитель существеннаго порядка мелетъ вздоръ“ [6]), а въ январѣ 1768 г. пишетъ Панину [7]): „Иванъ Ѳедоровичъ Глѣбовъ сказываетъ, что де-ла-Ривьеръ убавилъ маленько спѣси: только говорунъ и

---

[1]) Id., I, 269. [2]) Id., VII, 178, 179 (peut être je vous presse trop); X, 42. [3]) Id., VII, 179. [4]) Id., X, 240. [5]) Русскій Архивъ, 1867, стр. 361. [6]) Сборникъ, XVII, 30. [7]) Id., X, 279.

много о себѣ думаетъ, а похожъ онъ на доктора" [1]). Четыре года спустя, въ сентябрѣ 1773 года, въ свитѣ ландграфини гессен-дармштадтской прибылъ въ Петербургъ Гриммъ и привезъ Екатеринѣ радостную вѣсть: еще въ концѣ мая Дидро выѣхалъ изъ Парижа и вскорѣ долженъ прибыть въ Петербургъ. Съ восторгомъ извѣщая Вольтера о пріѣздѣ Гримма, Екатерина прибавляетъ: „съ минуты на минуту ожидаю Дидро..."

---

[1]) «Докторъ», въ устахъ Екатерины, бранное слово. Въ своей перепискѣ Екатерина часто глумится надъ докторами. «Если вы больны, избавляйтесь отъ болѣзни какъ я, не прибавляя къ болѣзни еще зла или медика: у меня з л о и д о к т о р ъ суть синонимы. Эти шарлатаны морили меня уже много разъ, но еще никого не вылечивали; два мѣсяца назадъ, я семь дней пролежала въ постели, но ни одинъ Эскулапъ не переступилъ порога моей двери». (Сборникъ, XXIII, 276. Ср. также: VII 86; XIII, 408; XXIII, 111, 165, 299; XXXIII, 87). [2]) Сборникъ, XIII, 358.

II.

DENIS DIDEROT.

L'on a peu connu cette tête extraordinaire.

Dashkaw.

Въ четвергъ, 24 іюля 1749 года, въ девятомъ часу поутру, къ одному изъ старыхъ парижскихъ домовъ въ улицѣ Vieille Estrapade подъѣхалъ фіакръ, изъ котораго вышли полицейскій коммисаръ Рошбрюнь (Rochebrune) и полицейскій агентъ; два сыщика, съ ранняго утра прогуливавшіеся у дома, присоединились къ нимъ, и всѣ, подъ предводительствомъ комисара, вошли въ квартиру обойщика, отдававшаго въ наймы нѣсколько комнатъ. Въ одной изъ этихъ комнатъ, имѣвшей всѣ признаки кабинета учонаго, былъ произведенъ тщательный обыскъ—бумаги пересмотрѣны, письма перечитаны, книги переписаны. По окончаніи обыска, комисаръ предъявилъ хозяину кабинета королевское повелѣніе объ его заарестованіи. Когда арестованный садился уже въ фіакръ, разсыльный изъ типографіи Ле-Бретона подалъ ему коректуру — комисаръ заарестовалъ и коректуру.

Черезъ недѣлю, 31 іюля, въ залѣ совѣта венсенской тюрьмы, въ присутствіи генералъ-губернатора го-

рода и округа, генерала Беррье, происходилъ первый допросъ арестованнаго, спрошеннаго подъ присягою, послѣ чего былъ составленъ слѣдующій протоколъ:

«Спрошенный объ имени, возрастѣ, состояніи, родинѣ, мѣстѣ жительства, занятіи и религіи:

«Назвался Денисомъ Дидро, родомъ изъ Лангра (Langres), 36 лѣтъ, проживаетъ въ Парижѣ, въ моментъ арестованія въ улицѣ Vieille Estrapade, въ приходѣ св. Стефана-на-горѣ, религіи католической, апостолической и римской.

«Спрошенный, не онъ-ли сочинилъ произведеніе подъ заглавіемъ: «Lettres sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient» (22):

«Отвѣчалъ, что не онъ.

«Спрошенный, кто же ему напечаталъ сказанное произведеніе:

«Отвѣчалъ, что никогда не печаталъ сказаннаго произведенія.

«Спрошенный, не продавалъ-ли или не отдавалъ-ли кому рукопись:

«Отвѣчалъ нѣтъ.

«Спрошенный, не знаетъ-ли имени автора сказаннаго произведенія:

«Отвѣчалъ, что ничего не знаетъ.

«Спрошенный, не имѣлъ-ли въ своемъ распоряженіи рукопись прежде ея напечатанія:

«Отвѣчалъ, что не имѣлъ этой рукописи въ своемъ распоряженіи ни прежде, ни послѣ ея напечатанія.

«Спрошенный, не давалъ-ли или не посылалъ-ли различнымъ лицамъ экземпляръ сказаннаго произведенія:

«Отвѣчалъ, что не давалъ и не посылалъ никому.

«Спрошенный, не онъ-ли сочинилъ произведеніе, появившееся около двухъ лѣтъ назадъ подъ заглавіемъ «Les bijoux enchantés» (23):

«Сказалъ, что не онъ.

«Спрошенный, не продавалъ-ли или не давалъ-ли кому либо рукопись этого произведенія для напечатанія или иного употребленія:

«Отвѣчалъ нѣтъ.

«Спрошенный, не онъ-ли сочинилъ произведеніе, появившееся много лѣтъ назадъ и озаглавленное «Pensées philosophiques» (24):

«Отвѣчалъ, что нѣтъ.

«Спрошенный, не знаетъ-ли онъ автора сказаннаго сочиненія:

«Отвѣчалъ, что онъ его не знаетъ.

«Спрошенный, не онъ-ли сочинилъ произведеніе, озаглавленное «Le Sceptique ou l'Allée des idées» (25):

«Отвѣчалъ, что онъ.

«Спрошенный, гдѣ рукопись сказаннаго произведенія:

«Отвѣчалъ, что ея болѣе не существуетъ, такъ какъ онъ ее сжегъ.

«Спрошенный, не онъ-ли сочинилъ произведеніе, озаглавленное «L'Oiseau blanc, conte bleu» (26):

«Отвѣчалъ, что нѣтъ.

«Спрошенный, не трудился-ли онъ по крайней мѣрѣ надъ исправленіемъ сказаннаго произведенія:

«Отвѣчалъ, что нѣтъ.

«По прочтеніи этого допроса отвѣтчику, онъ заявилъ, что отвѣты, имъ данные, вполнѣ согласны съ истиною, что онъ подтверждаетъ ихъ, въ чомъ и подписуется.

«Беррье.
«Дидро.

«Помѣтка полиціи: роста средняго, лицо чистое (la phisionomie décente), очень уменъ, но крайне опасенъ» (extrêmement dangereux) [1]).

Полицейская помѣтка „крайне опасенъ" была, къ сожалѣнію, принята у насъ за вѣрную оцѣнку мыслителя, которому мы обязаны величайшимъ умственнымъ переворотомъ, пережитымъ человѣчествомъ. Свидѣтельство русской императрицы не принято во вниманіе и отдано предпочтеніе отзыву французскаго сыщика. Это можетъ быть объяснено только полнымъ незнакомствомъ

---

[1]) I. Delart, Histoire de la détention des philosophes et des gens de lettres à la Bastille et à Vincennes. Diderot, Oeuvres complètes, éd. Assézat, XX, 234.

*

съ идеями, взглядами и, главное, цѣлями Дидро. Русскіе люди, близко знавшіе Дидро, не считали его опаснымъ и оказывали ему уваженіе, вполнѣ имъ заслуженное. Когда князь Г. Г. Орловъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, былъ проѣздомъ въ Парижѣ, онъ „сдѣлалъ только два визита, и первый—къ Дидро“ [1]); русскій полномочный министръ при французскомъ дворѣ князь Д. А. Голицынъ былъ „другомъ“ Дидро, который по цѣлымъ мѣсяцамъ гостилъ у него въ Гагѣ [2]); камергеръ С. К. Нарышкинъ предложилъ ему свою карету и взялся сопровождать его въ Петербургъ [3]); знаменитый И. Й. Бецкій, фельдмаршалъ графъ Э. Минихъ, почти всѣ вельможи русскаго двора [4]), относились къ Дидро съ уваженіемъ; наконецъ, геніальнѣйшая изъ всѣхъ русскихъ женщинъ, императрица Екатерина II, бесѣдовала съ Дидро по цѣлымъ вечерамъ во время пребыванія его въ Петербургѣ. Почему же, спустя сто лѣтъ, сталъ онъ вдругъ для насъ „опасенъ“? Умная княгиня Е. Р. Дашкова разрѣшила очень просто этотъ вопросъ: Дидро считаютъ опаснымъ потому, что мало его знаютъ [5]).

Чему училъ Дидро? Что онъ проповѣдовалъ?

Дидро училъ, что человѣческая природа хороша, что міръ божій прекрасенъ и что зло лежитъ внѣ человѣческой природы и божьяго міра, что зло есть послѣдствіе дурного образованія и дурныхъ учрежденій. Кто же въ настоящее время не сознаетъ этого? Но сто лѣтъ назадъ эти истины являлись серьезнымъ протестомъ противъ католическаго аскетизма въ вопросахъ нравствен-

---

[1]) Сборникъ, XXXIII, 100: la première à Diderot. [2]) Id. 506. [3]) Diderot, XIX, 344. [4]) Прилож. III, 23. [5]) Архивъ, XXI, 139.

ныхъ, противъ феодальнаго абсолютизма въ учрежденіяхъ государственныхъ, противъ формализма въ искусствѣ и обскурантизма въ мышленіи. Эти столь обыкновенныя для насъ и столь новыя для того времени истины пролили свѣтъ на догматы старой теологіи, возбудили интересъ къ государству и законодательству, къ общественной жизни и домашней обстановкѣ, словомъ, произвели ту революцію въ умахъ, благодѣтельныя послѣдствія которой испытываетъ на себѣ человѣчество и по настоящее время.

Да, Дидро былъ „крайне опасенъ", но для кого? Для католической церкви, противоестественные догматы которой онъ подрывалъ въ самомъ корнѣ. Католическій священникъ того времени являлся врагомъ общества, покровителемъ праздности, гонителемъ науки; онъ не признавалъ законовъ страны и безполезно поглощалъ достояніе націи. Экономическій вредъ безбрачной жизни, грубые предразсудки католическаго духовенства, жестокость аскетовъ и человѣконенавистничество ханжей— вотъ противъ чего вооружались такіе великіе умы XVIII вѣка, какъ Монтескье, Вольтеръ, Руссо, Гельвецій, Гольбахъ и, во главѣ ихъ, Дидро. И что особенно было „опасно" для католическаго духовенства— простота, общедоступность изложенія и практически-соціальный взглядъ Дидро, съ которымъ онъ относился къ подобнымъ вопросамъ. Дидро доказывалъ, напримѣръ [1]), что для Франціи, населеніе которой въ то время постоянно уменьшалось, было бы весьма полезно, еслибъ 40,000 священникамъ, живущимъ на французской землѣ, было разрѣшено жениться и произвесть

[1]) Diderot, XIV, 55.

въ первые же два года 80,000 маленькихъ французовъ! Подобныя „атаки“ на католическое духовенство производили сильное впечатлѣніе на умы и пріучали ихъ относиться и къ другимъ вопросамъ съ такимъ же скептицизмомъ и съ такою же критикою. Намъ не нужно доказывать справедливость этого положенія, въ виду указанія самаго Дидро, выраженнаго имъ въ письмѣ къ русской женщинѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ бывшей съ нимъ въ перепискѣ. Вотъ что писалъ Дидро княгинѣ Дашковой, отъ 3-го апрѣля 1771 года (27): „Каждый вѣкъ имѣетъ свое особое направленіе, которое его характеризуетъ; направленіе нашего вѣка заключается, повидимому, въ стремленіи къ свободѣ. Первая атака противъ суевѣрія была очень сильна, сильна не въ мѣру. Но разъ, что люди осмѣлились такъ или иначе атаковать предразсудки теологическіе, изъ всѣхъ предразсудковъ самые устойчивые и наиболѣе уважаемые, имъ невозможно уже остановиться: отъ предразсудковъ теологическихъ они обратятъ рано или поздно свои угрожающіе взоры на предразсудки земные“ [1]).

Дидро не былъ ученый, тѣмъ менѣе педантъ; онъ оставилъ, по меткому выраженію Мармонтеля, „много прекрасныхъ страницъ, но ни одного сочиненія“ [2]). Кто же онъ былъ?

Литераторъ. Сынъ ножевщика, воспитанникъ іезуитовъ, онъ не пожелалъ изучать ни медицины, ни богословія, ни юриспруденціи, этихъ трехъ „хлѣбныхъ познаній“ того времени, и предпочелъ быть литераторомъ. Сто лѣтъ назадъ, въ Европѣ смотрѣли на литераторовъ точно также, какъ смотрятъ на нихъ теперь у насъ, т. е.

[1]) Id., XX, 28. [2]) Barrière, V, 315.

почти какъ на „отверженцевъ и прощелыгъ“ [1]). Какъ теперь русскій литераторъ бѣдствуетъ, такъ сто лѣтъ назадъ бѣдствовали Руссо, Мармонтель, Лессингъ, Гольдони [2]). Также бѣдствовалъ и Дидро. Онъ перебивался уроками, голодалъ, жилъ переводами, опять голодалъ, и во все это время, продолжавшееся болѣе десяти лѣтъ, помогалъ рѣшительно всѣмъ, кто только къ нему ни обращался; помогалъ, конечно, не деньгами, которыхъ у него тогда не было, а литературнымъ трудомъ. Доброта, незлобивость, мягкосердечіе, великодушіе Дидро были извѣстны всѣмъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени гуманный. „На меня — пишетъ Дидро г-жѣ Воланъ—производятъ болѣе сильное впечатлѣніе прелести добродѣтели, нежели безобразіе порока. Я тихонько отворачиваюсь отъ дурнаго человѣка и бросаюсь въ объятія хорошаго. Если въ какомъ нибудь произведеніи, характерѣ, картинѣ, статуѣ есть хоть что-нибудь хорошее, мои глаза на немъ и останавливаются; я ничего не вижу, кромѣ хорошаго, и ничего другаго не удерживаю въ памяти — обо всемъ остальномъ я забываю“ [3]). Чтобъ дорисовать портретъ литератора Дидро необходимо привести отзывъ о немъ Мармонтеля: „Будучи однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего вѣка, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ самыхъ любезныхъ. Когда онъ откровенно высказывалъ свое мнѣніе о чемъ-либо касавшемся нравственныхъ достоинствъ человѣка, въ его краснорѣчіи была такая увлекательность, которую я не въ силахъ выразить. Вся его душа

[1]) Морлей, 11. [2]) Vernon Lee, Studies of the eighteenth century in Italy. London. 1881. «Метастазіо, Гольдони и Гоцци» въ Русск. Вѣстн., CLI, стр. 95—165. [3]) Diderot, XVIII, 376.

отражалась въ его глазахъ, на его устахъ; никогда еще физіономія не изображала такъ вѣрно сердечной доброты" [1]).

Въ „Запискахъ" Екатерины вовсе не упоминается имя Дидро; но изъ ея переписки, изданной русскимъ историческимъ обществомъ, несомнѣнно, что Екатерина читала первое изъ упомянутыхъ на допросѣ пяти произведеній Дидро—Lettres sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient. Въ письмѣ отъ 18 февраля 1767 г. императрица пишетъ Фальконэ: „Зрѣніе мое укрѣпилось по прочтеніи „Письма о слѣпыхъ", которое возвращаю вамъ съ благодарностью" [2]). Въ „Письмѣ о слѣпыхъ" Дидро изслѣдуетъ измѣненіе нашихъ, пріобрѣтаемыхъ помощію всѣхъ чувствъ, понятій, вслѣдствіе отсутствія одного изъ этихъ чувствъ, именно зрѣнія. Для современниковъ Дидро это письмо имѣло особое значеніе потому, что авторъ касается вопроса о вѣрѣ слѣпца въ существованіе божества—одинакова-ли она съ вѣрою зрячаго, созерцающаго чудеса природы. „Зачѣмъ вы—говоритъ слѣпой—разсказываете мнѣ о всѣхъ этихъ великолѣпныхъ зрѣлищахъ, которыя существуютъ не для меня? Я осужденъ проводить всю мою жизнь во мракѣ, а вы ссылаетесь на такія чудныя картины, которыя мнѣ непонятны и которыя могутъ служить доказательствами только для васъ и для тѣхъ, кто видитъ то же, что и вы. Если вы хотите, чтобъ я увѣровалъ въ Бога, вы должны сдѣлать такъ, чтобъ я осязалъ его... Что общаго между механизмомъ вселенной (если даже этотъ механизмъ дѣйствительно такой совершенный, какимъ вы его считаете) и существованіемъ высшей интеллигенціи?

---

[1]) Barrière, V, 316. [2]) Сборникъ, XVII, 2.

Если этотъ механизмъ приводитъ васъ въ изумленіе, то, вѣроятно, потому, что вы привыкли изумляться всему, что не по силамъ вамъ самимъ" [1]).

Уже эти и имъ подобные взгляды должны были въ значительной степени поколебать міросозерцаніе, преподанное Екатеринѣ пасторомъ Вагнеромъ; но знакомство императрицы съ „Письмами о слѣпыхъ" пріобрѣтаетъ особенную важность вслѣдствіе того, что въ этомъ письмѣ Дидро впервые высказалъ тѣ мысли, которыя позже были имъ рѣзче намѣчены въ сочиненіи „Основы физіологіи" (28) и которыя показываютъ, что творцомъ современной намъ эволюціонной теоріи былъ ни кто иной, какъ Дидро. Философія Дидро, такъ долго остававшаяся въ какомъ-то пренебреженіи, обратила на себя въ настоящее время особенное вниманіе, именно вслѣдствіе ея очень близкаго сродства съ преобладающими тенденціями современной философіи, которой онъ справедливо можетъ быть названъ предтечею. Въ произведеніяхъ Дидро можно услѣдить зародыши идей, развитыхъ современною намъ наукою и распространенныхъ только въ наши дни. Дидро не оставилъ ни одного сочиненія, въ которомъ его философія была бы строго проведена, послѣдовательно развита, хотя бы даже связно изложена; онъ не оставилъ ни одного сочиненія ученаго въ нашемъ смыслѣ; но въ его произведеніяхъ безпорядочно разбросаны и изложены безъ всякой системы тѣ великія основы философскаго вѣдѣнія, надъ которыми трудится современная наука [2]). Этимъ, конечно, объясняется, преж-

[1]) Diderot, I, 312. [2]) E. Caro, «De l'idée transformiste dans Diderot», въ Revue des deux mondes, 1879; P. Janet, «La philosophie de Diderot» въ The Nineteenth Century, 1881.

де всего, почему Бюффонъ и Монтескье, Вольтеръ и Руссо имѣли бо̀льшее вліяніе на развитіе идей, чѣмъ Дидро, хотя ни одинъ изъ названныхъ умовъ не обладалъ такою широтою мысли и такою геніальностью концепціи, какъ Дидро. Въ развитіи его философской доктрины замѣтны три различные періода: въ первомъ онъ является деистомъ; во второмъ —матерьялистомъ, но своеобразнымъ, съ пантеистическими наклонностями, въ третьемъ онъ выступаетъ противникомъ современнаго ему матерьялизма и примыкаетъ, по своимъ тенденціямъ, къ моралистамъ шотландской школы.

Сто лѣтъ назадъ, Дидро вѣщалъ о томъ, что̀ въ наши дни Дарвинъ старался доказать наблюденіемъ и опытомъ. Въ своихъ „Основахъ физіологіи" Дидро говоритъ о борьбѣ за существованіе, объ измѣненіи видовъ, о наслѣдственности, о приспособленіи къ средѣ, объ отсутствіи границъ между животнымъ и растительнымъ царствами; но, что̀ особенно поразительно, Дидро, еще сто лѣтъ назадъ, подкрѣплялъ свои идеи примѣромъ маленькаго растенія, мухоловки, которое пріобрѣло въ наше время извѣстность благодаря изслѣдованіямъ Дарвина. Вотъ какъ описываетъ Дидро мухоловку: „Если на какой нибудь листъ этого растенія попадетъ насѣкомое, листъ мгновенно свертывается — онъ ощутилъ добычу, сосетъ ее и выбрасываетъ лишь по извлеченіи изъ насѣкомаго всего сока. Это почти плотоядное растеніе". Теорія приспособленія организмовъ къ внѣшней средѣ выражена у Дидро довольно точно: „Орелъ, обладающій проницательнымъ взглядомъ, паритъ въ высшихъ слояхъ атмосферы; кротъ съ его маленькими глазками скрылся подъ землею; быкъ питается травой долинъ, коза—ароматическою растительностью горъ. Хищная

птица усиливаетъ или уменьшаетъ свое зрѣніе подобно тому, какъ астрономъ удлиняетъ или укорачиваетъ свою трубу. Потребность порождаетъ органъ. Потребности оказываютъ воздѣйствіе на организацію и это воздѣйствіе даетъ иногда начало новымъ органамъ и всегда ведетъ къ ихъ измѣненію". О борьбѣ за существованіе Дидро говоритъ съ полнымъ убѣжденіемъ: „Существа, организація которыхъ не согласуется съ остальной вселенной, суть существа уродливыя. Ихъ производитъ слѣпая природа, слѣпая же природа и уничтожаетъ ихъ. Природа позволяетъ жить только тѣмъ, организація которыхъ согласуется съ общимъ строемъ. Міръ есть жилище сильнаго".

Только ознакомившись съ подобными воззрѣніями, совершенно новыми для того времени, на цѣлое столѣтіе опережавшими развитіе человѣческой мысли, становится понятнымъ отзывъ Екатерины II, что „Дидро во всемъ совершенно иной человѣкъ, чѣмъ другіе" [1]).

Изъ всего, что выходило изъ-подъ пера Дидро, „Энциклопедія" (29) произвела на Екатерину наибольшее впечатлѣніе. Это и понятно: Екатерина получила, какъ мы видѣли, довольно „небрежное" образованіе; свои познанія она вычитывала изъ книгъ, преимущественно, если вѣрить ея собственному признанію, изъ сочиненій Вольтера [2]). При чтеніи книгъ, многое представлялось ей непонятнымъ, спросить было не у кого, и Екатерина рано научилась цѣнить всевозможные лек-

---

[1]) En toute chose Diderot est un autre homme que les autres. Сборникъ XXIII, 46. [2]) Assurement, monsieur, si j'ai quelques connaissances, c'est à lui seul que je les dois. Voltaire, Oeuv. compl., éd. 1792, LXXVIII, 5. Ср. Сборникъ, X, 33, примѣч.

сиконы, при помощи которыхъ она нерѣдко разъясняла свои недоумѣнія; особенно нуждалась она въ лексиконахъ философскихъ. „Прошу васъ — пишетъ она г-жѣ Жофренъ, въ Парижъ, въ 1764 году—похлопотать, чтобы князь Голицынъ выслалъ мнѣ новый „Dictionnaire philosophique portatif“ [1]). Энциклопедическій же лексиконъ Дидро былъ для нея просто необходимостью; съ нимъ она, какъ извѣстно, никогда не разставалась. „Я не могу оторваться отъ этой книги—пишетъ она Фальконэ въ 1767 году—это неисчерпаемый источникъ превосходныхъ вещей, гдѣ, однако, встрѣчаются большія неточности; но не нужно этому удивляться, потому что какихъ противорѣчій и непріятностей не вытерпѣли они, и, конечно, они выказали большое мужество и непреклонное желаніе служить человѣческому роду и просвѣщать его“ [2]).

О какихъ противорѣчіяхъ говоритъ Екатерина? Какія непріятности терпѣлъ Дидро по изданію „Энциклопедіи“? Что это, наконецъ, за „книга“, отъ которой Екатерина не могла оторваться?

Это не книга, а цѣлый „складъ человѣческихъ знаній“, по картинному выраженію Вольтера, который очень высоко ставилъ „Dictionnaire Encyclopédique“ и не разъ расхваливалъ его въ письмахъ къ Екатеринѣ, Фридриху и другимъ сильнымъ міра. Мысль объ изданіи „Энциклопедіи“ принадлежитъ Дидро, но надъ выполненіемъ этой мысли трудились всѣ великіе умы вѣка—Дидро и Д'Аламберъ, Вольтеръ, Монтескье и Руссо, Тюрго и Бюффонъ, Гольбахъ, Галлеръ, Кондорсе и др. „Офицеры сухопутной арміи и моряки, юристы, медики, литераторы, ма-

[1]) Сборникъ, I, 259. [2]) Id. XIII, 8; XVII, 9.

тематики, естественники—всѣ соревновали дѣлу столь же полезному, какъ и тяжелому, безъ всякаго личнаго интереса, даже безъ погони за славою, такъ что многіе скрывали свое имя“ [1]). Душою же всего изданія, отъ первой книжки и до послѣдней, былъ Дидро.

Убѣжденный, что всѣ человѣческія знанія представляютъ нѣчто органически единое, Дидро задумалъ собрать въ одномъ изданіи всѣ новыя идеи, современныя открытія и пріобрѣтенныя знанія, собрать не механически, а слить ихъ въ одну энциклопедическую форму, такъ, чтобъ онѣ представляли органическое цѣлое, причемъ всякій отдѣльный вопросъ трактовался бы съ общей точки зрѣнія. Литераторъ Дидро встрѣтилъ большое сочувствіе своей мысли, прежде всего, въ академикѣ Д'Аламберѣ. Для осуществленія этого литературнаго предпріятія были приглашены наиболѣе выдающіяся книгопродавческія фирмы Парижа, съ Ле-Бретономъ во главѣ, и почти всѣ свободные мыслители, учоные, спеціалисты, литераторы, артисты, художники, всѣ лучшіе люди Франціи, желавшіе родинѣ добра, стремившіеся просвѣтить націю, преобразовать ея учрежденія. Это собраніе литераторовъ, людей науки и искуства, какъ впослѣдствіи и самое изданіе, имѣло для современниковъ чрезвычайно внушительное значеніе, причомъ предполагалось, что всѣ энциклопедисты воодушевлены одною великою доктриною, которую они желаютъ повѣдать міру. Въ этомъ предположеніи не было ничего невѣроятнаго, такъ какъ, дѣйствительно, „мысль объ энциклопедической работѣ соединенными силами, по выраженію Конта, соединяла людей различныхъ направленій, стремившихся къ раз-

[1]) Voltaire, XXI, 424.

рушенію существующаго строя, и вела къ одной созидательной цѣли". Дидро дѣлалъ всяческія усилія, чтобъ поддержать и укрѣпить предположеніе о совокупной работѣ и совокупной солидарности: въ каждомъ томѣ помѣщался списокъ сотрудниковъ; объ умершихъ печатались хвалебные некрологи; форма „мы", сотрудники всего изданія, замѣняла форму „я", авторъ такой-то статьи. Вольтеръ настаивалъ, чтобъ всѣ сотрудники „Энциклопедіи" составили какъ бы отдѣльное общество, которое должно импонировать, внушать къ себѣ уваженіе [1]), предписывать законы (donner des lois).

Пять лѣтъ длилась подготовительная работа. Въ 1745 году было подано книгопродавцемъ Ле-Бретономъ прошеніе о правительственномъ разрѣшеніи на изданіе „Энциклопедіи" и только въ 1750 году вышелъ первый томъ. Ему предшествовалъ „Prospectus", написанный Дидро. Какъ въ этомъ „объявленіи объ изданіи", такъ и въ самомъ изданіи, подъ словомъ „Encyclopédie", была указана главная цѣль предпріятія—цѣль высокая, прельстившая Екатерину, такъ какъ эта цѣль вполнѣ совпадала съ тѣми задачами, которыя она сама ставила въ обязанность себѣ и всякому правителю [2]). Энциклопедисты стремились подчинить научныя знанія практическимъ задачамъ, вывести общество изъ того безнравственнаго и безпомощнаго состоянія, до котораго оно было доведено двойнымъ вліяніемъ гражданскаго и церковнаго авторитета. Не наука для науки, не искуство для искуства, а искуство и наука для человѣка—вотъ девизъ энциклопедистовъ. Такой тонъ всей „Энциклопедіи"

---

[1]) Faites un corps; un corps est toujours respectable. Voltaire, XCVII, 35, 43 sqq. [2]) Сборникъ, VII, 83.

далъ Дидро въ своей profession de foi, въ которой онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Мы никогда не должны терять изъ виду того соображенія, что еслибъ мы изгнали съ земной поверхности человѣка, это мыслящее и созерцающее существо, увлекательныя и величественныя картины природы представились бы печальной сценой; вселенная онѣмѣла бы; тишина и мракъ овладѣли бы міромъ. Все превратилось бы въ обширную пустыню, среди которой явленія природы проходили бы ни кѣмъ не замѣчаемыя и никого не поражая. Только присутствіе человѣка придаетъ интересъ бытію другихъ существъ, а при изученіи исторіи этихъ существъ развѣ можно избрать лучшую основу, чѣмъ человѣкъ? Почему-же не предоставить въ нашемъ предпріятіи (въ „Энциклопедіи“) человѣку такое же мѣсто, какое онъ занимаетъ во вселенной? Почему не сдѣлать его общимъ центромъ? Развѣ въ безконечномъ пространствѣ есть какой нибудь другой пунктъ, отъ котораго мы могли бы съ бо̀льшею пользою проводить тѣ огромныя развѣтвленія, которыя мы предполагаемъ довести до всѣхъ другихъ пунктовъ? Какое живительное и пріятное воздѣйствіе будутъ тогда производить другъ на друга человѣкъ и окружающія его существа? Вотъ что и побудило насъ искать въ главныхъ свойствахъ человѣка основу для нашего труда. Другіе могутъ избрать иную основу, но лишь бы человѣкъ не былъ замѣненъ существомъ нѣмымъ, безчувственнымъ, холоднымъ. Человѣкъ есть единственный пунктъ, отъ котораго должно все исходить и къ которому должно все возвращаться, если желательно понравиться, заинтересовать, даже растрогать при изложеніи самыхъ сухихъ размышленій и самыхъ мелкихъ подробностей. Какое мнѣ дѣло до всей вселенной, если

существованіе мое и моихъ близкихъ ничѣмъ въ ней не заинтересовано?“ [1]).

Въ 1751 году вышелъ первый томъ „Энциклопедіи“, въ 1752-мъ — второй, и до 1757 году вышло семь томовъ. Появленіе каждаго тома было событіемъ. По мѣрѣ выхода новыхъ томовъ число подписчиковъ увеличивалось и уже при выходѣ седьмаго тома достигло небывало-высокой для того времени цифры — до четырехъ тысячъ. Но еще быстрѣе росла злоба реакціонеровъ и суевѣровъ противъ изданія, стремившагося эмансипировать совѣсть и разумъ читателей отъ гнета церковнаго авторитета и отъ насилія застарѣлыхъ предразсудковъ. Цѣлый дождь памфлетовъ самыхъ неприличныхъ посыпался на философовъ; масса слуховъ самыхъ нелѣпыхъ была пущена въ оборотъ. Одинъ изъ этихъ вздорныхъ слуховъ сохранила намъ Екатерина, много лѣтъ спустя вспоминавшая, что, какъ ее увѣряли, „Энциклопедія“ издавалась единственно съ цѣлью уничтожить всѣхъ королей и всѣ религіи [2]). По выходѣ 2-го тома, „les dévots et les prêtres“ возстали, по словамъ г-жи Помпадуръ, противъ Дидро; архіепископъ парижскій и епископъ оксерскій издали пастырскія посланія, въ которыхъ громили „философовъ“ и „Энциклопедію“. Духовная власть, вѣрнѣе, церковная партія была тогда всемогуща; даже г-жа Помпадуръ была безсильна противъ нее.

„Я ничего не могу — пишетъ она Дидро [3]) — въ дѣлѣ „Dictionnaire Encyclopédique“: говорятъ, въ книгѣ высказываются тенденціи, противныя религіи и власти

---

[1]) Diderot, XIV, 453. Морлей, 100. [2]) Сборникъ, XXIII, 593, 622. [3]) Lettres de m-me la marquise de Pompadour, éd. 1772. I, 9.

короля. Если это такъ, нужно сжечь книгу; если не такъ, нужно сжечь клеветниковъ. Но, вѣдь, „Энциклопедія“ запрещена изъ-за ханжей и духовенства, и самое лучшее, что я могу сдѣлать—вовсе не вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ попы и ханжи очень опасны. Я слышала о васъ много хорошаго и считаю васъ совершенно невиннымъ; если такова и книга ваша, то мнѣ остается только сожалѣть о васъ“.

Королевскимъ декретомъ 1752 года было повелѣно уничтожить вышедшіе два тома „Энциклопедіи“, но не воспрещалось продолжать изданіе, причомъ, однако, Дидро былъ вынужденъ, подъ страхомъ тюремнаго заключенія, выдать администраціи весь матерьялъ, заготовленный для „Энциклопедіи“—рукописи, коректуры, рисунки. Весь этотъ матерьялъ былъ переданъ въ руки духовенства, которое надѣялось продолжать и окончить изданіе, придавъ ему иной, конечно, характеръ. Но, по прекрасному выраженію Гримма, отбирая бумаги Дидро, духовенство „забыло захватить его голову, его геній; оно забыло спросить у него ключь къ уразумѣнію статей, которыхъ оно не могло даже прочесть, нетолько понять“ [1]). Само же правительство оказалось вынужденнымъ обратиться къ Дидро для продолженія труда, и съ тѣхъ поръ, въ теченіи пяти лѣтъ, вновь появлялось ежегодно по одному тому „Энциклопедіи“.

Въ 1757 году вышло уже семь томовъ, когда враги просвѣщенія и охранители предразсудковъ рѣшились однимъ ударомъ прекратить на всегда изданіе. По ихъ проискамъ, генералъ-прокуроръ возбудилъ преслѣдованіе противъ „Энциклопедіи“, которую онъ атестовалъ

[1]) Diderot, XIII, 116.

какъ „позоръ для націи“ и въ которой усматривалъ «нечестивые принципы и непріязненное отношеніе къ религіи и нравственности“. Въ этомъ суровомъ приговорѣ генералъ-прокуроръ основывался, между прочимъ, на доносѣ извѣстнаго проходимца Авраама Шомеи, который былъ позже школьнымъ учителемъ въ Москвѣ и о которомъ Екатерина упоминаетъ въ письмахъ къ Вольтеру (30). 8-го марта 1759 года былъ изданъ королевскій декретъ, которымъ воспрещалось какъ печатаніе „Энциклопедіи“, такъ и продажа изданныхъ уже семи томовъ. Декретъ этотъ — политическій скандалъ, отразившійся не только во Франціи и сосѣднихъ странахъ, но въ Берлинѣ и даже въ Петербургѣ. „Никакія чудеса въ мірѣ—писала Екатерина—не изгладятъ пятна отъ воспрещенія продолжать печатаніе Энциклопедіи“ [1]). Едва лишь вступивъ на престолъ, черезъ девять дней послѣ переворота [2]), Екатерина предлагаетъ уже Дидро перенести печатаніе „Энциклопедіи“ въ Петербургъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ сообщаетъ объ этомъ предложеніи самъ Дидро: „Чрезъ посредство князя Голицына я получилъ отъ царствующей императрицы Россіи приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ для окончанія нашего предпріятія. Мнѣ предлагаютъ полную свободу, защиту, почести, деньги, словомъ все, что только можетъ побудить людей, недовольныхъ своимъ отечествомъ и непривязанныхъ къ своимъ друзьямъ, покинуть родину“ [3]). Въ то время какъ русскій посланникъ князь Д. А. Голицынъ, исполняя приказаніе императрицы, велъ переговоры въ Парижѣ съ самимъ

[1]) Voltaire. LXXVII, 8. Сборникъ, X, 39. [2]) Сборникъ, XXXIII, 48. [3]) Diderot. XIX, 145.

Дидро, графъ И. И. Шуваловъ писалъ, по приказанію той же Екатерины, въ Фернэ, къ Вольтеру [1]), прося его поддержать съ своей стороны приглашеніе, обращонное къ Дидро, какъ главѣ предпріятія. И Голицыну, и Шувалову, и Вольтеру Дидро отвѣчалъ безусловнымъ отказомъ: „Нѣтъ—писалъ онъ въ сентябрѣ 1762 года — мы не пойдемъ ни въ Берлинъ, ни въ Петербургъ, чтобъ оканчивать „Энциклопедію“ и это потому, что въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, ее печатаютъ здѣсь и коректуры лежатъ у меня передъ глазами. Сверхъ того, рукопись „Энциклопедіи“ намъ не принадлежитъ; она — собственность здѣшнихъ книгопродавцевъ, купившихъ ее за огромную цѣну, и мы не можемъ располагать ни однимъ листочкомъ“ [2]). Дѣйствительно, энциклопедистамъ не было надобности переносить въ Петербургъ свою дѣятельность, если, не смотря на декретъ, печатаніе „Энциклопедіи“ продолжалось и въ Парижѣ. Въ 1765 году вышли разомъ новые десять томовъ; къ этимъ семнадцати томамъ текста присоединилось впослѣдствіи, въ 1772 г., одиннадцать томовъ гравюръ. Но на каждомъ томѣ мѣстомъ изданія былъ указанъ не Парижъ, а Невшатель, и подписчики получали эти тома секретно, вѣрнѣе, тайкомъ.

„Я не могу обойтись ни одного дня безъ „Энциклопедіи“—писала Екатерина, когда уже все изданіе было окончено—несмотря на всѣ недостатки (31), „Энциклопедія“ есть вещь необходимая и превосходная“ [3]).

При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ Дидро работалъ [4]), было бы удивительно, еслибъ въ „Энцикло-

---

[1]) Voltaire, LXXXVIII, 88, 90. [2]) Diderot, XIX, 463. [3]) Сборникъ, XXIII, 12. [4]) Diderot, XX, 131—133.

педіи" не было недостатковъ. Еще за долго до Екатерины, Вольтеръ, съ восторгомъ привѣтствовавшій появленіе каждаго тома „Энциклопедіи" [1]), указывалъ на ея недостатки [2]). Рядомъ съ такими статьями, какъ, напримѣръ, „великолѣпная" статья Д'Аламбера подъ словомъ „Genève», Вольтеръ указывалъ на статью столь нелюбимаго Екатериной Жокура, подъ словомъ „Enfer", въ которую вкрались фактическія невѣрности [3]), сообщалъ своимъ друзьямъ, Дидро и Д'Аламберу, что многія статьи длинны, скучны, и рекомендовалъ имъ посовѣтовать авторамъ „побольше думать объ изданіи и поменьше о себѣ". [4]). По поводу этого обвиненія Д'Аламберъ такъ защищалъ своего друга: „Дидро часто бываетъ поставленъ въ невозможность не помѣщать плохихъ статей. Иногда писатель, доставившій много хорошихъ статей, требуетъ, въ награду за эти хорошія статьи, чтобъ была помѣщена и дурная" [5]). Къ этому Д'Аламберъ прибавлялъ: „Мы остались бы совершенно одни, еслибъ взумали теторизовать своихъ сотрудниковъ". Предсказаніе Д'Аламбера сбылось, хотя и по другимъ причинамъ, почти буквально: не только другіе сотрудники, но и самъ Д'Аламберъ покинулъ „Энциклопедію". „Да, безъ сомнѣнія—писалъ онъ Вольтеру — „Энциклопедія" стала необходимостью и улучшается съ каждымъ томомъ; но становится невозможнымъ окончить изданіе въ той проклятой странѣ (le maudit pays), въ которой мы живемъ" [6]). Послѣдніе десять томовъ текста вышли уже безъ участія Д'Аламбера и составлены почти исключительно однимъ Дидро.

---

[1]) Voltaire, XCVII, 5, 7, 12 sqq. [2]) Id., LXXXVII, 89. [3]) Id., XCVII, 52. [4]) Id., 26. [5]) Id., 48. 24. [6]) Id., XCVII, 39.

Печатаніе этихъ десяти томовъ ознаменовалось единственною въ лѣтописяхъ типографскаго искуства „низостью", никогда не встрѣчавшеюся прежде и никогда не повторявшеюся послѣ изданія „Энциклопедіи". Вотъ въ чомъ заключалась эта „низкая продѣлка" книгопродавца: „Послѣ происшедшаго въ 1759 году перерыва, было рѣшено издать разомъ всѣ остальные десять томовъ. Книгопродавцу Ле-Бретону было поручено ихъ изданіе. Рукописи были набраны, Дидро исправилъ первую коректуру, просмотрѣлъ вторую и возвратилъ въ типографію, помѣтивъ каждый листъ: „bon à tirer" (печатать) и своею подписью. Съ этого момента начались низкія продѣлки Ле-Бретона. Онъ и его факторъ принялись вычеркивать, выбрасывать и уничтожать въ доставленныхъ имъ листахъ всякое мѣсто, всякую строчку или фразу, которыя, по ихъ мнѣнію, могли вызвать неудовольствіе или гнѣвъ со стороны правительства. Такимъ образомъ, они, по собственному дикому произволу, привели бо̀льшую часть самыхъ лучшихъ статей въ такой видъ, что онѣ походили на изуродованные отрывки, лишенные всего, что въ нихъ было самаго цѣннаго. Злодѣи не потрудились даже придать этимъ уродливымъ отрывкамъ статей хотя бы внѣшній видъ стройности и послѣдовательности. Окончивъ свою разрушительную работу, они приступили къ печатанію, а чтобъ сдѣлать свое злодѣяніе непоправимымъ (32), они сожгли и оригинальныя рукописи, и коректурные листы» [1]).

Несмотря на всѣ „недостатки", Энциклопедія произвела сильное впечатлѣніе на современное ей евро-

[1]) Diderot, XIII, 124; Морлей, 116.

пейское общество. Объ этомъ впечатлѣніи можно судить по тому уже, что „Энциклопедію" перепечатывали въ Женевѣ и Лозаннѣ, въ Ливорно и Луккѣ, изъ нея дѣлались извлеченія, въ родѣ „Esprit de l'Encyclopédie" и т. п.

Двадцать пять лѣтъ лучшей поры жизни посвятилъ Дидро „Энциклопедіи" и когда, въ 1772 году, изданіе было вполнѣ окончено, онъ оказался такимъ же неимущимъ, какимъ былъ при его началѣ, въ 1746 году (33). Во время „низкой продѣлки" Ле-Бретона, въ 1765 г., матерьяльное положеніе Дидро было таково, что онъ вынужденъ былъ продать свою библіотеку. „Ее хотѣлъ купить парижскій нотаріусъ По д'Отэйль — разсказываетъ г-жа Вандэйль, дочь Дидро (34) — но князь Голицынъ, русскій посланникъ, устроилъ дѣло иначе. Императрица Екатерина купила библіотеку за 15,000 франковъ, причомъ оставила ее у моего отца, назначивъ ему, какъ своему библіотекарю, 1,000 франковъ въ годъ». Въ какой степени Дидро нуждался въ то время, можно судить по заявленію Вольтера (не принимая, конечно, это заявленіе въ буквальномъ смыслѣ), что, безъ помощи Екатерины, Дидро могъ бы „умереть съ голода" [1]). Покупка библіотеки Дидро, къ тому же въ той деликатной формѣ, въ какую „это благодѣяніе" было облечено, поставила Екатерину чрезвычайно высоко въ глазахъ всѣхъ энциклопедистовъ-философовъ. „Вся литературная Европа—писалъ Д'Аламберъ—рукоплескала, государыня, отличному выраженію уваженія и милости, оказаннымъ вашимъ императорскимъ величествомъ г. Дидро. Онъ заслуживаетъ этого во всѣхъ

---

[1]) Mourir de faim. Voltaire, LXXVIII. 17.

отношеніяхъ своими достоинствами, своими дарованіями, своими сочиненіями и своимъ положеніемъ. Издавна связывающая насъ дружба заставляетъ меня живо раздѣлять его признательность и я умоляю ваше императорское величество принять мои всепокорнѣйшія благодаренія за то, что вами сдѣлано въ этомъ случаѣ для Дидро, для философіи и для литературы" [1]). Въ то же время, Вольтеръ благодарилъ Екатерину за помощь, оказанную Дидро, и находилъ, что „всѣ писатели Европы должны пасть къ стопамъ ея величества" [2]). Екатерина отвѣчала Д'Аламберу и Вольтеру почти въ одно и то же время (35) и почти въ тождественныхъ выраженіяхъ: „Я никогда бы не думала, чтобъ покупка библіотеки г. Дидро могла привлечь мнѣ столько похвалъ; но, согласитесь, что было бы жестоко и несправедливо разлучить учонаго съ его книгами" [3]). Въ письмѣ же къ Д'Аламберу Екатерина прибавляетъ любопытную подробность изъ своей жизни и этою подробностью объясняетъ свой поступокъ относительно Дидро: „Я часто находилась въ опасеніи, чтобъ у меня не отняли моихъ книгъ, и поэтому прежде я держалась правила ни кому не говорить о томъ, что я читаю. Мой собственный опытъ помѣшалъ мнѣ причинить такую же непріятность г. Дидро".

Жалованье, назначенное Дидро, „нарочно забывали уплачивать въ теченіи двухъ лѣтъ", говоритъ г-жа Вандэйль; но, „чтобъ избѣжать впредь подобной забывчивости, ему прислали 50,000 франковъ, составлявшіе жалованье за пятьдесятъ лѣтъ впередъ". На Екате-

---

[1]) Сборникъ, X, 44. [2]) Voltaire, LXXVIII, 9. [3]) Сборникъ, X, 45. Voltaire, LXVIII, 11.

рину вновь посыпались похвалы [1]). „Примите, государыня, благодареніе мое и всѣхъ писателей философовъ и людей уважаемыхъ за новое благодѣяніе, которымъ ваше императорское величество почтили г. Дидро“, писалъ Д'Аламберъ Екатеринѣ. „Это благодѣяніе еще болѣе драгоцѣнно по той любезности, съ которою ваше величество сдѣлали его и которую вы такъ умѣете придавать всему. Ваши милости, государыня, способны утѣшить философію въ нападеніяхъ, испытываемыхъ ею со стороны невѣжества и фанатизма“ [2]).

Екатерина II чрезвычайно интересовалась своею покупкою. Вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти Дидро, она проситъ Гримма купить всѣ сочиненія Дидро и „прислать ихъ вмѣстѣ съ библіотекою“ [3]). Черезъ два мѣсяца, она вновь напоминаетъ о библіотекѣ, но уже съ укоризною: „Но что же вы дѣлаете съ библіотекою Дидро? получу-ли я ее когда нибудь?“ [4]). Черезъ четыре мѣсяца: „а библіотеки Дидро все еще нѣтъ!“ [5]). И черезъ двѣ недѣли опять: „я все еще ожидаю библіотеку Дидро“ [6]). Въ началѣ 1786 г. библіотека была получена и выставлена въ одной изъ залъ Эрмитажа. Судьба этой библіотеки оригинальна—ее постигла участь самого Дидро въ Россіи: по смерти Екатерины никто уже этою библіотекою не интересовался; она стояла въ Эрмитажѣ какъ молчаливый, но непріятный укоръ; она, наконецъ, просто надоѣла, занимая безполезно мѣсто, и, лѣтъ двадцать пять назадъ, была передана въ публичную библіотеку, гдѣ была тогда же размѣщена по разнымъ заламъ, по разнымъ шкафамъ, смотря по содержанію

---

[1]) Diderot, XX, 134—137. [2]) Сборникъ, X, 167. [3]) Id., XXIII, 327. [4]) Id., 339. [5]) Id., 359. [6]) Id., 262.

книгъ, и теперь невозможно уже найти и слѣдовъ ея. Объ этомъ нельзя не пожалѣть: библіотека Дидро не только свидѣтельствовала о томъ, какія сочиненія и трактаты онъ читалъ, но носила на себѣ результаты его чтенія — Дидро имѣлъ привычку дѣлать на поляхъ книгъ свои отмѣтки, записывать впечатлѣнія, излагать мысли, навѣянныя чтеніемъ [1]).

Горячее участіе Екатерины къ судьбамъ „Энциклопедіи" и щедрыя милости, оказанныя ею лично Дидро, побудили его, изъ чувства признательности столько же, быть можетъ, какъ и вслѣдствіе надежды „найти среди скифовъ защиту философіи, преслѣдуемой во Франціи" [2]), войти въ болѣе близкія сношенія съ Екатериною и посильными услугами выразить ей свою благодарность. Дидро рекомендуетъ ей художниковъ и государственныхъ дѣятелей, заботится о пріобрѣтеніи картинъ и гравюръ для Эрмитажа (36), входитъ въ сношенія съ русскими въ Парижѣ, расточаетъ Екатеринѣ похвалы въ печати и оказываетъ ей, наконецъ, личную услугу, которую она, какъ теперь оказывается, имѣла поводъ особенно высоко цѣнить.

Изъ всѣхъ лицъ, рекомендованныхъ Дидро, два обратили на себя особенное вниманіе Екатерины: однимъ императрица осталась вполнѣ довольна, другой навлекъ на себя ея немилость. „Дидро рекомендуетъ намъ своихъ друзей—пишетъ Екатерина г-жѣ Жофренъ—и далъ мнѣ случай пріобрѣсти человѣка, которому, я думаю, можно сказать, что нѣтъ равнаго: это Фальконэ; онъ вскорѣ начнетъ статую Петра Великаго. Если и есть художники, равные ему по искусству, то смѣло, я ду-

[1]) Diderot, II, 265; IV, 3. [2]) Voltaire, LXXXVIII, 90.

маю, можно сказать, что нѣтъ такихъ, которыхъ можно бы сравнить съ нимъ по чувствамъ; словомъ, это задушевный другъ Дидро" [1]). Несмотря на такое высокое мнѣніе императрицы о Дидро, рекомендованный имъ дела-Ривьеръ потерпѣлъ, какъ мы уже говорили, фіаско (37).

По указаніямъ Дидро, Екатерина, ничего не понимавшая въ искуствѣ, купила много картинъ Мурильйо, Дау, Ванло, Машіи, Вьена и друг. французскихъ художниковъ; знаменитая галлерея барона Тьера, въ которой находились произведенія кисти Рафаэля, Ван-Дика, Рембрандта, Пуссэна и др., всего до 500 картинъ, была куплена за 460,000 франковъ тоже чрезъ посредство Дидро. По поводу покупки этой галлереи Дидро писалъ Фальконэ: „Ахъ, мой другъ, какъ мы измѣнились! Среди полнаго мира мы продаемъ наши картины и статуи, а Екатерина скупаетъ ихъ въ разгаръ войны. Науки, искуства, вкусъ, мудрость восходятъ къ сѣверу, а варварство съ своимъ кортежемъ нисходитъ на югъ" [2]). Какъ художественный критикъ, Дидро пріобрѣлъ большое значеніе въ глазахъ Екатерины, а его „Salons", появлявшіеся въ „Correspondance littéraire", и въ настоящее время цѣнятся знатоками искуства.

Въ одномъ изъ такихъ обзоровъ художественныхъ выставокъ, именно въ „Salon de 1767", упоминая о художникѣ Вьенѣ (Vien), работавшемъ для Екатерины, Дидро пользуется случаемъ воспѣть хвалебный гимнъ правительственной дѣятельности Екатерины: „Императрица даетъ законы своей странѣ, не имѣвшей законовъ; собираетъ вокругъ себя знанія и искуства; основываетъ полезныя учрежденія; она съумѣла внушить

---

[1]) Сборникъ, I, 289. [2]) Diderot, XVIII, 328.

къ себѣ уваженіе всѣхъ европейскихъ дворовъ, изъ которыхъ она одни сдерживаетъ, надъ другими господствуетъ; она стремится сдѣлать фанатиковъ-поляковъ вѣротерпимыми; она могла бы принять въ свою имперію 50,000 польскихъ диссидентовъ, но предпочла имѣть 50,000 своихъ подданныхъ въ самой Польшѣ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что эти преслѣдуемые польскіе диссиденты обратятся въ преслѣдователей, какъ только получатъ силу" [1]).

Императрица Екатерина не пренебрегала подобными гимнами. Она знала, что Дидро одинъ изъ тѣхъ трехъ философовъ, которые воздвигаютъ въ Европѣ жертвенники для воскуренія ей ѳиміама [2]). Но никто другой изъ этой „философской троицы", ни Вольтеръ, ни Д'Аламберъ, не оказали ей лично такой важной услуги, какъ Дидро.

Переворотъ 28-го іюня 1762 года, къ которому Екатерина такъ много и такъ долго готовилась, произвелъ на нее сильное впечатлѣніе, которое, по самой сущности дѣла, не изгладилось до ея смерти. Она относилась къ нему крайне нервно даже въ 1793 году [3]), тѣмъ болѣе въ первые годы по воцареніи. Между тѣмъ, въ началѣ 1768 года, въ литературныхъ кружкахъ Парижа появилась рукопись о „русской революціи 1762 года"; рукопись читалась во многихъ домахъ. Дидро, познакомившись съ этимъ произведеніемъ, понялъ насколько распространеніе его даже въ рукописи, не го-

---

[1]) Diderot, XI, 347. [2]) Nous sommes trois, Diderot, D'Alembert et moi, qui vous dressons des autels. Voltaire, LXXVIII, 18.
[3]) Достопамятный разговоръ Екатерины Великой съ княгинею Дашковою, въ 1793 г. Русскій Архивъ, 1884, II, 271.

воря уже въ печати, должно быть непріятно императрицѣ, и вотъ что писалъ онъ Фальконэ, въ Петербургъ, въ маѣ 1768 года:

«Во время революціи 1762 года нашимъ секретаремъ посольства въ Петербургѣ былъ г. де-Рюльеръ (38), человѣкъ очень умный. По настоянію графини Эгмонтъ (39), онъ рѣшился написать теперь исторію революціи, которой былъ, такъ сказать, очевиднымъ свидѣтелемъ. Онъ ее написалъ и прочолъ мнѣ; онъ читалъ ее Д'Аламберу, г-жѣ Жофренъ и многимъ другимъ. Онъ спросилъ мое мнѣніе и я ему высказалъ, что говорить о государяхъ очень опасно и невозможно говорить всю правду; что необходима крайняя осторожность, уваженіе и осмотрительность относительно государыни, составляющей удивленіе Европы и радость націи; что я полагаю, что самое вѣрное и самое лучшее для него самого было бы уничтожить это произведеніе, на какую славу онъ ни разсчитывалъ бы отъ его обнародованія. Г. де-Рюльеръ отвѣчалъ мнѣ, что онъ предполагалъ только удовлетворить любопытству нѣсколькихъ друзей, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія печатать эту рукопись, что Д'Аламберъ и г-жа Жофренъ предпочитали его разсказъ всѣмъ апологіямъ, какія только были распространены въ пользу ея императорскаго величества, и что герцогъ Ларошфуко сказалъ ему: «это не только прекрасная исповѣдь—это прекрасная жизнь».

«Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ этой рукописи государыня является владыкой-женщиной, какъ gran cervello di principessa, но, если это произведеніе появится въ печати (такъ какъ не слѣдуетъ полагаться на слова де-Рюльера — тщеславіе, вѣтреность или невѣрность какого нибудь ложнаго друга, и произведеніе будетъ напечатано), я желалъ бы, чтобъ оно появилось лучше съ вѣдома, чѣмъ безъ вѣдома императрицы. Главное—знать, что нужно сдѣлать въ этомъ случаѣ. Я самъ ничего не рѣшилъ. Дѣло это деликатное, очень деликатное. Во первыхъ, невѣроятно и нѣтъ никакой надежды, чтобъ де-Рюльеръ выдалъ свою рукопись. Во вторыхъ, въ рукописи есть извѣстія, которыя, если только они справедливы, не могли быть узнаны иначе, какъ по нескромности лицъ высокопоставленныхъ и, быть можетъ, окружающихъ государыню. Этотъ Рюльеръ ничего лучшаго не желалъ бы, какъ быть назначеннымъ на мѣсто Роси-

пьойля (40), и онъ отправился бы въ Петербургъ. Повидайте императрицу, поговорите съ нею, сообщите мнѣ ея приказанія и не увѣряйте ее въ моей полной преданности—она въ ней увѣрена [1]).

Немедленно по полученіи этого письма, Фальконэ отправилъ его къ императрицѣ, въ Царское Село, вмѣстѣ съ набросаннымъ имъ проектомъ отвѣта. „Я такъ всецѣло преданъ вашему императорскому величеству— пишетъ Фальконэ утромъ 13-го іюня 1768 г.—а мое довѣріе такъ безгранично, что я не могу не представить вамъ всѣхъ соображеній моего друга, особенно же когда они нераздѣльно связаны съ предметомъ, касающимся васъ лично. Вотъ его письмо и мой отвѣтъ. Осмѣлюсь-ли умолять ваше величество сообщить мнѣ свою волю, чтобъ я сообразно съ нею могъ окончить и исправить свой отвѣтъ“ [2]). Екатерина отвѣчала на другой же день, 14-го іюня, вечеромъ. Намекъ Дидро на способъ улаженія дѣла — приглашеніе Рюльера въ Петербургъ въ качествѣ консула — конечно, былъ императрицей отвергнутъ; она измыслила иной способъ. „Я буду отвѣчать, г. Фальконэ, на ваше письмо, а не на письмо вашего друга, которое я два дня разбирала, и коснусь лишь нѣсколькихъ мѣстъ, которыя я поняла и которыя требуютъ отвѣта“. Почеркъ Дидро, въ высшей степени четкій и ясный [3]), Екатерина отлично разбирала; очевидно, въ данномъ случаѣ, это только предлогъ не входить въ подробности дѣла, для нея во всякомъ случаѣ непріятныя. Изъ отвѣта Екатерины на мѣста, понятыя ею (que j'ai compris), видно, что она до тонкости поняла сообщеніе Дидро и взвѣсила всю его важность: „Трудно, чтобъ секретарь посольства, безъ

[1]) Diderot, XVIII, 255—256. [2]) Сборникъ, XVII, 42. [3]) Diderot, XVIII, 291; XIX, 370—371.

помощи фантазіи, зналъ доподлинно кàкъ все происходило. Между нами будь сказано, я каждый день вижу, какъ они готовы лгать скорѣе, чѣмъ заявить свое невѣдѣніе тѣмъ, которые имъ платятъ за то, чтобъ они говорили вкривь и вкось, говорили о томъ, что знаютъ, и о томъ, чего не знаютъ. Такъ, напередъ уже держу пари, что произведеніе г. Рюльера не представляетъ ничего важнаго, особенно же судя по заявленію Дидро, что въ этой рукописи является женщина-владыка и cervello di principessa, ибо въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не было, но предстояло или погибнуть вмѣстѣ съ полуумнымъ или спасти себя вмѣстѣ съ массою, стремившеюся избавиться отъ него. Такимъ образомъ, во всемъ этомъ не было коварства, а всему причиною дурное поведеніе извѣстной личности, безъ чего, конечно, съ нимъ ничего не могло бы случиться. Слѣдовало бы постараться купить рукопись Рюльера; я прикажу написать объ этомъ Хотинскому“ [1]).

Дѣло становилось теперь „деликатнымъ“ и для Дидро. Кàкъ купить рукопись?! Рюльеръ былъ вообще человѣкъ со средствами, а въ это время онъ получалъ еще до 6,000 франковъ за составленіе исторіи Польши для дофина, будущаго короля Людовика XVI. Дѣло, само по себѣ деликатное, усложнялось еще тѣмъ, что посланника князя Д. А. Голицына не было уже въ Парижѣ, былъ только повѣренный въ дѣлахъ, нѣкто Хотинскій. Князя Голицына знали всѣ литераторы, онъ былъ другъ Дидро, Д'Аламбера, г-жи Жофренъ; его уважали, его любили; а Хотинскаго кто же знаетъ? Правда, Дидро называетъ его „любезнымъ, осторожнымъ, точнымъ“ [2]),

---

[1]) Сборникъ, XVII, 43—44. [2]) Diderot, XVIII, 307.

но всего этого слишкомъ мало для такого деликатнаго дѣла, какъ покупка деликатной рукописи, къ тому же у человѣка, вовсе не нуждающагося. Какъ бы то ни было, но первымъ же приступомъ къ покупкѣ „изгадили все дѣло", и такъ изгадили, что Фальконэ упрекалъ даже своего друга, Дидро, зачѣмъ онъ его впуталъ во всю эту непріятную исторію. Сохранился очень любопытный отвѣтъ Дидро: „Зачѣмъ я поручилъ дѣло Рюльера вамъ, а не генералу Бецкому? Потому что письма, посылаемыя вамъ, рѣже вскрываются, чѣмъ адресуемыя на его имя. Вотъ почему также я не писалъ и прямо ея императорскому величеству; а ужъ если необходимъ былъ посредникъ, то вы мнѣ милѣе, чѣмъ кто нибудь другой. Дѣло это можно вести только литератору съ литераторомъ, а не литератору съ министромъ. Теперь все дѣло изгадили (on a tout gâté), въ чемъ я и не сомнѣвался. Деньги принимаются или отвергаются, смотря по лицу, которое ихъ предлагаетъ" [1]).

Когда уже дѣло было „изгажено" первымъ визитомъ Хотинскаго къ Рюльеру, вновь обратились къ помощи Дидро и онъ его исправилъ. „Я сопровождалъ Хотинскаго — пишетъ Дидро — при второмъ его посѣщеніи Рюльера и старался исправить дурное (ridicule) впечатлѣніе перваго визита, обративъ все въ шутку. Ну, и оказалось: „исторія" составлена только для того, чтобъ удовлетворить любопытство графини Эгмонтъ; вовсе не имѣется намѣренія печатать рукопись; ее прочтутъ Хотинскому, чтобъ онъ самъ могъ судить о ея содержаніи, и ничего не имѣютъ противъ посылки копіи въ Петербургъ, если только ея императорское величе-

1) Diderot, XVIII, 286.

ство выразить желаніе имѣть ее, на что не смѣютъ даже и разсчитывать—какъ видите, мы, прежде всего, очень скромны" [1]). Дидро, дѣйствительно, уладилъ дѣло: „деликатная» рукопись появилась въ печати лишь по смерти Екатерины, въ 1797 году (41).

Мы говорили уже, что изъ всѣхъ русскихъ современниковъ Дидро, наиболѣе цѣнили его двѣ русскія женщины—императрица Екатерина II и княгиня Е. Р. Дашкова. Прежде чѣмъ Дидро поѣхалъ въ Петербургъ для свиданія съ Екатериною, княгиня Дашкова пріѣхала въ Парижъ и познакомилась съ Дидро. О своихъ сношеніяхъ съ нимъ въ Парижѣ, княгиня Дашкова записала въ своихъ мемуарахъ такъ подробно и такъ правдиво, что намъ остается только привести въ русскомъ пересказѣ наиболѣе характерныя черты, обрисовывающія личность Дидро:

«Я пробыла въ Парижѣ только семнадцать дней и не желала никого видѣть, кромѣ Дидро. Свои утреннія прогулки, посвященныя осмотру достопримѣчательностей и продолжавшіяся съ 8 часовъ утра до 3 пополудни, я обыкновенно кончала тѣмъ, что останавливала карету у дома Дидро, онъ садился со мною, обѣдалъ у меня и часто наши бесѣды съ глазу-на-глазъ длились до 2 и 3 часовъ ночи.

«Въ одинъ изъ вечеровъ, когда Дидро былъ у меня, доложили о г. ла-Рюльерѣ. Онъ былъ въ Россіи секретаремъ барона Бретэйля, французскаго посланника; я тогда часто видала его въ моемъ московскомъ домѣ и еще чаще у Каменскихъ. Я не знала, что ла-Рюльеръ, возвратясь въ Парижъ, написалъ записку о революціи 1762 г. въ Россіи, которую читалъ во многихъ домахъ, и приказала человѣку принять его. Дидро меня остановилъ. Онъ взялъ меня за руку, крѣпко сжалъ ее и спросилъ: «Послѣ путешествія, вы думаете возвратиться въ Россію?» — «Что за вопросъ! Развѣ я имѣю право дѣлать моихъ дѣтей эми-

---

[1]) Id. 293.

грантами?»—«Въ такомъ случаѣ велите слугѣ сказать Ла-Рюльеру, что вы не можете принять его; я вамъ объясню причины». На его лицѣ ясно сказывалась дружба ко мнѣ и я отказала старому знакомому, умъ и образованіе котораго дѣлали бесѣду съ нимъ столь пріятною — настолько я довѣряла Дидро. «Знаете-ли вы, что Рюльеръ есть авторъ записки о восшествіи императрицы на престолъ?» — «Нѣтъ, не знала; по тѣмъ болѣе желала бы его видѣть».—«Я сообщу вамъ все, что вы могли бы узнать изъ записки. Вы представлены въ ней наилучшимъ образомъ: вмѣстѣ со всѣми мужскими качествами и доблестями, онъ приписалъ вамъ и всѣ женскія достоинства; но императрица представлена не такъ, и она, чрезъ посредство генерала Бецкаго и своего повѣреннаго въ дѣлахъ, предлагала ему деньги, намѣреваясь купить рукопись. Переговоры велись такъ неловко, что Рюльеръ, прежде всего, снялъ три копіи съ своей записки и отдалъ ихъ на храненіе: одну — въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ, другую — г-жѣ Граммонъ, третью — архіепископу парижскому. Послѣ этого неуспѣха, ея величество почтила меня порученіемъ вести переговоры съ Рюльеромъ и я достигъ того, что эти записки будутъ напечатаны лишь по смерти императрицы и автора. Король польскій представленъ въ запискахъ тоже съ очень дурной стороны. Вы чувствуете теперь, что, принимая у себя Рюльера, вы даете санкцію такому произведенію, которое безпокоитъ императрицу». Я поблагодарила Дидро за это доказательство дружбы ко мнѣ. Де ла-Рюльеръ пріѣзжалъ еще два раза, но я его не приняла [1]), и по возвращеніи въ Петербургъ имѣла возможность вполнѣ оцѣнить поведеніе Дидро: лишь полтора года спустя я узнала, что, вскорѣ по моемъ отъѣздѣ изъ Парижа, Дидро написалъ императрицѣ, что, вслѣдствіе моего отказа принять Ла-Рюльера, его произведеніе потеряло ту авторитетность, которую не могли бы сбить десять Вольтеровъ и пятнадцать жалкихъ Дидро. Онъ вовсе не говорилъ мнѣ, что будетъ писать императрицѣ, и такая деликатность, такая горячая преданность своимъ друзьямъ, въ число которыхъ Дидро включалъ и меня, дѣлаютъ память о немъ навѣки для меня дорогою.

«Я восхищаюсь всѣмъ въ Дидро, даже его горячностью

[1]) Diderot, XII, 492.

въ дѣлахъ и чувствахъ. Его искренность, его вѣрная преданность друзьямъ, его умъ проницательный и глубокій, вниманіе и уваженіе, которыя онъ мнѣ всегда оказывалъ, навѣки привязали меня къ нему. Я оплакала его смерть и пока жива никогда не перестану сожалѣть о немъ. Какъ мало знали эту необыкновенную голову! Добродѣтель и истинность стояли на первомъ планѣ во всѣхъ его дѣйствіяхъ; общее благо было его страстью и постоянною цѣлью. Если живость характера вовлекала его иногда въ ошибки, онъ все-же оставался искренен, и самъ увлекаясь» (42).

Таковъ дѣйствительно былъ Дидро, но таковы же были, вообще говоря, и всѣ философы XVIII вѣка — люди искренніе, желавшіе ближнимъ добра, обладавшіе здоровымъ умомъ, свѣтлымъ взглядомъ. Въ этомъ заключалась ихъ сила, приковавшая къ ихъ энциклопедическому знамени моральную побѣду. Никто не можетъ отрицать, что энциклопедисты иногда ошибались, но, въ то же время, всякій долженъ признать, что они чаще были правы. Не только истинное, но и доброе было ихъ цѣлью, и Вольтеръ могъ бы примѣнить ко всѣмъ философамъ прошлаго вѣка прекрасный стихъ о самомъ себѣ:

J'ai fait un peu de bien, c'est mon meilleur ouvrage.

Но у Дидро была, сверхъ того, еще одна особенность, вѣрно подмѣченная кн. Дашковою: во все, что онъ писалъ или дѣлалъ, что его интересовало или привлекало, онъ вносилъ страстную, увлекательную энергію, направленную къ проложенію новыхъ путей для осуществленія новыхъ идей, которыя должны были принести пользу человѣчеству, измѣняя его вѣрованія, убѣжденія, понятія. Даже Екатерина II, которую никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ энергіи, удивлялась и завидовала ему въ этомъ отношеніи [1]). Этимъ качествомъ

[1]) Сборникъ, XIII, 377, 430; Voltaire, LXXVIII, 282.

характера Дидро, еще болѣе чѣмъ признательностью за денежную помощь, объясняется его страстное отношеніе ко всему, что касается Россіи и особенно Екатерины.

До какихъ мелочей доходило въ этомъ случаѣ его вниманіе, видно изъ переписки Дидро съ актрисою Жодэнъ. „Русская императрица — пишетъ онъ ей въ концѣ 1767 г. — поручила здѣсь одному лицу, нѣкоему Митрецкому, составить французскую труппу. Хватитъ ли у васъ храбрости поѣхать въ Петербургъ и поступить на службу къ удивительнѣйшей женщинѣ въ мірѣ? Жду отвѣта [1])". И въ началѣ 1768 года: „Вотъ условія, которыя вамъ предлагаютъ за службу въ труппѣ при петербургскомъ дворѣ: жалованья 1,600 рублей, что на французскія деньги составитъ 8,000 франковъ; на проѣздъ 1,000 пистолей, столько же на обратный путь. Необходимо имѣть французское, римское и греческое одѣяніе; костюмы же экстраординарные выдаются изъ придворнаго склада. Ангажементъ на пять лѣтъ. Театральная карета только для императорской службы. Наградные иногда весьма значительны, но ихъ, какъ и вездѣ, слѣдуетъ заслужить" [2]).

Уже изъ этихъ краткихъ выписокъ видно, что мы имѣемъ дѣло съ театраломъ. Дидро любилъ театръ и много потрудился для сцены. Кромѣ двухъ большихъ комедій — неимѣвшей успѣха на сценѣ комедіи „Le fils naturel" и несходившей съ афишъ комедіи „Père de famille" — Дидро написалъ драму „Le joueur", четырехактную комедію „Est-il bon? Est-il méchant?", одноактную трагедію „Les pères malheureux", и восемь драматическихъ набросковъ, плановъ для предположен-

---

[1]) Diderot, XIX, 395. [2]) Id. XIX, 398.

ныхъ имъ сценическихъ представленій (43). Комедія „Père de famille“ произвела переворотъ въ драматическомъ искусствѣ. По поводу ея, Вольтеръ, авторъ „Tancrède“, охотно уступалъ Дидро, какъ драматургу, первое мѣсто [1]), и Лессингъ призналъ, что „безъ уроковъ Дидро“ его сценическій вкусъ принялъ бы иное направленіе [2]). Но Дидро стяжалъ себѣ имя въ сценическомъ искусствѣ не драматическими произведеніями, а своими статьями: переведенною Лессингомъ на нѣмецкій языкъ „De la poésie dramatique“ и „Paradoxe sur le comédien“, въ которыхъ онъ коснулся теоріи драматическаго искуства и въ которыхъ, какъ во всемъ, чего касался (44), высказалъ много новыхъ мыслей и здравыхъ сужденій, ставшихъ руководствомъ для драматурговъ и актеровъ. Екатерина высоко ставила Дидро, какъ драматическаго писателя. Глѣбовъ (45) перевелъ комедію „Père de famille“ на русскій языкъ [3]) и, за недѣлю до пріѣзда Дидро въ Петербургъ, Екатерина писала Вольтеру, что комедія эта съ успѣхомъ была представлена на придворной сценѣ [4]). Дидро же Екатерина просила написать нѣсколько небольшихъ пьесъ для дѣтскаго театра [5]), вѣроятно, для исполненія воспитанницами Смольнаго института.

Въ 1772 году вышелъ послѣдній, 27-й, томъ „Энциклопедіи“, и уже весною 1773 года Дидро выѣхалъ изъ Парижа, направляясь въ Петербургъ, на поклонъ къ русской императрицѣ. Онъ возвратился изъ Россіи въ Парижъ, въ свою семью, только осенью 1774 года; воз-

[1]) Je vous cède la place de tout mon coeur. Voltaire, XCVI, 182.
[2]) Diderot, VII, 23. [3]) Id., XVIII, 287. [4]) Сборникъ, XIII, 359.
[5]) Прилож. III, 33, 35.

вратился больной, усталый, съ мыслью о смерти, не очень, впрочемъ, скорой. „Я возвращаюсь—писалъ онъ отъ 3 го сентября 1774 г. [1])—къ своему домашнему очагу, котораго никогда ужъ болѣе не покину, до конца жизни; время, измѣрявшееся годами, прошло; настало время, которое слѣдуетъ измѣрять днями; чѣмъ ограниченнѣе доходъ, тѣмъ съ большимъ благоразуміемъ слѣдуетъ его расходовать. Въ моемъ распоряженіи, можетъ быть, десятокъ лѣтъ впереди. Изъ этихъ десяти лѣтъ, два или три года уйдутъ на флюсы, ревматизмы и другія явленія этой докучливой семьи; постараемся же провести остальные семь лѣтъ въ спокойствіи и въ тихомъ счастіи, доступномъ для человѣка, которому уже за шестьдесятъ лѣтъ". Это предсказаніе сбылось почти буквально: ровно черезъ десять лѣтъ, 20-го (31) іюля 1784 года, Дидро умеръ.

Съ начала 1783 г. Дидро началъ уже сильно хворать. „Болѣзнь Дидро очень меня безпокоитъ" [2]), пишетъ Екатерина еще въ апрѣлѣ, и въ теченіи всего года интересуется состояніемъ его здоровья [3]), всегда высказывая къ нему большое вниманіе. Съ весны 1784 года, Дидро, совершенно больной (46), не могъ уже посѣщать пятничные обѣды „французскаго Фидія", скульптора Пигалля (47), на которые собирались всѣ знаменитости вѣка—учоные, литераторы, художники, артисты. „Чтобы хорошо знать и умѣть цѣнить Дидро, нужно видѣть его у Пигалля. Здѣсь Дидро являлся совсѣмъ на распашку — любезнымъ, простымъ, добрымъ. Среди литературныхъ споровъ и философическихъ дебатовъ,

---

[1]) Diderot, XIX, 351. [2]) Сборникъ XXIII, 278. [3]) Id. 290, 303 sqq.

онъ завязывалъ бесѣды съ артистами объ искуствѣ и его живая рѣчь всегда была полна интереса“ [1]). На послѣднемъ пятничномъ обѣдѣ, больной Дидро все заводилъ рѣчь о смерти; одну изъ этихъ рѣчей сохранилъ намъ ученикъ Руссо, д'Ешерни [2]): „Я былъ рожденъ, говорилъ намъ Дидро совершенно хладнокровно, чтобъ прожить лѣтъ сто. Иные говорятъ, будто я злоупотреблялъ моимъ здоровьемъ; я же скажу, что я имъ только пользовался. Я смотрю на прожитое безъ всякаго огорченія. Мнѣ не о чемъ сожалѣть — я больше жилъ въ пятьдесятъ лѣтъ, чѣмъ другіе во сто. Я не стѣснялъ себя, не лишалъ себя удовольствій, жилъ полною жизнью. Никогда, однако, не пользовался я жизнью въ такой мѣрѣ, какъ во время оргій, которыя мы устраивали у Ландэ [3]), гдѣ я съ избыткомъ наслаждался всѣми удовольствіями, чувственными и умственными, во время оживленной бесѣды съ двумя тремя пріятелями, въ сообществѣ изысканныхъ винъ и красивыхъ женщинъ. Возвращаясь поздно домой, полупьяный, я работалъ всю ночь на пролетъ и работалъ легко, съ увлеченіемъ. Въ одну изъ такихъ оргій, Монморэнъ (48) сказалъ мнѣ: „Conviens, Diderot, que tu n'es un impie que parceque tu es un libertin“. — „Croyez-vous donc que je le sois à propos de bottes“?

Такимъ Дидро и умеръ. Священникъ мѣстнаго прихода, узнавъ о болѣзни Дидро, навѣстилъ его. „Мой отецъ—разсказываетъ г-жа Вандэйль въ своихъ мемуарахъ—принялъ его ласково, много говорилъ съ нимъ о дѣланіи добрыхъ дѣлъ, о помощи неимущимъ прихожа-

[1]) Diderot, XX, 138. [2]) D'Escherny, Mélanges de littérature, d'histoire etc., III. Diderot, XX, 136—140. [3]) Содержатель лучшаго въ то время ресторана въ Парижѣ.

намъ. Священникъ навѣщалъ его два-три раза въ недѣлю, но разговоръ былъ всегда общаго характера, такъ что и вопросы теологическіе обсуждались съ общей точки зрѣнія, какъ свойственно свѣтскимъ людямъ (comme il convient aux gens du monde). Мой отецъ не напрашивался на теологическія бесѣды, но и не избѣгалъ ихъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, когда оба они были вполнѣ согласны по многимъ вопросамъ морали, священникъ рискнулъ намекнуть отцу, что еслибъ онъ напечаталъ хотя бы маленькое отреченіе (une petite rétractation) отъ своихъ произведеній, это произвело бы очень недурное впечатлѣніе. „Охотно вѣрю вамъ, батюшка; но, согласитесь, что это была бы съ моей стороны безстыдная ложь", отвѣчалъ ему отецъ мой". Священникъ такъ и не добился своего „маленькаго отреченія" и очень обрадовался, узнавъ о переѣздѣ Дидро въ другой приходъ. Переѣздъ на другую квартиру совершился только благодаря вниманію Екатерины. „Мой отецъ—говоритъ дочь Дидро [1])—уже тридцать лѣтъ жилъ въ 4-мъ этажѣ; его библіотека была въ 5-мъ. Врачъ настаивалъ, что отецъ умретъ, поднимаясь такую вышь, и, по ходатайству Гримма, императрица Екатерина наняла для отца великолѣпную квартиру въ улицѣ Ришелье. Отецъ прожилъ въ ней только 12 дней. Его тѣло съ каждымъ днемъ замѣтно слабѣло, но голова была свѣжа, и онъ сознавалъ близкій конецъ. Наканунѣ смерти, онъ сказалъ работникамъ, устанавливавшимъ для него новую кровать: „Друзья, вы слишкомъ ужъ хлопочете о мебели, которая не прослужитъ и четырехъ дней". Вечеромъ, его навѣстили друзья; какъ всегда

[1]) Diderot, I, XXXII.

разговоръ зашелъ о философіи, причемъ послѣднія его слова были: „Le premier pas vers la philosophie, c'est l'incrédulité“.

Дидро умеръ въ приходѣ церкви св. Рокка. Мѣстный священникъ, въ виду „ученія, распространеннаго въ его произведеніяхъ, и пріобрѣтенной философомъ извѣстности“, отказался хоронить Дидро, но, въ виду 1800 ливровъ, врученныхъ ему зятемъ Дидро, похоронилъ его торжественнѣе, чѣмъ даже желали родные. „J'ai été très édifiée—пишетъ Екатерина Гримму [1])—de la conduite du curé de S-t Roch au sujet de l'enterrement de Diderot“. Въ протоколахъ церкви св. Рокка значится:

«1784 года, августа 1-го дня, въ сей церкви погребенъ Денисъ Дидро, 71 года, членъ берлинской, стокгольмской и санктпетербургской академіи наукъ, библіотекарь Ея Императорскаго Величества Екатерины Второй, императрицы Россіи, умершій вчера, іюля въ 31 день». [2]).

Извѣстіе о смерти Дидро пришло въ Петербургъ въ то время, когда Екатерина была въ страшномъ горѣ по случаю смерти генерала Ланского (49); она была «столь чувствительна къ этой потерѣ, что сдѣлалась нечувствительна ко всему остальному» [3]). Вотъ почему вѣсть о смерти Дидро не произвела, быть можетъ, на Екатерину того впечатлѣнія, какое можно было ожидать. Въ отвѣтъ на извѣщеніе Гримма, она, въ письмѣ отъ 14 сентября 1784 года, дѣлаетъ только слѣдующее распоряженіе: „передайте вдовѣ Дидро тысячу рублей; это составитъ ея пенсію за пять лѣтъ впередъ, по двѣсти ливровъ въ годъ“ [4]). Лишь полгода

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 362. [2]) Diderot, I, CXV. [3]) Сборникъ, XXIII, 317. [4]) Id., 318.

спустя, Екатерина сознала значеніе для нее смерти Дидро, и выразила это сознаніе, въ письмѣ къ Гримму отъ 5-го марта 1785 года, въ слѣдующихъ словахъ: „Добудьте для меня всѣ произведенія Дидро. Вы заплатите за нихъ, что потребуютъ. Конечно, они не выйдутъ изъ моихъ рукъ и никому не повредятъ. Пришлите ихъ вмѣстѣ съ его библіотекою [1]“. Умеръ Дидро, Екатерина ищетъ въ его произведеніяхъ общечеловѣческихъ впечатлѣній и гуманныхъ воззрѣній, освѣжающихъ и укрѣпляющихъ.

Только по смерти Дидро стала обнаруживаться вся разносторонность его таланта. Въ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни, по возвращеніи изъ Петербурга, Дидро пересталъ печатать свои сочиненія: онъ писалъ охотно, писалъ много, давалъ друзьямъ читать свои произведенія, позволялъ снимать съ нихъ копіи, но не соглашался печать [2]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Дидро, въ началѣ 1785 года, въ Германіи появился переводъ одного отрывка изъ романа Дидро „Jacques le fataliste et son maître“ (50), который былъ вполнѣ изданъ на французскомъ языкѣ только въ 1792 году. Другой романъ Дидро, написанный имъ въ 1760 году, появился въ печати лишь въ 1796 году подъ заглавіемъ „La religieuse“ (51). Въ свое время эти романы произвели переворотъ въ обществѣ и литературѣ, вовсе не своими художественными достоинствами, а соціальною практичностью взглядовъ и новизною литературной формы. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, даже до 1876 года включительно, появилось въ печати много произведеній Дидро (52), въ

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 327. [2]) Diderot II, 195.

томъ числѣ нѣсколько касавшихся Россіи. Познакомившись со всѣми этими произведеніями въ первомъ полномъ изданіи его произведеній, составляющемъ 20 томовъ и вышедшемъ лишь въ 1876 году, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ знаменитаго Гёте, выраженнымъ по поводу Дидро: „Die höchste Wirkung des Geistes ist, den Geist hervorzurufen [1]".

---

[1]) Goethes sämmtliche Werke, 1868, Stuttgart, XXV, 288.

III.

ДИДРО ВЪ ГОСТЯХЪ У ЕКАТЕРИНЫ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ.
Грибоѣдовъ.

Никогда еще императрица Екатерина II не переживала столь разнообразныхъ впечатлѣній, какъ осенью 1773 года. Между тѣмъ, какъ фельдмаршалъ графъ Румянцевъ съ огромными потерями долженъ былъ отступить отъ предѣловъ Турціи, гдѣ, подъ Силистріей, едва не погубилъ и русское войско, и свою славу побѣдителя при Ларгѣ и Кагулѣ, а близь Яика, на уметѣ Ереминой Курицы, появились уже царскіе знаки на Григоріѣ Пугачовѣ; между тѣмъ, какъ въ самомъ дворцѣ шла ожесточенная борьба двухъ враждебныхъ партій, Орлова и Панина, и даже во внутреннихъ покояхъ императрицы виднѣлась по временамъ угрюмость на лицѣ Васильчикова — въ Петербургѣ готовились всевозможныя празднества по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича. Въ это именно время, въ концѣ сентября 1773 года, пріѣхалъ въ Петербургъ Дидро.

Во всю свою жизнь Дидро только одинъ разъ выѣзжалъ за предѣлы Франціи — для поѣздки въ Петер-

бургъ. Онъ не любилъ путешествовать [1]); жизнь привязывала его къ дому. Вѣчно занятый въ своемъ кабинетѣ, среди книгъ, коректуръ и рукописей, доставлявшихъ ему средства къ жизни, Дидро привыкъ къ извѣстной обстановкѣ, нетерпѣвшей никакихъ перемѣнъ. Для путешествій же, требовавшихъ въ то время значительныхъ издержекъ, у него не было и матерьяльныхъ средствъ. У него не было средствъ даже на поѣздку въ Фернэ, къ Вольтеру, который только одного Дидро удостоивалъ называть „illustre philosophe" [2]) и къ которому ѣздили всѣ, кто только могъ. Отъ поѣздки въ Петербургъ Дидро долго отказывался. Еще въ 1767 г. Екатерина выражала желаніе видѣть Дидро въ Петербургѣ [3]). „Я желала бы видѣть его здѣсь и для того, чтобы отвратить отъ него преслѣдованія въ будущемъ, которыхъ я за него опасаюсь, и потому что охотно желаешь видѣть достойныхъ людей. Не могу рѣшить, какое дать ему назначеніе: прежде всего потому, что не желала бы стѣснять его собственный выборъ, и потомъ желала бы ближе ознакомиться съ нимъ прежде, чѣмъ предложить ему что-либо; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что еслибъ онъ пріѣхалъ и еслибъ я послѣдовала своему влеченію, я оставила бы его при себѣ, для моего наставленія [4])". Въ письмѣ къ Фальконэ Дидро отклонилъ это приглашеніе, отговариваясь „сердечными своими привязанностями въ Парижѣ [5])". Только шесть лѣтъ спустя, вполнѣ окончивъ изданіе „Энциклопедіи", Дидро рѣшился ѣхать въ Петербургъ.

---

[1]) Diderot, III, 417. [2]) Voltaire, LXXXVIII, 90. [3]) Прилож. I, 1. [4]) Сборникъ, XVII, 3. [5]) Id., XIII, 10; XVII, 253; Diderot, XVIII, 138.

Дидро выѣхалъ изъ Парижа 21-го мая [1]). Онъ направился, прежде всего, въ Гагу, къ своему другу, князю Д. А. Голицыну, гдѣ прожилъ около трехъ мѣсяцевъ. Въ письмѣ къ дѣвицѣ Волланъ, отъ 13-го августа, Дидро сообщаетъ ей, что „чрезъ четыре дня отправляется въ Петербургъ", въ сопровожденіи Нарышкина (53). „Камергеръ ея императорскаго величества, г. Нарышкинъ, беретъ меня въ свою карету и будетъ сопровождать до Петербурга. Мы поѣдемъ тихо, удобно, небольшими переѣздами, останавливаясь, гдѣ только намъ заблагоразсудится, для отдыха или ради любопытства. Г. Нарышкинъ очень милый господинъ, который дружески сошелся со мною еще въ Парижѣ" [2]). Дидро ѣхалъ такъ тихо, что въ Петербургѣ теряли уже всякую надежду увидѣть его когда-нибудь; императрица безпрестанно [3]) спрашивала у его друга, Фальконэ, извѣстій о путешествіи Дидро. „Ваше величество говорите мнѣ—пишетъ Фальконэ императрицѣ—что не слышите болѣе ничего о путешествіи Дидро; я тоже ничего объ этомъ не слышу, и съ нѣкотораго времени замѣчаю, что не долженъ болѣе вѣрить этому путешествію. Онъ уже не пишетъ въ Гагу, не пишетъ мнѣ; ломая себѣ голову, я пришелъ къ заключенію, что всѣ эти розсказни не болѣе, какъ химеры, ни поводы, ни причины которыхъ мнѣ неизвѣстны, но все таки это однѣ сказки или же я сильно ошибаюсь" [4]). Между тѣмъ, путешествіе Дидро замедлилось и вслѣдствіе его болѣзни. Во время переѣзда изъ Гаги въ Петербургъ Дидро прихворнулъ два раза—въ Дуисбургѣ (54) и въ Нарвѣ, оба раза разстройст-

---

[1]) Сборникъ, XVII, 191. [2]) Diderot, XIX, 344. [3]) Сборникъ, XVII, 190, 191, 195, 283; XIII, 358. [4]) Сборникъ, XVII, 190.

вомъ желудка [1]). Узнавъ о болѣзни Дидро, въ Петербургѣ рѣшили, что онъ, упустивъ благопріятное для путешествія время, вовсе уже не пріѣдетъ; императрица очень безпокоилась о дуисбургскомъ больномъ [2]); нѣкоторые полагали, что онъ умеръ въ Дуисбургѣ [3]). Всѣ эти предположенія вскорѣ прекратились: 28-го сентября (55) Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ.

Первые часы пребыванія Дидро въ Петербургѣ сопровождались большими для него непріятностями. Онъ въѣхалъ въ городъ больной, усталый съ дороги, и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ не зналъ, гдѣ найти пристанище. „Нарышкинъ (56) предложилъ моему отцу—разсказываетъ г-жа Вандэйль — остановиться въ его домѣ; но отецъ, полагая, что этимъ онъ оскорбилъ бы своего друга, рѣшился остановиться у Фальконэ. Онъ, дѣйствительно, подъѣхалъ къ дому, занимаемому скульпторомъ Фальконэ, и его, еще больного отъ воды и усталаго съ дороги, Фальконэ принялъ довольно холодно и объявилъ, что не можетъ помѣстить его въ своей квартирѣ, такъ какъ къ нему пріѣхалъ недавно сынъ [4]), который и занялъ постель, предназначавшуюся для Дидро. Мой отецъ, не рѣшавшійся остановиться въ гостинницѣ, такъ какъ онъ не зналъ еще ни нравовъ, ни обычаевъ страны, тотчасъ написалъ Нарышкину записочку, прося дать ему пристанище, если это не очень стѣснитъ его. Нарышкинъ тотчасъ же прислалъ за моимъ отцомъ карету и оставилъ его въ своемъ домѣ до самаго отъѣзда отца изъ Петербурга. Письмо, написанное отцомъ къ моей матери о пріемѣ, оказанномъ ему Фальконэ, нельзя читать безъ содроганія“ (57).

---

[1]) Прилож. III, 28: l'inflammation des entrailles. [2]) Сборникъ, X, 358; XVII, 283. [3]) Прилож. II, 7. [4]) Сборникъ, XVII, 295.

Зачѣмъ Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ?

Единственно и исключительно, чтобъ „лично поблагодарить“ Екатерину [1]) за ея щедрыя къ нему милости—за покупку библіотеки, за назначеніе библіотекаремъ, за уплату жалованья на пятьдесятъ лѣтъ впередъ, за выраженную готовность принять подъ свое покровительство печатаніе „Энциклопедіи“. „Къ этому путешествію меня обязывало чувство признательности“ [2]), говорилъ Дидро. Такъ понимали это и его друзья: „путешествіе Дидро въ Петербургъ—исполненіе долга, обязательнаго для него по многимъ соображеніямъ и сознаннаго его сердцемъ“ [3]). Никакой иной, особенно же корыстной цѣли, Дидро не имѣлъ и уже въ то время не могъ имѣть, будучи человѣкомъ до извѣстной степени обезпеченнымъ. Еще много лѣтъ предъ тѣмъ онъ отказался отъ поѣздки въ Петербургъ, когда такая поѣздка представляла большія матерьяльныя выгоды, и отказался не разъ: въ 1762 г., когда императрица приглашала его въ Петербургъ для окончанія „Энциклопедіи“, и въ 1767 г., когда она предполагала назначить его состоять при своей особѣ, въ качествѣ совѣтника [4]). Но и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ, и въ Берлинѣ, реакціонеры и суевѣры, враждебно настроенные противъ всей философской партіи, стали распускать различные слухи, выставлявшіе Дидро въ неблаговидномъ свѣтѣ, глумиться надъ „безкорыстіемъ“ его поѣздки, клеветать по поводу ея цѣлей. Въ этомъ отношеніи особенно отличался книгопродавческій кружокъ въ Парижѣ, откуда рас-

---

[1]) Remercier en personne Sa Majesté Impériale. Diderot, I, LI. [2]) Diderot, XIX, 344, 347, sqq. [3]) Сборникъ XVII, 195. [4]) Сборникъ, XVII, 4.

пространялись наиболѣе нелѣпыя и даже оскорбительныя обвиненія, находившія сочувственный откликъ не только въ Берлинѣ, но даже въ Петербургѣ, какъ среди иностранныхъ дипломатовъ, опасавшихся значенія, пріобрѣтеннаго имъ во мнѣніи императрицы, такъ и среди членовъ французской колоніи. „Большинство французовъ, проживающихъ въ Петербургѣ—пишетъ Дидро—ненавидятъ другъ друга, грызутся, за что всѣ ихъ презираютъ, а они порочатъ всю націю. Это просто сволочь, какую можно только себѣ представить" [1]). Эту же особенность подмѣтилъ, нѣсколько лѣтъ позже, и папскій нунцій при дворѣ Екатерины, Аркетти, среди католическаго духовенства (58). „Едва пріѣхалъ я въ Петербургъ—пишетъ Дидро матери—какъ негодяи изъ Парижа написали, а негодяи въ Петербургѣ повторяли, будто я, подъ предлогомъ благодарить императрицу за оказанныя ею мнѣ благодѣянія, пріѣхалъ вымаливать новыя милости. Это взбѣсило меня и я сказалъ себѣ: нужно зажать ротъ этой сволочи" [2]). Своимъ поведеніемъ въ Петербургѣ Дидро доказалъ, что главный и единственный мотивъ его поѣздки въ Петербургъ былъ тотъ, который указанъ имъ самимъ въ письмахъ къ близкимъ ему людямъ и категорически повторенъ его дочерью уже по его смерти: „лично благодарить ея императорское величество".

Петербургъ, какъ городъ, не произвелъ на Дидро никакого впечатлѣнія: ни въ письмахъ, ни въ замѣткахъ онъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о городѣ. Очевидно, послѣ Парижа и Гаги, Петербургъ не представлялъ для Дидро ничего особенно бросающагося въ

---

[1]) Прилож. III, 28. [2]) Id., 27.

глаза, заслуживающаго похвалы или порицанія. Альфіери, посѣтившій Петербургъ за три года до Дидро, пришолъ въ ужасъ отъ этого „азіатскаго лагеря, обстроеннаго вытянутыми въ рядъ лачужками“, отъ русскихъ— „варваровъ, замаскированныхъ европейцами“; онъ пришелъ въ такое негодованіе отъ Петербурга, что даже отказался отъ намѣренія ѣхать въ Москву [1]). Папскій нунцій Аркетти, напротивъ, пришелъ въ восторгъ отъ русской столицы: „Петербургъ — одинъ изъ наиболѣе красивыхъ, цвѣтущихъ и важныхъ городовъ Европы; его называютъ вторымъ Римомъ, выстроеннымъ въ сѣверной странѣ. И это справедливо, такъ какъ Петербургъ есть стольный градъ наиболѣе славной въ наше премя имперіи“ (59). Кажется, Дидро, вовсе умолчавшій о городѣ Петербургѣ, поступилъ благоразумнѣе и итальянскаго поэта, и папскаго нунція.

На другой же день по пріѣздѣ въ Петербургъ, Дидро былъ разбуженъ колокольнымъ звономъ и пушечной пальбой, возвѣщавшей о бракосочетаніи великаго князя Павла Петровича съ гессен-дармштадскою принцессою Вильгельминою, нареченною Наталіей Алексѣевной. Изъ Нарышкинскаго дома на Исаакіевской Площади онъ могъ видѣть торжественную процессію, прослѣдовавшую изъ дворца по перспективѣ въ казанскій соборъ; среди войскъ, разставленныхъ шпалерами, онъ могъ видѣть блестящій отрядъ конной гвардіи, рядъ придворныхъ каретъ съ высшими чинами имперіи, золотую карету императрицы, запряженную восемью конями, цугомъ, и конвоируемую кавалергардами; онъ слышалъ пушеч-

[1]) Mémoires d'Alfieri, ed. Barrière, XXVI, 119. Вяземскій, V, 207.

ную пальбу и церковный перезвонъ, неумолкавшіе весь день—но на все это, Дидро, какъ и подобало философу, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, къ крайнему огорченію льстиваго Гримма (60).

Двѣ недѣли, съ 29-го сентября по 12-е октября, длились празднества по случаю бракосочетанія. Народныя гулянья, придворные маскарады, парадные спектакли, балы, фейерверки и обѣды слѣдовали одни за другими; все было настроено на торжественный ладъ, все приняло праздничный видъ, среди котораго невольно обращала на себя вниманіе появлявшаяся иногда во дворцѣ, чаще во внутреннихъ покояхъ императрицы, фигура шестидесяти-лѣтняго старика, въ черномъ костюмѣ. „Онъ никогда даже и не думалъ о томъ—пишетъ дочь Дидро про своего отца—что во дворецъ нельзя являться въ томъ же костюмѣ, въ которомъ ходятъ въ чуланъ, и отправлялся къ императрицѣ весь въ черномъ (61). Императрица презентовала ему цвѣтной костюмъ“ [1]). И эта-то „фигура въ черномъ“ заняла во дворцѣ подобающее ей мѣсто еще во время торжествъ, въ первыя же двѣ недѣли своего пребыванія въ Петербургѣ. 15-го октября, отъѣздомъ ланграфини гессен-дармштадской, матери великой княгини, окончились свадебныя торжества, а еще наканунѣ, 14-го октября, генералъ-квартирмейстеръ Ф. В. Бауеръ писалъ графу Нессельроду въ Потсдамъ: „Дидро здѣсь, и всѣ относятся къ нему съ большимъ вниманіемъ. Жаль только, что здѣсь мало людей, которые могли бы дивиться подобнымъ личностямъ не только вслѣдствіе моды. Они считаютъ себя довольно уже учеными, если могутъ

---

[1]) Diderot, I, LIII.

сказать: „Дидро—человѣкъ ученый“; воспользоваться же его пребываніемъ, извлечь пользу изъ его знакомства съ ними не входить въ ихъ планы, за исключеніемъ, конечно, нашей великой женщины“ [1]).

О пріемѣ, оказанномъ Екатериною „полномочному посланнику энциклопедической республики“ [2]), сохранились извѣстія, единогласно подтверждающія отзывъ генерала Бауера. Въ офиціальной депешѣ французскаго посланника Дюрана къ своему правительству, отъ 27-го октября (6-го ноября) 1773 года, еще неизданной, говорится: „Императрица находитъ особенное удовольствіе въ бесѣдѣ съ Дидро. Она назначила часъ, въ который желала бы, чтобъ онъ являлся—послѣ обѣда ея величества. Бесѣды происходятъ безъ свидѣтелей и часто очень продолжительны“ (62). Вотъ что писалъ по этому поводу Дидро княгинѣ Дашковой въ Москву: „Да, я, дѣйствительно, въ Петербургѣ. Я имѣю счастіе бесѣдовать съ императрицею такъ часто, какъ я только могъ того желать; чаще, быть можетъ, чѣмъ я смѣлъ надѣяться. Я нашелъ императрицу такою, какою вы обрисовали мнѣ ее въ Парижѣ: это душа Брута съ чарами Клеопарты. Если она, какъ государыня, велика на тронѣ, ея прелести, какъ женщины, способны вскружить головы тысячамъ смертныхъ. Никто лучше ее не владѣетъ искуствомъ располагать въ свою пользу. Вы, конечно, не забыли, съ какою свободою вы позволяли мнѣ говорить съ вами въ Парижѣ, rue de Grenelle; ну, я пользуюсь такою же свободою во дворцѣ ея императорскаго величества. Мнѣ разрѣшено говорить все, что только придетъ въ голову“ [3]). Уже покинувъ Петер-

[1]) Сборникъ, XVII, 282. [2]) Вяземскій, V, 10. [3]) Прилож., III, 18.

*

бургъ, Дидро, въ письмѣ къ дѣвицѣ Волланъ, въ Парижъ, такъ вспоминаетъ о пріемѣ его императрицею: „Со мною обходились какъ съ представителемъ честныхъ и способныхъ людей моей земли. Отправляясь въ Петербургъ, я говорилъ себѣ: ты будешь представленъ императрицѣ, ты поблагодаришь ее; мѣсяцъ спустя, она, можетъ быть, пожелаетъ тебя видѣть, сдѣлаетъ тебѣ нѣсколько вопросовъ; еще мѣсяцъ спустя, ты пойдешь проститься съ нею, и возвратишься. Не согласитесь ли, друзья, что именно такъ все случилось бы при всякомъ другомъ дворѣ, кромѣ петербургскаго? Здѣсь, напротивъ, двери кабинета государыни открыты для меня во всѣ дни (63), съ трехъ часовъ пополудни до пяти, иногда и до шести часовъ. Я вхожу; меня сажаютъ, и я разговариваю также свободно, какъ съ вами. Выходя изъ кабинета императрицы, я долженъ сознаться предъ самимъ собою, что я имѣлъ душу раба въ такъ называемой землѣ свободныхъ людей и что я обрѣлъ въ себѣ душу свободнаго человѣка въ такъ называемой землѣ варваровъ“ [1]).

Въ кабинетѣ императрицы, въ бесѣдѣ съ Екатериною, Дидро чувствовалъ себя также свободно, какъ въ Парижѣ, rue de Grenelle, гдѣ останавливалась кн. Дашкова, или „въ синагогѣ de la rue Royale“, т. е. въ домѣ барона Гольбаха. „Дидро беретъ руку императрицы, трясетъ ее, бьетъ кулакомъ по столу; онъ обходится съ нею совершенно также, какъ съ нами“ [2]), пишетъ Гриммъ графу Несельроду отъ 2-го ноября 1773 года. Эта жестикуляція Дидро, составлявшая его слабость и придававшая вмѣстѣ съ тѣмъ особенную прелесть его бесѣдѣ, забавляла Екатерину, которая справедливо видѣла

[1]) Прилож., III, 32. [2]) Id., II, 5.

въ ней признакъ искренности, причемъ, однако, Екатерина приняла мѣры, чтобы оградить себя и свои члены отъ не въ мѣру рѣзкихъ иногда проявленій жестикуляціи. „Вашъ Дидро—пишетъ Екатерина г-жѣ Жофренъ (64)—человѣкъ совсѣмъ необыкновенный: послѣ каждой бесѣды съ нимъ у меня бедра всегда помяты и черны; ужь я была вынуждена поставить столъ между имъ и мною, чтобы защитить себя и свои члены отъ его жестикуляціи". Простота обращенія была особенностью Екатерины. Также какъ съ Дидро обошлась она и съ Гриммомъ. „Садитесь, и потолкуемъ", сказала императрица Гримму въ первое же свиданіе. „Съ этого дня, пишетъ Гриммъ, государыня часто призывала меня въ свои покои по окончаніи карточной игры. Она сидѣла передъ столомъ за какимъ-нибудь рукодѣльемъ, приказывала мнѣ садиться насупротивъ ея и оставляла меня часовъ до десяти съ половиною или одиннадцати. Обыкновенно бесѣда наша, съ глазу на глазъ, продолжалась часа два или три, не прерываясь ни минуты" [1]).

Въ бесѣдахъ Екатерины съ Дидро проявилась другая черта, болѣе важная, чѣмъ простота обращенія. Дидро всегда умѣлъ „истину царямъ съ улыбкой говорить"; въ Петербургѣ же это было постановлено непремѣннымъ условіемъ бесѣдъ. Екатерина именно въ этомъ видѣла привлекательность сношеній съ Дидро. Еще задолго до прибытія его въ Петербургъ, она говорила уже, что „ея философъ" всегда „будетъ говорить правду" [2]). Въ письмѣ изъ Петербурга къ княгинѣ Дашковой, жившей тогда въ Москвѣ, Дидро пишетъ: „Могу увѣрить васъ самымъ положительнымъ образомъ, что

---

1) Сборникъ, II, 329, 331. 2) Id. XVII, 16.

ложь не входитъ въ кабинетъ ея императорскаго величества, когда тамъ бываетъ философъ“ [1]).

Какія же „правды“ входили въ кабинетъ ея величества вмѣстѣ съ философомъ? О чомъ Екатерина бесѣдовала съ Дидро? Что интересовало Дидро въ разговорахъ съ Екатериною?

Дидро не оставилъ описанія ни своего путешествія въ Россію, ни своего пребыванія въ Петербургѣ. Только по краткимъ извѣстіямъ, сохраненнымъ современниками, и по намекамъ въ письмахъ и депешахъ можемъ мы воспроизвесть болѣе или менѣе точно рядъ вопросовъ, фактовъ и предметовъ, обсуждавшихся во время бесѣдъ Екатерины съ Дидро. Эти бесѣды интересовали всѣхъ, иныхъ даже очень безпокоили; онѣ были главною причиною непріязни къ Дидро многихъ иностранныхъ дипломатовъ. Объ этихъ бесѣдахъ, какъ Германъ, въ своей „Исторіи русскаго государства“, такъ и Розенкранцъ, въ своей біографіи Дидро, упоминаютъ лишь въ общихъ чертахъ; въ Россіи же до настоящаго времени эти бесѣды не подвергались серьезному изслѣдованію. По имѣющимся въ настоящее время матеріаламъ можно не только опредѣлить довольно точно о чомъ бесѣдовала Екатерина съ Дидро, но и указать вопросы, которые не были затронуты во время этихъ бесѣдъ.

Въ Берлинѣ смотрѣли очень недружелюбно на поѣздку Дидро въ Петербургъ; симпатіи Екатерины II къ французскимъ философамъ не нравились прусскому двору. Пока эти симпатіи выражались только въ изліяніи щедрыхъ милостей съ одной стороны и печатныхъ восхваленій съ другой, онѣ были еще терпимы, тѣмъ

---

[1]) Прилож. III, 18.

болѣе, что и прусскій дворъ состоялъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ французскими философами; но личныя свиданія, къ тому же съ Дидро, представляли уже извѣстную опасность для взаимныхъ отношеній обоихъ дворовъ, какъ думали, по крайней мѣрѣ, въ Берлинѣ. Тамъ даже распустили было слухъ, будто французское правительство противодѣйствовало поѣздкѣ Дидро въ Петербургъ, между тѣмъ, какъ герцогъ д'Эгильйонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, прощаясь съ Дидро въ Парижѣ, сказалъ ему, что онъ не только согласенъ, но въ полной мѣрѣ одобряетъ эту поѣздку [1]).

Изъ переписки французскаго посланника при петербургскомъ дворѣ Дюрана съ герцогомъ д'Эгильйономъ, хранящейся во французскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, видно, что Дидро нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ Екатериною объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи и Франціи. Уже въ началѣ ноября, черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Дидро, Екатерина, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, „изъявляла сожалѣніе, что ей приписываютъ такія чувства ненависти, въ которыхъ она неповинна", и Дидро, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ Екатерины, полагалъ, что „взгляды императрицы на французскую политику настолько измѣнились, что уже не трудно будетъ придти къ соглашенію" [2]). Въ началѣ декабря, Екатерина, бесѣдуя съ Дидро, „раскаивалась, что отдалась Пруссіи".—„Вы не любите прусскаго короля", сказала она.—„Нѣтъ, отвѣчалъ Дидро, не люблю: это великій человѣкъ, но дурной король и дѣлатель фальшивой монеты". — „Я", замѣтила императрица,

---

[1]) Прилож., II, 14. [2]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 9 novembre 1773.

смѣясь, „принимала нѣкоторое участіе въ этой поддѣлкѣ монеты“ [1]). Въ концѣ декабря, Дидро рѣшился уже прямо изложить Екатеринѣ всю опасность для нея отъ союза съ Пруссіей и всю пользу французскаго союза. „Императрица не только не остановила Дидро, но своими жестами и замѣчаніями какъ бы поощряла его; она, въ свою очередь, обрисовала Дидро, сказавъ, что въ иныхъ случаяхъ ему сто лѣтъ, а въ другихъ нѣтъ и десяти“ [2]). Незадолго до отъѣзда Дидро изъ Петербурга, Екатерина, во время пріема, полушутя-полусерьезно упрекала Гримма, что онъ навязываетъ ей предубѣжденія противъ Франціи, и, обращаясь къ Дидро, сказала: „Можете ли вы указать мнѣ примѣръ, который убѣждалъ бы, что бываютъ люди злые по принципу?“ — „Я беру примѣръ, отвѣчалъ Дидро, изъ класса людей наиболѣе выдающихся: я назову во главѣ ихъ прусскаго короля“. — „А я васъ на этомъ остановлю“, сказала Екатерина безъ неудовольствія, и перемѣнила разговоръ [3]).

Само собою разумѣется, что подобныя бесѣды не могли сохраняться въ тайнѣ; онѣ сильно безпокоили прусскаго посланника графа Сольмса и не нравились графу Лобковичу, послу австрійскому. Не задолго до отъѣзда изъ Петербурга, Дидро разсказывалъ Екатеринѣ всѣ подходы, которые дѣлалъ чрезвычайный посланецъ Фридриха II, полковникъ графъ Гёрцъ, уговаривая Дидро посѣтить Берлинъ на обратномъ пути въ Парижъ;

---

[1]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 9 décembre 1773. [2]) Elle a peint Diderot, en disant qu'en certains points il avait cent ans, et qu'en d'autres il n'en avait pas dix. M. Durand au duc d'Aiguillon, 31 décembre 1773. [3]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 15 février 1774.

хотя изъ упрашиваній Гёрца было очевидно, что онъ дѣйствуетъ по приказу короля, Екатерина много смѣялась, узнавъ, что Дидро отказался отъ приглашенія [1]).

Несомнѣнные слѣды этихъ бесѣдъ о Пруссіи сохранились и въ письмахъ Дидро къ Екатеринѣ. „Не ошибайтесь, государыня — пишетъ онъ императрицѣ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга [2])—вы безконечно выше вашего героя. Вы обладаете всѣмъ его геніемъ, а у него нѣтъ вовсе вашей доброты. Потомство, которое будетъ говорить о васъ обоихъ, будетъ удивляться вамъ и восхвалять васъ безъ всякихъ ограниченій; а похвалы ему уже и теперь сопровождаются и ослабляются длиннымъ рядомъ н о. Еслибъ было извѣстно, въ какомъ мѣстѣ обрѣтается гнѣздо Фридриховъ, всякій добродѣтельный человѣкъ отправился бы туда, чтобъ разбить всѣ яйца, и поспѣшилъ бы развести Екатеринъ". Годъ спустя, Дидро опять касается того же вопроса, но уже съ другой стороны, и „позволяетъ себѣ сказать ея императорскому величеству, что она предубѣждена противъ Франціи" [3]).

Говорить о Пруссіи, говорить съ Екатериною, и именно въ 1773 году, значило говорить о раздѣлѣ Польши. Но въ личной бесѣдѣ нельзя уже выдавать себя за защитницу вѣротерпимости въ Польшѣ, и Екатерина, по свидѣтельству французскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, „упрекала себя, въ бесѣдѣ съ Дидро, за раздѣлъ Польши, предавалась мрачнымъ разсужденіямъ о томъ, что скажетъ о ней потомство, и выражала печаль, что Россія во всемъ этомъ дѣлѣ играла роль слуги Пруссіи" [4]).

---

[1]) Id., 29 janvier 1774. [2]) Прилож., III, 23. [3]) Id., III, 34.
[4]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 7 décembre 1773.

Этимп двумя вопросами — союзомъ съ Пруссіею и раздѣломъ Польши—ограничивались тѣ бесѣды Екатерины съ Дидро по вопросамъ внѣшней политики, о которыхъ сохранились несомнѣнныя указанія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что, говоря о внѣшней политикѣ, Дидро рѣзко нападалъ на внѣшнія войны Екатерины. Объ этомъ можно заключить изъ писемъ какъ Екатерины, такъ и Дидро. Въ письмѣ къ Вольтеру, писанному почти въ день смерти султана Мустафы III (65), Екатерина говоритъ: „Если Дидро и не жалуетъ Мустафу, то все же не хочетъ ему зла“ [1]), другими словами — Дидро былъ противъ русско-турецкой войны, бывшей тогда въ полномъ разгарѣ. Въ письмахъ же Дидро къ Екатеринѣ вопросъ поставленъ гораздо шире и для насъ гораздо важнѣе — рѣчь идетъ уже не о нежеланіи зла турецкому султану, а о желаніи добра Россіи. Такъ, въ письмѣ отъ 22-го сентября 1774 г., вслѣдъ за поздравленіемъ съ кучук-кайнарджійскимъ миромъ, Дидро прибавляетъ: „Возношу мольбы, чтобъ ваше величество занялись болѣе упроченіемъ мира, чѣмъ какимъ-либо другимъ дѣломъ. Пора вашему величеству окончательно покрыться славою, мотивы которой исходили бы отъ васъ одной и которою вы были бы обязаны только своему генію. Кровь тысячи враговъ не можетъ возвратить вамъ стоимость одной капли русской крови. Частые военные тріумфы составляютъ, безъ сомнѣнія, блестящія царствованія; но дѣлаютъ ли они ихъ счастливыми? Благодаря успѣхамъ разума, иныя добродѣтели, чѣмъ добродѣтели Александровъ и Цезарей, снискиваютъ наше удивленіе. Убѣдились, что гораздо слав-

---

[1]) Сборникъ, XIII, 377; Voltaire, LXXVIII, 281.

нѣе и гораздо отраднѣе образовывать людей, чѣмъ убивать ихъ. Ваше императорское величество позволитъ ли предложить вашему вниманію, что хорошіе реформаторы, всегда рѣдкіе, особенно рѣдки въ тѣхъ именно странахъ, гдѣ они наиболѣе необходимы, и что люди, способные измѣнить къ лучшему порядокъ вещей въ государствѣ, являются послѣ долгихъ промежутковъ“ [1]). Годъ спустя, Дидро возвращается къ тому же вопросу: „Теперь, когда Екатерина Вторая не нуждается болѣе въ военныхъ отличіяхъ, она позволитъ мнѣ пожелать ей мира, который продолжался бы во все ея царствованіе. Стяжавъ имя, даруемое побѣдой, да увѣнчается она другимъ именемъ, внушающимъ менѣе страха, производящимъ плоды болѣе прочные и болѣе отрадные, благословенные во всѣ вѣка—именемъ великой законодательницы. Вотъ вы рядомъ съ Цезаремъ, вашимъ другомъ, и нѣсколько выше Фридриха, вашего опаснаго сосѣда. Остается занять мѣсто рядомъ съ Ликургомъ или Солономъ; и ваше величество возсядете рядомъ съ ними. Это желаніе осмѣливается преподнести вамъ галло-русскій философъ къ настоящему новому году“ [2]). И еще черезъ годъ: „Давъ врагамъ доказательства своего могущества, да употребитъ ваше величество остальные годы своего царствованія на то, чтобъ дать подданнымъ своимъ доказательства своего милосердія, и всѣмъ государямъ, настоящимъ и будущимъ—образецъ въ великомъ искуствѣ царствованія“ [3]).

Вотъ, строго говоря, и всѣ вопросы внѣшней политики, о которыхъ велись бесѣды Екатерины съ Дидро и о которыхъ сохранились документальныя свидѣтель-

[1]) Прилож., III, 33. [2]) Id., 34, [3]) Id., 35.

ства. Прежде, впрочемъ, чѣмъ перейти къ вопросамъ внутренней политики, обсуждавшимся въ кабинетѣ ея величества при участіи философа, необходимо упомянуть о двухъ предметахъ—о запискѣ Рюльера и о новомъ изданіи „Энциклопедіи" — которые не относятся ни къ внѣшней, ни къ внутренней политикѣ, касаясь, однако, той и другой.

Переворотъ 28-го іюня 1762 года, вѣроятно, не былъ затрогиваемъ въ бесѣдахъ Екатерины съ Дидро; но о произведеніи Рюльера „Исторія революціи 1762 года въ Россіи", такъ интересовавшемъ Екатерину, она могла получить самыя подробныя свѣдѣнія именно отъ Дидро, который читалъ эту рукопись, первый извѣстилъ о ней императрицу и хлопоталъ, чтобы рукопись не была напечатана. Въ одно изъ первыхъ же свиданій „seul à seule" съ Дидро, Екатерина выразила желаніе имѣть копію съ этой рукописи. Когда же Дидро замѣтилъ, что добыть копію невозможно, Екатерина просила высказать ей откровенно свое мнѣніе о произведеніи Рюльера. „Это—сказалъ Дидро — прекрасно написанное произведеніе. Черезъ двѣсти лѣтъ, оно составитъ занимательную страничку исторіи. Я думаю, что авторъ шутя перемѣшалъ побасенки съ истиною, но то и другое такъ ловко переплетено и согласовано, что представляетъ нѣчто совершенно цѣльное. Если это и не исторія, то весьма правдоподобный и очень хорошій романъ. Что же касается лично васъ, государыня, то, если вы обращаете большое вниманіе на приличія и цѣломудріе, на эти поношенныя отрепья вашего пола, это произведеніе есть сатира на васъ; но если васъ болѣе интересуютъ великія цѣли, мужественныя и патріотическія идеи, то авторъ изображаетъ васъ вели-

кою государынею [1]). Вообще же, этимъ произведеніемъ авторъ дѣлаетъ вамъ болѣе чести, чѣмъ зла". — „Вы еще болѣе возбуждаете во мнѣ желаніе, замѣтила Екатерина, прочесть это произведеніе". Дидро передалъ этотъ разговоръ французскому посланнику Дюрану, который, сообщая объ этомъ герцогу д'Эгильйону, прибавилъ: „Ограничусь только указаніемъ на это желаніе имѣть копію съ произведенія г. Рюльера. Мнѣ извѣстно и отъ другихъ лицъ, что это желаніе императрицы очень велико" [2]). Другими словами: посланникъ находилъ весьма нелишнимъ, чтобъ министерство употребило свое офиціальное вліяніе къ исполненію желанія императрицы. Герцогъ д'Эгильйонъ такъ и понялъ эту приписку своего посла и, спустя мѣсяцъ, отвѣчалъ Дюрану: „Вы знаете, милостивый государь, что „Исторія революціи въ Россіи" составляетъ собственность ея автора и что король не имѣетъ никакого права на это произведеніе. По этому поводу меня увѣряютъ, что многія личности торговали уже рукопись у ея автора, желая, по порученію императрицы, купить это произведеніе. Я полагаю, что это единственное средство, какимъ императрица можетъ добыть рукопись. Вы употребите, поэтому, все ваше стараніе, чтобъ избѣжать всякаго даже намека на желаніе впутать въ это дѣло короля" [3]). Екатерина такъ и умерла, не читавъ „Исторіи революціи 1762 г. въ Россіи".

---

[1]) По пересказу русскихъ людей: «Si vous faites cas de grandes actions heroïques, votre rôle est très glorieux; mais si vous faites cas de vertus futiles, votre rôle n'est pas également beau» (Архивъ князя Воронцова, XXV, 460). [2]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 9 novemdre 1773. [3]) Le duc d'Aiguillon à M. Durand, 2 décembre 1773.

Вопросъ о новомъ изданіи „Энциклопедіи“ обсуждался долго, обсуждался подробно. Дидро съ любовью говорилъ о предпріятіи, на которое онъ потратилъ свои лучшія силы, которое доставило ему всемірную славу; Екатерина съ интересомъ слушала, какъ это великое предпріятіе много теряло отъ уступокъ, сдѣланныхъ въ пользу невѣждъ, ханжей и суевѣровъ. Еще изъ Парижа Дидро предлагалъ Екатеринѣ, вѣроятно, вскорѣ послѣ „мошеннической продѣлки“ книгопродавца Ле-Бретона, передѣлать „Энциклопедію“, причомъ „les articles de Russie“ могли бы быть вновь составлены [1]); теперь, при личномъ свиданіи, Дидро, конечно, возобновилъ бы самъ рѣчь объ „Энциклопедіи“, но Екатерина предупредила его: она напомнила ему о необходимости исправить всѣ статьи, искалѣченныя цензурою, вольною и невольною. Дидро, конечно, пришелъ въ восторгъ отъ предложенія императрицы. Въ бесѣдахъ съ нею, онъ передавалъ уже ей на словахъ то „посвященіе“ новаго изданія „русской императрицѣ“, которое онъ напишетъ, говорилъ, что для болѣе основательной редакціи статей о Россіи онъ пріѣдетъ еще разъ въ Петербургъ, лѣтъ черезъ пять или шесть. Относительно полезности и важности новаго изданія „Энциклопедіи“ оба собесѣдника, Дидро и Екатерина, были совершенно согласны; обсужденіе же матеріальной стороны предпріятія императрица поручила И. И. Бецкому, который долженъ былъ переговорить съ Дидро и представить ей свои соображенія.

Много времени потратилъ Дидро на переговоры съ „Сфинксомъ“, какъ Екатерина называла Бецкаго,

---

[1]) Voltaire, LXXVIII, 217.

но совершенно напрасно: нерѣшительный „генералъ“ все колебался. Изъ переговоровъ выяснилось, между прочимъ, что новое изданіе „Энциклопедіи“ потребуетъ 12-ти лѣтъ труда, которыя Дидро охотно соглашался посвятить „великому предпріятію“, и до 40,000 рублей, которые Бецкій находилъ тратой совершенно непроизводительной, несмотря даже на то, что доходъ отъ продажи изданія предназначался императрицею въ пользу воспитательнаго дома, которымъ онъ такъ интересовался. Въ такомъ положеніи были переговоры въ день отъѣзда Дидро изъ Петербурга. Въ прощальномъ письмѣ къ императрицѣ, отъ 11 февраля 1774 года, Дидро пишетъ: „Я надѣялся свидѣться съ вашимъ величествомъ не позже, какъ черезъ пять или шесть лѣтъ; но тотъ честный человѣкъ, который, рядомъ съ тысячью прекрасныхъ качествъ, обладаетъ недостаткомъ (если только это есть недостатокъ) безпрестанно колебаться между да и нѣтъ, не соглашается на это и мы оба обязаны ему благодарностью: ваше величество — за отказъ отъ подарка въ сорокъ тысячъ рублей, я—за то, что онъ возвращаетъ мнѣ предложеніе двѣнадцатилѣтняго труда. Энциклопедія не передѣлается и мое прелестное посвященіе останется въ моей головѣ, ибо нѣтъ никакого вѣроятія, чтобъ вашъ Сфинксъ и я, не сговорившіеся въ пять мѣсяцевъ, проведенные бокъ-о-бокъ, могли бы лучше сговориться на разстояніи восьмисотъ льё“ [1]).

Екатерина, вѣроятно, показала это письмо Бецкому; быть можетъ, выразила даже свое неудовольствіе по поводу дѣлаемыхъ имъ затрудненій изъ-за

---

[1]) Прилож., III, 23.

„какихъ-нибудь“ 40,000 рублей — по крайней мѣрѣ, черезъ мѣсяцъ, вскорѣ по прибытіи въ Гагу, Дидро получилъ уже отъ Бецкаго увѣдомленіе, что онъ согласенъ на новое изданіе „Энциклопедіи“. Вотъ, что писалъ поэтому поводу Дидро изъ Гаги, отъ 29-го марта (9-го апрѣля), своей матери въ Парижъ: „Я предлагалъ нѣкогда императрицѣ передѣлать для нея „Энциклопедію“; она сама завела теперь рѣчь объ этомъ проектѣ, который ей понравился, такъ какъ ее увлекаетъ все, что имѣетъ характеръ величія. Послѣ того, какъ мы обсудили съ нею все, что касается ея славы, она отослала меня къ одному изъ своихъ министровъ для переговоровъ о матерьяльной сторонѣ предпріятія. Все слажено между министромъ и мною; и въ ту минуту, какъ я тебѣ пишу, этотъ министръ поручилъ сказать мнѣ, что вскорѣ перешлетъ мнѣ средства для начатія дѣла. Средства эти будутъ весьма значительныя. Дѣло идетъ не менѣе какъ о сорока тысячахъ рублей или двухъ стахъ тысячахъ франковъ, съ которыхъ мы будемъ получать сейчасъ же проценты со всей суммы и потомъ съ части приблизительно въ теченіи шести лѣтъ, то есть около десяти тысячъ франковъ въ теченіи первыхъ пятнадцати мѣсяцовъ, пять тысячъ франковъ въ слѣдующіе пятнадцать мѣсяцовъ и т. д. На этотъ разъ, эта „Энциклопедія“ принесетъ мнѣ коечто и не причинитъ никакого огорченія, такъ какъ я буду работать для иностраннаго двора и подъ покровительствомъ государыни. Французское министерство увидитъ въ этомъ только славу и выгоду націи, и я употреблю послѣдніе годы моей жизни съ пользою для тебя и для дѣтей нашихъ“ [1]). Нерѣшительный Сфинксъ

[1]) Прилож., III, 27.

поставилъ, однако, нѣкоторыя условія, о которыхъ Дидро такъ писалъ професору академіи художествъ Клерку (66) въ Петербургъ: „Передайте, прошу васъ, генералу (Бецкому), что изъ трехъ его условій, труднѣе всего исполнить то, которымъ онъ налагаетъ на меня тяжолый долгъ говорить о немъ съ требуемою имъ экономіею. Мнѣ придется сдерживать себя обѣими руками. Впрочемъ, буду сообразоваться съ его намѣреніями. Что же касается статьи о правительствахъ, то было бы безуміемъ говорить дурно о правительствѣ той страны, въ которой предполагаешь провести остатокъ своей жизни, не говоря уже о томъ, что я добрый французъ, вовсе не недовольный, и что характеръ самого изданія допускаетъ лишь статьи общаго содержанія, какъ „монархія", „олигархія", „аристократія", „демократія" и т. п., по поводу которыхъ можно проповѣдывать все, что угодно, никого не оскорбляя и не компрометируя себя. Статьи же о религіяхъ—чисто историческія. Я поручу ихъ какому-нибудь доктору Сорбонны и присмотрю, чтобъ онъ не былъ ни безумнымъ, ни фанатикомъ, ни жестокимъ, ни глупымъ" [1]).

Послѣ этого прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ и дѣло ни мало не подвинулось впередъ. Потерявъ всякую надежду на соглашеніе съ Бецкимъ, Дидро началъ было уже подготовлять къ печати полное собраніе своихъ сочиненій, когда, въ началѣ іюня, получилъ изъ Петербурга радостную вѣсть, что „окончательно рѣшено" приступить къ новому изданію „Энциклопедіи". Сохранились два письма Дидро, отъ 15-го (4-го) іюня, въ Петербургъ, по поводу этой вѣсти. Первое письмо—доктору

[1]) Прилож., III, 26.

Клерку: „Какъ! правда! „Энциклопедія“—дѣло рѣшеное! Пожалуйста, докторъ, безъ неумѣстныхъ шутокъ; какъ! я значитъ не умру, не сдѣлавъ еще одного добраго дѣла и не передѣлавъ великаго произведенія: добраго дѣла—завѣщевая съ своей стороны лепту для учрежденія, устроеннаго на пользу человѣчества, великаго произведенія — согласуя его съ планомъ, по которому оно было проектировано; я не умру, не отомстивъ достойнымъ образомъ злобѣ моихъ враговъ; я не умру, не воздвигнувъ обелиска, на которомъ прочтется: *„въ честь русскихъ и ихъ государыни и на позоръ кому надлежитъ!»* я не умру, не начертавъ на землѣ слѣдовъ, которыхъ не уничтожитъ никакое время! Я убью на это послѣднія пятнадцать лѣтъ моей жизни; но, скажите, могу-ли я лучше употребить ихъ? Я собирался подготовлять полное изданіе своихъ произведеній, когда получилъ ваше письмо—я все бросилъ. Эти два предпріятія не могутъ идти рядомъ; займемся „Энциклопедіей“ и предоставимъ какой либо доброй душѣ собрать всѣ мои маранья, когда ужь меня не станетъ“ [1]. Въ тотъ же день Дидро написалъ второе письмо—И. И. Бецкому: „И такъ, генералъ, мы все таки будемъ энциклопедировать и я могу принять свои мѣры, сообразно съ вашими приказаніями. Это будетъ исполнено. Я всегда полагалъ, что вы вполнѣ убѣждены въ славѣ, которая послѣдуетъ для ея величества, но недостаточно въ пользѣ, которая получится для вашихъ учрежденій, и недоумѣвалъ, что вы предпримете по этому поводу. Не скрою отъ васъ, какъ мнѣ отрадно думать, что тѣ, которые ничего не щадили, чтобъ помѣшать мнѣ сдѣ-

[1]) Прилож., III, 31.

лать великое и прекрасное дѣло, будутъ пристыжены; какъ эти варвары, называющіе себя культурными по преимуществу, будутъ скрежетать зубами, когда я вручу вамъ наилучшую рукопись, которая когда либо существовала или будетъ существовать; какъ Россія предвосхититъ у нихъ честь созданія этой рукописи и имъ останется только позоръ ихъ прежнихъ преслѣдованій" [1]).

Спустя три мѣсяца, въ письмѣ къ Екатеринѣ, отъ 13-го сентября 1774 г., Дидро повторяетъ еще ту же самую увѣренность: „Письмомъ отъ 9-го мая этого года генералъ Бецкій объяснился вполнѣ опредѣлительно о передѣлкѣ „Энциклопедіи". Онъ сообщилъ мнѣ, что это—проектъ рѣшенный вашимъ величествомъ. Радуюсь этому. И такъ, я буду въ состояніи исправить глупости господина аббата Шаппа и г. кавалера Жокура, приноровить это произведеніе къ высотѣ первоначальнаго плана и замѣнить именемъ великой и достойной государыни имя низкаго министра, лишившаго меня свободы, чтобъ исторгнуть у меня знакъ уваженія, на который онъ не могъ разсчитывать по своему достоинству" [2]). На этомъ обрываются всѣ переговоры о новомъ изданіи „Энциклопедіи", которое такъ и не состоялось.

По вопросамъ внутренней политики, бесѣды Екатерины съ Дидро должны были ограничиваться общими разсужденіями, въ виду полнаго незнанія Россіи обоими собесѣдниками. О Дидро нечего и говорить; знала-ли Россію Екатерина? (67) Императрица Екатерина такъ много сдѣлала для Россіи относительно ея культуры и цивилизаціи, такъ много оставила намъ письменныхъ доказательствъ своей любви ко всему русскому, что

[1]) Прилож., III, 30. [2]) Id. 33.

*

подобный вопросъ можетъ показаться неумѣстнымъ; считаемъ, поэтому, необходимымъ напомнить, что рѣчь идетъ о 1773 годѣ. Могла-ли Екатерина знать въ это время Россію? Отъ какихъ людей, ее окружавшихъ, и изъ какихъ книгъ, изданныхъ въ Россіи, могла она почерпнуть эти свѣдѣнія? Не изъ собственныхъ-ли наблюденій? Послѣ Петра Великаго, Екатерина была первая государыня, предпринимавшая путешествія по Россіи: въ 1763 г. она ѣздила въ Ростовъ и Ярославль, въ 1764 г.—въ прибалтійскія окраины, до Рогервика, въ 1765 г.—плавала по Ладожскому каналу, въ 1767 г.—„путешествовала по Азіи", т. е. проѣхала по Волгѣ до Казани и изъ Симбирска возвратилась сухимъ путемъ. Конечно, во время путешествія можно многое видѣть, многому научиться, но для этого необходимо, прежде всего, не быть императрицей, не имѣть „въ своей свитѣ близко двухъ тысячъ человѣкъ всякаго званія" и путешествовать безъ „иноплеменниковъ", какъ Екатерина называла представителей иностранныхъ государствъ. Между тѣмъ, безъ этихъ условій Екатеринѣ „скучно таскаться въ дорогѣ", какъ писала она Панину изъ Балтійскаго Порта. Въ это время, повторяемъ, до 1773 года, Екатерина не отличалась особеннымъ знаніемъ строя русской жизни, настолько, что изъ путешествія своего по Волгѣ вынесла, между прочимъ, убѣжденіе, будто „правосудіе находится въ хорошемъ состояніи, правители и судьи ведутъ дѣло безкорыстно" [1])! Какъ бы ни было, но бесѣды Екатерины съ Дидро по внутреннимъ вопросамъ могли происходить только на почвѣ

[1]) Соловьевъ, XXVII, 64.

общихъ разсужденій, и въ этомъ отношеніи на Дидро имѣлъ большое вліяніе де-ла-Ривьеръ.

Де-ла-Ривьеръ былъ въ Петербургѣ ранѣе Дидро и ѣздилъ въ Россію по личной его рекомендаціи. Въ 1768 г. де-ла-Ривьеръ возвратился уже изъ Петербурга, гдѣ не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха ни среди русскихъ дѣятелей того времени, ни у самой императрицы; между тѣмъ, Дидро чрезвычайно высоко цѣнилъ государственныя познанія своего друга и, несмотря на полный неуспѣхъ его въ Петербургѣ, не измѣнилъ о немъ своего мнѣнія [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что Дидро и во время своего пребыванія въ Петербургѣ, какъ и въ Парижѣ, въ синагогѣ de la rue Royale, смотрѣлъ на факты, касающіеся Россіи, глазами де-ла-Ривьера, политическіе взгляды котораго онъ вполнѣ раздѣлялъ. Свои взгляды же на Россію де-ла-Ривьеръ высказалъ въ неизданномъ еще письмѣ къ аббату Рэйналю, автору знаменитой въ свое время „Исторіи Индій", надѣлавшей столько шума и такъ перепугавшей реакціонеровъ и суевѣровъ своимъ заступничествомъ за справедливость и человѣколюбіе. „Въ Россіи—пишетъ де-ла-Ривьеръ—необходимо все еще устраивать. Чтобъ выразиться лучше, слѣдовало бы сказать, что въ Россіи необходимо все уничтожить и вновь сдѣлать. Вы хорошо понимаете, что произволъ деспотизма, безусловное рабство и невѣжество не могли не насадить злоупотребленій всякаго рода, которыя пустили очень глубокіе корни, такъ какъ нѣтъ растенія столь плодовитаго, столь трудно искоренимаго, какъ злоупотребленія. Онѣ растутъ повсюду, гдѣ только невѣжество культивируетъ ихъ" [2]). Дидро,

[1]) Diderot, XVIII, 300. [2]) Прилож., I, 2.

конечно, былъ въ этомъ случаѣ вполнѣ согласенъ съ своимъ другомъ, но онъ пріѣхалъ въ Петербургъ пятью годами позже его; онъ хорошо зналъ, какъ былъ принятъ де-ла-Ривьеръ, высказывавшій подобные взгляды, и былъ остороженъ: Дидро не говорилъ съ императрицею ни о государственномъ строѣ Россіи вообще, ни даже о преобразованіяхъ, намѣченныхъ Екатериною въ ея „Наказѣ" коммисіи для составленія новаго уложенія. Объ этомъ мы имѣемъ теперь несомнѣнное свидѣтельство самой Екатерины. Года полтора спустя по смерти Дидро, въ ноябрѣ 1785 года, она писала Гримму [1]): „Въ каталогѣ библіотеки Дидро я нашла тетрадь, озаглавленную „Замѣтки на наказъ ея императорскаго величества депутатамъ для составленія законовъ". Это— сущій вздоръ (vrai babil), въ которомъ нѣтъ ни знанія обстоятельствъ, ни благоразумія, ни предусмотрительности. Еслибъ мой наказъ былъ во вкусѣ Дидро, онъ долженъ былъ бы перевернуть все вверхъ дномъ въ Россіи. Надо полагать, что Дидро составилъ эти замѣтки по возвращеніи изъ Петербурга (68), такъ какъ онъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ" (69) (car jamais il ne m'en a parlé).

По вопросу о крѣпостномъ правѣ, важнѣйшему изъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ, Дидро равнымъ образомъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ своего друга де-ла-Ривьера. Такъ непонравившійся Панину и всѣмъ русскимъ администраторамъ французскій экономистъ чрезвычайно вѣрно охарактеризовалъ финансово-экономическое значеніе крѣпостничества. Въ издаваемомъ нами письмѣ изъ Петербурга, отъ 4-го октября 1767 года [2]),

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 373. [2]) Прилож. I, 2.

де-ла-Ривьеръ пишетъ: „Культура земли находится вовсе не въ томъ положеніи, въ какомъ она могла бы и должна бы быть. Потребленіе всегда служитъ соотвѣтствующимъ указателемъ производительности; но какое же потребленіе возможно среди рабовъ, которые не смѣютъ ничего ни произвесть, ни выказать, что могло бы привлечь на себя взоры ихъ господина? По этой же причинѣ и замѣтенъ у рабовъ недостатокъ рогатаго скота; его даже очень мало, и къ тому же скотъ этотъ не лучшей породы. Если бы рабъ, которому господинъ его предоставилъ извѣстную часть земли для пропитанія, имѣлъ скотину, которой могъ бы позавидовать господинъ, то она тотчасъ была бы отнята у раба. Тоже самое происходитъ и съ жатвою, и вообще со всѣмъ, что можетъ быть названо достаткомъ. Вотъ почему между рабами распространенъ обычай прятать деньги, которыя они могутъ пріобрѣсти, и уже только поэтому деньги оказываются очень рѣдкими въ этой странѣ".

Эти взгляды де-ла-Ривьера на положеніе земледѣльцевъ въ Россіи, какъ на рабовъ (esclaves), раздѣлялись всѣми членами философской партіи, не исключая, конечно, и Дидро. Какъ въ 1771 году, въ Парижѣ, въ разговорахъ съ княгинею Дашковою (70), такъ и въ 1773 году, въ Петербургѣ, въ бесѣдахъ съ императрицею Екатериною, Дидро старался уяснить себѣ положеніе крѣпостныхъ въ Россіи. Согласно со взглядами де-ла-Ривьера, Дидро связывалъ съ этимъ вопросомъ рядъ другихъ, изъ него непосредственно вытекающихъ, экономическихъ вопросовъ—о воздѣлываніи и производительности земли, о ея цѣнности и т. п.

Дидро спрашивалъ: „Каковы условія между господиномъ и рабомъ относительно воздѣлыванія земли?"

Екатерина отвѣчала: „Существуетъ законъ Петра Великаго, воспрещающій называть рабами крѣпостныхъ людей дворянства. Въ древнее время всѣ обитатели Россіи были свободны. По своему происхожденію, они состояли изъ людей двухъ родовъ: изъ происходившихъ отъ пастушескихъ племенъ и отъ взятыхъ въ плѣнъ во время войны этими племенами. По смерти царя Ивана Васильевича, сынъ его, Ѳедоръ Ивановичъ, особымъ распоряженіемъ, привязалъ или прикрѣпилъ всякаго крестьянина къ той землѣ, которую онъ воздѣлывалъ и которою владѣлъ другой. Не существуетъ никакихъ условій между землевладѣльцами и подчиненными имъ людьми (sujets); но всякій помѣщикъ (maître), имѣющій здравый смыслъ, не требуя слишкомъ многаго, бережетъ корову, чтобъ доить ее по своему желанію, не изнуряя ее. Когда что либо не предусмотрѣно закономъ, тотчасъ же его замѣняетъ законъ естественный и часто отъ этого дѣла идутъ вовсе не хуже, потому что они, по крайней мѣрѣ, устраиваются совершенно естественно, сообразно существу дѣлъ“ [1]).

Дидро спрашивалъ: „Рабство земледѣльцовъ не вліяетъ-ли на культуру земли? Отсутствіе собственности у крестьянъ не ведетъ-ли къ дурнымъ послѣдствіямъ?“ Екатерина отвѣчала: „Я не знаю, есть-ли страна, гдѣ земледѣлецъ болѣе любилъ-бы землю и свой домашній очагъ, чѣмъ въ Россіи. Наши свободныя провинціи вовсе не имѣютъ болѣе хлѣба, чѣтъ провинціи несвободныя. Каждое состояніе имѣетъ свои недостатки, свои пороки и свои неудобства“ [2]).

---

[1]) Русскій Архивъ, 1880, III, 6. [2]) Id. 7.

Читая въ настоящее время эти отвѣты, можно не только удивляться смѣлости Екатерины, рѣшившейся вырисовывать черное бѣлымъ, но и быть увѣреннымъ, что подобные отвѣты вовсе не представлялись убѣдительными для Дидро. Укоръ за слово рабъ (eslave), примѣненное къ крѣпостному человѣку, Дидро могъ бы съ полнымъ основаніемъ не только отклонить отъ себя, но всецѣло отнести къ самой императрицѣ, которая въ своемъ „Наказѣ", столь ее прославившемъ, именно словомъ рабство характеризуетъ крѣпостное состояніе (71). Составленный Екатериною „Наказъ" былъ, какъ извѣстно, значительно искаженъ ею же приглашенными „разными персонами вельми разномыслящими"; но въ государственномъ архивѣ сохранились подлинныя рукописи тѣхъ именно мѣстъ, невошедшихъ въ печатный „Наказъ", въ которыхъ она сама крѣпостныхъ крестьянъ называетъ рабами (72). Сравненіе человѣка со скотомъ, равнымъ образомъ, не могло расположить гуманнѣйшаго изъ философовъ XVIII столѣтія въ пользу аргументаціи Екатерины, еслибъ даже Дидро и не были извѣстны факты, опровергавшіе доводы императрицы. Именно въ 1773 году, когда Екатерина, перефразируя кн. Дашкову, такъ парадоксально утверждала, что всякій помѣщикъ „ménage la vache pour la traire plus à son aise", дворянка Марина убила свою крѣпостную, капитанъ Турбанъ—свою дѣвушку, помѣщики Савины—крестьянина, капитанша Кашинцева нанесла „несносное тѣлесное наказаніе„ своей служанкѣ, отъ котораго та повѣсилась, унтеръ-шахмейстерша Гордѣева до смерти заморила свою служанку, генералъ-маіорша Эттингеръ забила до смерти крестьянина, надъ генералъ-майоршей Храповицкой учреждена опека за дурное

обращеніе съ своими крѣпостными[1]) и т. п. Конечно, Дидро могъ и не знать подобныхъ фактовъ, но Екатерина, постановлявшая свои рѣшенія по всѣмъ этимъ преступленіямъ, вытекавшимъ изъ взгляда на крестьянъ, какъ на скотовъ, знала, безъ сомнѣнія, причины, заставлявшія ее дѣлать завѣдомо-ложные отвѣты на вопросы Дидро, и эти причины вполнѣ оправдывали недовѣріе ея собесѣдника и подтверждали взгляды его друга де-ла-Ривьера. Даже въ печатномъ, очищенномъ „разными персонами вельми разномыслящими“, „Наказѣ“ встрѣчаются статьи, почти буквально повторяющія вышеприведенныя слова де-ла-Ривьера о закапываніи рабами денегъ и сокрытіи ими своихъ богатствъ (73). Съ улыбкою выслушивалъ Дидро увѣреніе Екатерины, будто однодворцы „живутъ въ полномъ довольствѣ; есть цѣлые уѣзды, гдѣ они не садятся за столъ безъ индѣйки; курица для нихъ слишкомъ обыкновенна“[2]). Екатерина умалчивала при этомъ, что были не только уѣзды, но цѣлыя области, гдѣ люди ѣли овесъ и сѣно, пихтовую и еловую кору, льняной куколь, конопляную избоину, нерѣдко съ примѣсью извести. Не только иностранные путешественники того времени, какъ Палласъ, Коксъ, Савва Текели, Георги, но и вполнѣ русскіе люди, какъ Озерецковскій, Рычковъ, Ломоносовъ, Радищевъ, Болотовъ, свидѣтельствовали правдивѣе Екатерины о положеніи русскихъ „пейзановъ“.

Коснувшись земледѣлія, Дидро ставилъ рядъ вопросовъ, съ нимъ связанныхъ — о зерновомъ хлѣбѣ, о винодѣліи, лѣсѣ и скотѣ, шерсти и шелкѣ. Екатерина затруднялась отвѣчать немедленно на довольно специ-

[1]) Соловьевъ, XXIX, 135 sqq. [2]) Русскій Архивъ, 1880, III, 3.

альные уже вопросы и просила Дидро представить ей на бумагѣ всѣ вопросы, по которымъ онъ желалъ бы имѣть свѣдѣнія или только разъясненія. Дидро представилъ 88 вопросовъ, касавшихся населенія, землевладѣнія и земледѣлія, производства и торговли зерновымъ хлѣбомъ, виномъ и водкой, масломъ, коноплей и льномъ, табакомъ, лѣсомъ, смолой, дегтемъ и варомъ, ревенемъ, рогатымъ скотомъ, лошадьми, шерстью, шелкомъ, медомъ и воскомъ, мѣхами и кожами (74). Мы привели уже образчики отвѣтовъ Екатерины—они несерьезны и дѣланы, очевидно, съ заднею цѣлью. И въ этомъ, однако, случаѣ, императрицу не покидало остроуміе и веселость, которыя она проявляла во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Дидро спрашивалъ, напримѣръ, какими пошлинами обложено вино, выдѣлываемое изъ русскаго винограда; Екатерина отвѣчала: „Даже аббатъ Террайль (75) затруднился бы обложить пошлиною вещь не существующую“. Дидро спрашивалъ, существуютъ-ли въ Россіи ветеринарныя школы, Екатерина отвѣчала: „Богъ хранитъ насъ отъ нихъ“ [1]). Но на 28 вопросовъ императрица ничего не могла отвѣтить, причомъ или просто отмѣчала, что она этого не знаетъ (je n'en sais rien), или рекомендовала Дидро обратиться за подобными свѣдѣніями къ графу Миниху, „которому, по должности, имъ занимаемой (76), это извѣстно, какъ свои пять пальцевъ“ [2]). Письмомъ отъ 31 января 1774 г. Дидро проситъ графа Миниха сообщить ему свѣдѣнія по 40 вопросамъ [3]), указывая и цѣль подобнаго собиранія свѣдѣній о торгово-промышленномъ положеніи Россіи: онъ желаетъ удовлетворить любознательность своихъ

---

[1]) Id., 13. [2]) Id., 12. [3]) Прилож., III, 22.

соотечественниковъ, которые будутъ осаждать его всевозможными вопросами, и предполагаетъ издать свое путешествіе по Россіи, какъ о томъ можно догадываться изъ слѣдующаго мѣста письма: „Если вы писали (77) что либо объ управленіи политическомъ, гражданскомъ, военномъ и т. п., и если вы уважаете меня настолько, чтобы довѣрить ваши размышленія, клянусь, я вовсе не откажусь украсить себя вашимъ перомъ“ [1]).

Несравненно болѣе, чѣмъ торгово-промышленные вопросы, интересовали Екатерину бесѣды съ Дидро о воспитаніи и обученіи. Женщина умная, много читавшая, много жившая и передумавшая, Екатерина высоко ставила задачи домашняго воспитанія и общественнаго образованія. Еще будучи великою княгинею, она сознавала уже, что въ Россіи „домашнее воспитаніе есть ни что иное, какъ мутный ручей“ и съ грустью мечтала о томъ, „когда же онъ станетъ потокомъ“ [2]). Она съ ужасомъ вспоминала о крестьянскихъ дѣтяхъ, которые „бѣгаютъ нагіе, въ однѣхъ рубашкахъ, по снѣгу и льду“, и находила, что было бы весьма полезно учредить въ Россіи нѣчто въ родѣ сен-сирской школы (la maison royale de Saint-Cyr) для воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Едва ставъ императрицею, Екатерина приближаетъ къ себѣ И. И. Бецкаго, заслуги котораго въ дѣлѣ „народнаго просвѣщенія“ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, недостаточно еще цѣнятся даже академіею наукъ [3]).

Бецкій жилъ заграницею, гдѣ изучалъ устройство учебныхъ учрежденій разныхъ родовъ, и былъ первымъ русскимъ человѣкомъ, сознательно преданнымъ просвѣ-

---

[1]) Id. [2]) Сборникъ, VII, 86. [3]) Записки академіи наукъ, т. XLVII, № 2, стр. 33.

тительному западноевропейскому движенію. Другъ г-жи Жофрэнъ, уважаемый Вольтеромъ, Дидро, Гельвеціемъ, Бецкій много содѣйствовалъ образованію, прежде всего, самой Екатерины. „Послѣ обѣда—описываетъ Екатерина свой день г-жѣ Жофрэнъ—является гадкій генералъ (Бецкій) для образованія меня; онъ беретъ книгу, а я свое рукодѣлье. Наше чтеніе продолжается до пяти часовъ съ половиною“ [1]). При непосредственномъ содѣйствіи этого-то Бецкаго, императрица приводила въ исполненіе различные проекты и планы общеобразовательныхъ учрежденій. Вліяніе Бецкаго видно уже въ тѣхъ общихъ воззрѣніяхъ на воспитаніе, которыя выражены въ девяти статьяхъ XII главы „Наказа“; во время прибыванія Дидро въ Петербургѣ, печаталось уже второе изданіе [2]) „Учрежденій и уставовъ, касающихся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола“ (воспитательнаго дома, вдовьей ссудной и сохранной казны, комерческаго училища, академіи художествъ, смольнаго института, кадетскаго корпуса и генеральнаго учрежденія о воспитаніи), созданныхъ Екатериною по мысли Бецкаго.

Ознакомившись лишь съ тѣми изъ этихъ учрежденій, которыя находились въ Петербургѣ, Дидро пришелъ въ восторгъ и, по своей экспансивной натурѣ, сталъ всѣмъ ихъ расхваливать. Онъ требовалъ отъ иностранцевъ, чтобъ они знакомились съ этими учрежденіями; онъ находилъ необходимымъ познакомить съ ними Европу и предлагалъ императрицѣ свое содѣйствіе.

---

[1]) Le vilain General. Сборникъ, I, 261. [2]) Въ удовольствіе общества собраны и новымъ тисненіемъ изданы. Въ Санктпетербургѣ 1774 года.

Екатеринѣ, конечно, понравилась эта мысль; ее плѣняла перспектива новыхъ восторженныхъ похвалъ, которыя будутъ расточаться ей на Западѣ, какъ воспитательницѣ русской націи. Немедленно докторъ Клеркъ, профессоръ академіи художествъ, засѣлъ за переводъ обоихъ томовъ на французскій языкъ, и Дидро, уѣзжая изъ Петербурга, взялъ съ собою эти переводы, чтобъ издать ихъ заграницею. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Гагу, Дидро пишетъ своей матери, отъ 9-го апрѣля 1774 года: „Ея императорское величество поручила мнѣ издать здѣсь уставы большаго числа заведеній, основанныхъ ею на благо своихъ подданныхъ, и я долженъ это выполнить. Если голландскій книгопродавецъ окажется арабъ, какимъ онъ имѣетъ обыкновеніе быть, то я вскорѣ уѣду въ Парижъ; если же я прійду къ какому-нибудь разумному соглашенію съ нимъ, то останусь здѣсь“ [1]). Въ Гагѣ нашелся книгопродавецъ „не арабъ и не жидъ“, извѣстный Маркъ-Мишель Рэй, и уже черезъ два мѣсяца печатаніе подвинулось значительно впередъ. Дидро пишетъ Бецкому, отъ 9-го іюня: „Голландскій типографщикъ закусилъ, наконецъ, удила и бѣжитъ такъ, какъ только можно требовать отъ старой клячи съ запаломъ. Почти половина изданія готова. Это будетъ имѣть успѣхъ, и большой, я отвѣчаю вамъ за это. Мы дѣлаемъ сразу два изданія: одно въ четверку, со всѣми типографскими украшеніями, другое въ восьмушку или въ двѣнадцатую долю листа, простое, которое всякій любитель въ состояніи будетъ пріобрѣсть за недорогую цѣну“ [2]). Въ ноябрѣ все изданіе было уже окончено [3]), но лишь въ началѣ 1775 года посту-

---

[1]) Прилож., III, 27. [2]) Id. 29. [3]) Björnstähl, III, 223.

пило въ продажу (78). По собственному признанію, Дидро при этомъ только исправлялъ французскій языкъ Клерка и держалъ коректуру (79). Такимъ образомъ, онъ хорошо изучилъ уставы всѣхъ заведеній, созданныхъ по плану Бецкаго. „Существованіе этихъ заведеній—пишетъ онъ императрицѣ—необходимо измѣнитъ многое въ имперіи, приготовитъ мужьямъ женъ и женамъ мужей, которые будутъ чувствовать преимущества хорошаго воспитанія, ими полученнаго, и захотятъ, чтобъ и дѣти ихъ были такъ же воспитаны, какъ они" [1]). Еще опредѣленнѣе выразился онъ въ печати, въ „прибавленіи издателя" (80), въ концѣ второго тома: „Когда эти учрежденія достигнутъ того совершенства, достичь котораго они способны и котораго многія изъ нихъ уже достигли, Россію будутъ посѣщать для изученія этихъ учрежденій, какъ нѣкогда посѣщали Египетъ, Лакедемонію и Критъ, но съ любопытствомъ, смѣю сказать, и болѣе основательнымъ, и лучше вознагражденнымъ [2]). Ссылаюсь на свидѣтельство многихъ иностранцевъ, которые, пріѣхавъ въ Петербургъ, относились сперва недовѣрчиво къ моимъ похваламъ, но, ознакомившись съ этими учрежденіями, превзошли даже меня въ восхваленіи ихъ" [3]). Еще до выпуска изданія въ свѣтъ, Дидро писалъ Екатеринѣ: „Планы и уставы вашихъ учрежденій уже напечатаны и вскорѣ появятся въ свѣтъ. Въ непродолжительномъ времени будетъ представлено одно изъ превосходнѣйшихъ и полезнѣйшихъ произведеній, которыя только существуютъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто умѣетъ взвѣшивать произведенія человѣческаго ума на вѣсахъ разума. Это произведеніе—ваше. Надѣюсь, что

---

[1]) Прилож., III, 24. [2]) Id. 33. [3]) Plans, II, 157.

вашему величеству понравится русская мудрость во французскомъ костюмѣ" [1]). Если вѣрить Дидро, французамъ „русская мудрость" очень понравилась: „наши французы, однако, не такъ легкомысленны, какъ ваше величество представляете ихъ себѣ, такъ какъ изображенiе вашихъ заведенiй и хъ уставы были приняты со всеобщимъ одобренiемъ" [2]).

Если Дидро говоритъ о возможномъ усовершенствованiи восхваляемыхъ имъ образовательныхъ заведенiй, значитъ онъ находилъ въ нихъ недостатки; какiе же именно? Изъ сохранившихся писемъ и документовъ этого не видно. По взглядамъ Дидро на образованiе, выраженнымъ въ статьяхъ, написанныхъ вскорѣ по возвращенiи изъ Петербурга, можно, однако, предполагать, что, въ бесѣдахъ съ Екатериною (81), Дидро указывалъ на многiе недостатки въ устройствѣ и преподаванiи въ низшихъ школахъ, гимназiяхъ и въ университетѣ, и не только указывалъ недостатки, но предлагалъ средства для устраненiя ихъ. Замѣчательно, что уже сто лѣтъ назадъ Дидро касался именно тѣхъ педагогическихъ вопросовъ, надъ которыми мы трудимся и по настоящее время, не разрѣшивъ еще ни одного изъ нихъ удовлетворительно. Дидро доказывалъ, между прочимъ, необходимость общеобязательнаго обученiя и возставалъ противъ увлеченiя мертвыми классическими языками.

„Низшiя школы — говорилъ Дидро Екатеринѣ — предназначаются вообще для всего народа, такъ какъ отъ перваго министра до послѣдняго мужика всякiй долженъ умѣть читать, писать и считать.

---

[1]) Прилож., III, 33. [2]) Id. 35.

Въ странахъ протестантскихъ нѣтъ ни одной деревушки, какъ бы бѣдна она ни была, въ которой не было бы школьнаго учителя, и нѣтъ ни одного деревенскаго жителя, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, который не умѣлъ бы читать, писать и немного считать. Я слышалъ иногда, что такое образованіе народа имѣетъ свои неудобства. Дворяне готорятъ, что обученіе мужика дѣлаетъ его требовательнымъ и сутяжливымъ; люди образованные говорятъ, что, благодаря обученію, всякій земледѣлецъ, не много разжившійся, не оставляетъ уже своего сына за сохой, а старается сдѣлать изъ него ученаго, теолога, или, по меньшей мѣрѣ, школьнаго учителя. Не буду останавливаться на жалобѣ дворянъ— она сводится просто къ увѣренности, что мужика, умѣющаго читать и писать, труднѣе притѣснить и обидѣть, чѣмъ человѣка темнаго. Что же касается втораго неудобства, то дѣло законодателя сдѣлать профессію земледѣльца настолько спокойною и уважаемою, чтобы ее не покидали. Во всякомъ положеніи есть свои выгоды и неудобства; дѣло государственныхъ людей уничтожить неудобства, сохранить выгоды. Но въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, выгоды значительно превосходятъ неудобства. Обязательное обученіе чтенію, письму и счету даетъ уму простолюдина первый складъ, благодѣтельныя послѣдствія котораго неисчислимы [1])".

Какъ и шесть лѣтъ предъ тѣмъ, въ „коммисіи объ училищахъ и призрѣнія требующихъ", доводы Дидро въ пользу обязательнаго обученія вызывали, вѣроятно,

[1]) Diderot, III, 418.

возраженія невѣждъ, основанныя, главнымъ образомъ, на бѣдности народа; по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени спустя, Дидро постарался отклонить это возраженіе слѣдующимъ положеніемъ: „Низшія школы должны быть открыты для всѣхъ дѣтей народа. Въ этихъ школахъ дѣтямъ должны предлагаться безмездно учителя, книжки и хлѣбъ: учителя, которые наставляютъ ихъ въ чтеніи, письмѣ и первыхъ правилахъ вѣроученія и ариѳметики; книжки, которыхъ они, быть можетъ, не были бы въ состояніи пріобрѣсти, и хлѣбъ, который давалъ бы законодателю право требовать отъ родителей, даже наиболѣе бѣдныхъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей въ школы [1])“.

Сто лѣтъ спустя послѣ того, какъ эти строки были впервые написаны, издатели „Полнаго собранія сочиненій Дидро“, прочтя его указаніе на „хлѣбъ“ въ школѣ для дѣтей школьнаго возраста, признали практическое значеніе даже для нашего времени этой простой мысли [2]); а мы, русскіе, для которыхъ Дидро писалъ эти мысли? Мы до сихъ поръ лишь повторяемъ съ безсильнымъ сожалѣніемъ: „И доселѣ мы не дошли до убѣжденія, что единственно вѣрное средство для всеобщаго образованія народа есть обязательность начальнаго обученія для всѣхъ.... Легко себѣ представить, какія благодѣтельныя послѣдствія имѣло бы принятіе правительствомъ, болѣе вѣка тому назадъ, начала обязательности ученія: теперь почти весь русскій народъ былъ бы грамотенъ, какъ германскій, и общій уровень образованности страны, вліяющій на все ея по-

---

[1]) Diderot, III, 520. [2]) C'est peut être là, en effet, une des nécessités de l'enseignement obligatoire. Id., note.

ложеніе, какъ духовное, такъ и экономическое, былъ бы гораздо выше“ [1]). Но если мы и сознаемъ всю правдивость краснорѣчія Дидро въ пользу обязательнаго обученія, то, къ сожалѣнію, все еще продолжаемъ упрямо возставать противъ столь же ясныхъ истинъ, высказанныхъ Дидро по поводу увлеченія классическими языками.

„Я конечно воздержусь — говорилъ Дидро Екатеринѣ—утверждать предъ вашимъ величествомъ, слѣдуетъ-ли ввести въ Россіи изученіе греческаго и латинскаго языковъ или же преподавать въ гимназіяхъ иныя познанія — вы знаете это лучше, чѣмъ покойный пасторъ Вагнеръ и даже лучше, чѣмъ г-жа Кардель, распространившая въ свое время свѣтъ вѣка. Позволю себѣ только замѣтить, что языкознаніе расширяется съ каждымъ днемъ и вскорѣ познаніе словъ будетъ возможно только въ ущербъ знанію предметовъ, а изученіе новѣйшихъ языковъ вытѣснитъ вскорѣ преподаваніе языковъ мертвыхъ“ [2]). Въ другой разъ Дидро развилъ предъ императрицей тотъ же взглядъ съ другой стороны. „Чрезвычайно важно знать — говорилъ онъ — вознаграждается-ли изученіемъ однихъ древнихъ языковъ то время, которое посвящается ихъ изученію, и нельзя-ли драгоцѣнныя шесть-семь лѣтъ юности употребить съ бо́льшею пользою. По существу-ли дѣла, или вслѣдствіе предразсудка, но мнѣ не вѣрится, чтобъ можно было обойтись безъ знанія классическаго міра. Классическая литература обладаетъ такою устойчивостью, привлекательностью, такою энергіею, кото-

---

[1]) «Записки» академіи наукъ, т. XLVII, стр. 74. [2]) Diderot, III, 422.

рыми всегда будутъ очаровываться сильные умы. Но я полагаю, что изученіе древнихъ языковъ могло бы быть значительно сокращено и возмѣщено пріобрѣтеніемъ болѣе полезныхъ знаній. Вообще, въ школахъ придаютъ слишкомъ большое значеніе изученію словъ (mots); пора замѣнить это изученіемъ вещей (choses). Я полагаю, что въ школахъ слѣдовало бы давать всѣ свѣдѣнія, необходимыя гражданину, отъ законодательства страны до техническихъ производствъ, которыя такъ улучшили жизнь общества“ [1]). Дидро не отвергалъ классическаго образованія; напротивъ, будучи самъ классикомъ, онъ ставилъ его чрезвычайно высоко: „безъ знанія греческаго и еще болѣе латинскаго языка, говорилъ Дидро, нельзя быть образованнымъ человѣкомъ“ [2]); но Дидро былъ противъ увлеченія классическими языками въ школьномъ дѣлѣ и находилъ, что, вмѣсто шести-семи первыхъ лѣтъ ученія, языкамъ слѣдуетъ посвящать годъ или полтора года въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. „Неужели можно искренно утверждать— говорилъ Дидро—что произведенія древнихъ прозаиковъ и поэтовъ, столь трудныя по языку и столь опасныя для нравственности, годятся для первыхъ уроковъ юношества? Неужели въ невинныя и чистыя руки юноши можно дать Теренція съ его соблазнительными картинами, Катулла, полнаго наивныхъ сальностей, или атеистическаго Лукреція? Пойметъ-ли ребенокъ письма Цицерона къ Аттику, Бруту, Цезарю, Катону, не зная ни государственныхъ учрежденій, ни нравовъ, ни обычаевъ, словомъ, не зная римской исторіи“? [3]).

Въ бесѣдахъ съ Екатериною Дидро нападалъ на сис-

---

[1]) Diderot, III, 421. [2]) Id., 473. [3]) Id., 484.

тему преподаванія въ школахъ не одних только древнихъ языковъ. По его собственнымъ словамъ, онъ „возставалъ противъ порядка преподаванія, освящоннаго опытомъ всѣхъ вѣковъ и народовъ“ [1]), всѣхъ учебныхъ предметовъ, не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ. Подобныя преобразованія не дѣлаются во время бесѣдъ, и Екатерина, давно уже озабоченная устройствомъ училищъ въ Россіи, поручила Дидро заняться, немедленно по возвращеніи въ Парижъ, изложеніемъ его мыслей по этому вопросу и начертаніемъ подробнаго плана учебной части. „Императрица — пишетъ Дидро своей матери—почтила меня множествомъ порученій, между которыми многія потребуютъ и всѣхъ моихъ способностей, и всего моего времени“ [2]). Дидро отнесся къ порученному ему дѣлу чрезвычайно добросовѣстно (82) и, черезъ годъ по выѣздѣ изъ Петербурга, переслалъ уже императрицѣ Екатеринѣ двѣ статьи: „Essai sur les études en Russie“ и „Plan d'une université pour le gouvernement de Russie“ (83). Въ первой статьѣ Дидро подробно излагаетъ германскую систему общественнаго образованія, указывая ея достоинства и недостатки; во второй—предлагаетъ планъ устройства учебной части на реальной основѣ. Замѣчательна судьба этихъ трудовъ Дидро: писанные для Россіи, они до настоящаго времени не подвергались у насъ даже серьезному обсужденію (84). Но, быть можетъ, они и не заслуживаютъ никакого вниманія? Напротивъ: французскіе учоные находятъ во взглядахъ Дидро на устройство учебной части много указаній полезныхъ и для нашего времени (85), а нѣмецкіе педагоги признаютъ, что Дидро

[1]) Id., 469. [2]) Прилож., III, 27.

не только вѣрно понялъ возрастающее значеніе техническаго образованія, но даже указалъ тотъ новый путь, по которому Россія должна слѣдовать въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія (86)!

Разговаривая съ Екатериною о постановкѣ учебнаго дѣла въ Россіи, Дидро указывалъ императрицѣ, что въ этомъ случаѣ дѣятельное сочувствіе общества и непосредственное участіе его представителей важнѣе всѣхъ регламентовъ и системъ. Онъ указывалъ ей на примѣръ Германіи, гдѣ школы находятся въ вѣдѣніи городскихъ магистратовъ и старшины города являются главными представителями городскихъ училищъ. Екатерина одобрила мысль Дидро и уже въ то время, за 12 еще лѣтъ, высказала рѣшимость даровать городамъ жалованную грамату, о чомъ Дидро записалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Если я вѣрно проникъ намѣренія императрицы, я долженъ думать, что ея величество предполагаетъ ввести въ городахъ своей имперіи муниципальную магистратуру, расширивъ и возвысивъ ея функціи. Прекрасное, заслуживающее полнаго одобренія намѣреніе, способное улучшить полицію! Одною изъ обязанностей выборныхъ старшинъ города будетъ предсѣдательствовать въ школахъ и заботиться о нихъ“ [1]).

Бесѣдовала Екатерина съ Дидро и о воспитаніи цесаревича, хотя въ это именно время великій князь Павелъ Петровичъ окончилъ уже свое образованіе и началъ самостоятельную жизнь. Дидро принималъ близкое участіе въ приглашеніи Д'Аламбера быть воспитателемъ сына Екатерины; въ числѣ лицъ, къ которымъ Екатерина предполагала обратиться, по отказѣ Д'Алам-

[1]) Diderot, III, 420.

бера, называли и Дидро. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Дидро не могъ не обратить вниманія на великаго князя и, ознакомившись съ положеніемъ дѣла, говорилъ императрицѣ: „Д'Аламберъ не былъ пригоденъ для воспитанія цесаревича; не Д'Аламбера, слѣдовало пригласить Гримма, моего друга Гримма" (87). Подобное заявленіе, столь уже несвоевременное, можетъ быть объяснено лишь замѣченными Дидро недостатками въ воспитаніи великаго князя (88). Во время пребыванія Дидро въ Петербургѣ, отношенія Екатерины къ Павлу Петровичу, всегда неискреннія [1]), вновь замутились (89), и Екатерина, въ разговорахъ съ Дидро, выражала, вѣроятно, сожалѣніе о томъ недавнемъ времени, когда она цѣлые мѣсяцы проводила въ Царскомъ Селѣ въ полномъ согласіи съ своимъ сыномъ, который „не оставлялъ ее ни на шагъ", сопровождая и во всѣхъ поѣздкахъ въ городъ (90). На эти разговоры намекаетъ Дидро въ своихъ замѣткахъ о „политическихъ принципахъ государей", писанныхъ въ Гагѣ, тотчасъ по возвращеніи изъ Петербурга: „Да не ѣздитъ никогда императрица въ Царское Село безъ своего сына, да никогда сынъ не возвращается безъ нее!" (91).

Наконецъ, самъ Дидро записалъ свой послѣдній разговоръ съ Екатериною, довольно подробно, въ письмѣ къ своей матери, изъ Гаги, отъ 9-го апрѣля 1774 года [2]). Вотъ въ какихъ выраженіяхъ передалъ онъ этотъ разговоръ:

«Едва я пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ негодяи стали писать изъ Парижа, а другіе негодяи распространять въ Петербургѣ, что, подъ предлогомъ благодарности за прежнія благодѣянія, я явился выпрашивать новыхъ; это оскорбило меня и я тотчасъ

---

[1]) Кобеко, 63, 71 и др. [2]) Прилож., III, 27.

же сказалъ себѣ: я долженъ зажать ротъ этой сволочи. Поэтому-то, откланиваясь ея императорскому величеству, я представилъ нѣчто въ родѣ прошенія [1]), въ которомъ говорилъ, что прошу ее убѣдительнѣйше, и даже подъ опасеніемъ запятнать мое сердце, не прибавлять ничего, такъ-таки ровно ничего, къ ея прежнимъ милостямъ. Какъ я и ожидалъ, она спросила меня о причинѣ такой просьбы. «Это — отвѣчалъ я — ради вашихъ подданныхъ и ради моихъ соотечественниковъ: ради вашихъ подданныхъ, которыхъ я не желалъ бы оставить въ томъ убѣжденіи, о которомъ они имѣли низость намекать мнѣ, будто не благодарность, а тайный разсчотъ на новыя выгоды побудилъ меня къ путешествію—я хочу разъубѣдить ихъ въ этомъ и необходимо, чтобъ ваше величество были столь добры поддержать меня; ради моихъ соотечественниковъ, предъ которыми я хочу сохранить полную свободу слова, чтобъ они, когда я буду говорить имъ правду о вашемъ величествѣ, не предполагали слышать голосъ благодарности, всегда подозрительный. Мнѣ будетъ гораздо пріятнѣе заслужить довѣріе, когда я стану превозносить ваши великія достоинства, чѣмъ имѣть болѣе денегъ». Она возразила мнѣ: «А вы богаты?» — Нѣтъ, государыня, сказалъ я; но я доволенъ, а это гораздо важнѣе. — «Что-жь мнѣ сдѣлать для васъ?» — Многое: во первыхъ, ея величество не пожелаетъ, вѣдь, отнять у меня два-три года жизни, которыми я ей же обязанъ, и уплатитъ расходы моего путешествія, пребыванія здѣсь и возвращенія, принявъ во вниманіе, что философъ не путешествуетъ знатнымъ бариномъ, на что она отвѣчала вопросомъ: «Сколько вы хотите?»—Полагаю, что полуторы тысячи будетъ довольно. — «Я дамъ вамъ три тысячи». Во вторыхъ, ваше величество дадите мнѣ какую-нибудь бездѣлку, цѣнную лишь потому, что она была въ вашемъ употребленіи.— «Я согласна, но скажите мнѣ, какую бездѣлку вы желаете?» Я отвѣчалъ: вашу чашку и ваше блюдечко. — Нѣтъ, это разобьется и васъ же опечалитъ; я подумаю о чомъ-нибудь другомъ. — Или рѣзной камень. — Она возразила: «У меня былъ

---

[1]) «Denis avait conclu un traité avec l'Impératrice qu'elle ne lui donnerait rien afin d'ôter à son voyage tout air d'interêt» (Прилож., II, 15).

одинъ только хорошій, да я отдала его князю Орлову». Я отвѣчалъ: Остается вытребовать у него.—«Я никогда не требую обратно того, что отдала». — Какъ, государыня, вы настолько совѣститесь съ друзьями?—Она улыбнулась. — Въ третьихъ, дать мнѣ одного изъ вашихъ служащихъ, который проводилъ бы меня и доставилъ здрава и невредима въ мой домъ или скорѣе въ Гагу, гдѣ я пробуду мѣсяца три ради служенія вашему величеству.—«Это будетъ сдѣлано». — Въ четвертыхъ, вы разрѣшите мнѣ прибѣгнуть къ вашему величеству въ томъ случаѣ, если я впаду въ разореніе, вслѣдствіе операцій правительства, или по какой-нибудь другой причинѣ. — На этотъ пунктъ она отвѣчала мнѣ: «Мой другъ (это ея слова), разсчитывайте на меня; вы найдете во мнѣ помощь во всякомъ случаѣ, во всякое время». Она прибавила: «Но вы, значитъ, вскорѣ уѣзжаете?»—Если ваше величество позволите.—«Да вмѣсто того, чтобъ уѣзжать, почему вамъ не выписать сюда свое семейство».—О, государыня, отвѣчалъ я, моя жена женщина престарѣлая и очень хворая, и съ нами живетъ ея сестра, которой близится уже восемдесятъ лѣтъ!—Она ничего на это не отвѣчала.—«Когда же вы ѣдете?»—Какъ только позволитъ погода.—«Такъ не прощайтесь же со мною: прощанье наводитъ грусть».

«Вотъ, голубушка, какъ болтаютъ съ императрицею Россіи и передаваемая мною бесѣда похожа на шестдесятъ другихъ, которыя ей предшествовали».

На этомъ обрываются всѣ несомнѣнно достовѣрныя свѣдѣнія объ этихъ „шестидесяти" бесѣдахъ Дидро съ Екатериною. Эти бесѣды „безъ свидѣтелей" возбудили многихъ противъ Дидро; по поводу этихъ бесѣдъ ходили различные слухи, даже слагались цѣлыя легенды.

Только одинъ изъ такихъ разсказовъ, не подтверждаемыхъ несомнѣнными доказательствами, можетъ показаться съ перваго раза довольно вѣроятнымъ. Такъ, разсказывали, что находясь однажды вечеромъ у императрицы, Дидро съ бурнымъ краснорѣчіемъ изобличалъ низость тѣхъ, которые льстятъ государямъ; для такихъ людей—сказалъ онъ—долженъ былъ бы суще-

ствовать болѣе мрачный и болѣе страшный адъ. „Скажите мнѣ, Дидро—прервала его Екатерина—что говорятъ въ Парижѣ о смерти моего мужа?" Вмѣсто того, чтобъ сказать ей всю правду, философъ сталъ разсыпаться въ самыхъ сладкихъ любезностяхъ. „Признайтесь же—сказала Екатерина—что если вы и не идете по тому пути, который ведетъ въ вашъ мрачный адъ, то вы, все-таки, очень не далеко отъ чистилища" [1]). Въ этомъ разсказѣ, однако, все невѣроятно: и вопросъ Екатерины о „смерти мужа", и отвѣтъ Дидро, составленный изъ „сладкихъ любезностей". Въ изданныхъ уже русскимъ историческимъ обществомъ бумагахъ Екатерины, обнимающихъ пять томовъ (92), только въ трехъ письмахъ Екатерина упоминаетъ о своемъ мужѣ и всегда въ формѣ крайне осторожной (93). Екатерина не любила разговаривать о Петрѣ Ѳедоровичѣ и ей не было нужды предлагать Дидро подобный вопросъ—она хорошо знала, что̀ говорили по этому поводу въ Парижѣ. Съ другой стороны, Дидро, хлопотавшій, по порученію императрицы, о произведеніи Рюльера, не имѣлъ ни надобности, ни возможности ограничиваться „сладкими любезностями". Намъ кажется, что весь разсказъ сочиненъ противниками Дидро, желавшими выставить его человѣкомъ „унизительно льстивымъ" [2]).

Въ депешѣ англійскаго посланника сэра Роберта Гуннинга графу Суффольку, отъ 12-го (23-го) ноября 1773 года, говорится: „Чрезвычайно конфеденціально и подъ условіемъ тайны графъ Панинъ сообщилъ мнѣ, что г. Дидро, пользуясь постояннымъ доступомъ къ императрицѣ, вру-

---

[1]) Морлей, 443. [2]) Сборникъ, XIX, 397.

чилъ ей, нѣсколько дней назадъ, бумагу, данную ему г. Дюраномъ и содержащую предложенія касательно условій мира съ турками—которыхъ французскій дворъ обязуется достигнуть, если его добрыя услуги будутъ приняты императрицею. Г. Дидро, извиняясь въ этомъ поступкѣ, совершенно выходящемъ изъ его сферы, объяснилъ, что не могъ отказаться отъ исполненія требованія французскаго посланника подъ опасеніемъ быть, по возвращеніи на родину, ввергнутымъ въ Бастилію. Ея величество, какъ сообщилъ мнѣ г. Панинъ, отвѣчала, что, въ виду этого соображенія, она извиняетъ неприличіе его поступка, но съ условіемъ, чтобъ онъ въ точности передалъ посланнику что сдѣлала она съ этой бумагой, причомъ императрица бросила бумагу въ огонь" [1]). Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что англійскій посланникъ совершенно точно передалъ своему правительству сообщеніе, сдѣланное ему графомъ Панинымъ и незаслуживающее никакого довѣрія. Мы пересмотрѣли всѣ депеши французскаго посланника Дюрана герцогу Д'Эгильйону за время пребыванія Дидро въ Петербургѣ, и въ нихъ ни словомъ не упомянуто о фактѣ, сообщенномъ графомъ Панинымъ, о чемъ, конечно посланникъ не могъ бы скрыть отъ своего правительства.

Характеръ отношеній Дюрана къ Дидро обрисовывается въ депешахъ довольно опредѣленно и вполнѣ обличаетъ нелѣпость этого разсказа гр. Панина. Депеша англійскаго посланника помѣчена 12-мъ ноября; между тѣмъ, 6-го ноября французскій посланникъ сообщалъ герцогу д'Эгильйону: „Я сказалъ г. Дидро чего я ожи-

[1]) Сборникъ, XIX, 383.

далъ бы отъ француза. Онъ обѣщалъ мнѣ уничтожить, если окажется возможнымъ, предубѣжденія императрицы противъ насъ и дать ей почувствовать, насколько ея слава могла бы пріобрѣсти блеска тѣснымъ союзомъ съ націею, болѣе, чѣмъ всякая другая, способною оцѣнить выдающіяся способности императрицы и придерживаться относительно ея благороднаго образа дѣйствій" (94). Черезъ три недѣли, въ депешѣ отъ 27-го ноября, Дюранъ сообщаетъ: „Ни Гримму, ни кому другому изъ лицъ, которыми пользуюсь для своихъ видовъ, я не повѣряю ничего такого, изъ чего они могли бы сдѣлать дурное употребленіе. Я сказалъ ему: „уничтожьте тѣ впечатлѣнія, которыя вы признаете ложными; покажите Россіи, что̀ мы можемъ сдѣлать для ея славы и для взаимной пользы". Этотъ видъ только довѣрія не можетъ намъ повредить, но можетъ ослабить намѣренія вредить" (95). Герцогъ д'Эгильйонъ вполнѣ одобрилъ такія отношенія посланника къ Дидро и въ депешѣ отъ 2-го декабря писалъ: „Увѣщанія, сдѣланныя вами г. Дидро, вполнѣ умѣстны; но я не знаю, можно-ли полагаться на его чувства настолько, чтобъ думать, что г. Дидро будетъ дѣйствовать сообразно тѣмъ принципамъ, о которыхъ вы ему напомнили: въ его недавно изданномъ сочиненіи встрѣчается мѣсто, по которому нельзя составить хорошаго мнѣнія о привязанности его къ родинѣ" [1]).

И этому-то Дидро крайне осторожный французскій посланникъ долженъ былъ довѣриться настолько, чтобъ въ конецъ скомпрометировать свое положеніе при петербургскомъ дворѣ! Наконецъ, упоминаніе о заточе-

---

[1]) Le duc d'Aiguillon à M. Durand, 2 décembre 1773.

ніи въ Бастилію обличаетъ вымышленность всего разсказа. Для какой же цѣли былъ онъ вымышленъ нестѣснявшимся вымыслами (96) графомъ Панинымъ? На это указываетъ одно мѣсто въ той же депешѣ англійскаго посланника (97): въ это время боролись двѣ партіи, Панина и Орлова, и Панинъ искалъ себѣ союзниковъ, старался расположить въ свою пользу всѣхъ, особенно же дипломатическій корпусъ, такъ какъ было предположеніе назначить его канцлеромъ [1]).

„По пріѣздѣ въ Петербургъ—сказано въ запискахъ Тьебо—Дидро не мало забавлялъ императрицу плодовитостью и пылкостью своего воображенія, богатствомъ и оригинальностью мыслей, также краснорѣчіемъ, смѣлостью и задоромъ, съ которыми онъ открыто проповѣдовалъ безбожіе. Тѣмъ не менѣе, кое-кто изъ придворныхъ сановниковъ, постарше другихъ лѣтами, поопытнѣе и помнительнѣе, представили вниманію государыни и убѣдили ее, что подобная проповѣдь могла бы принести опасныя послѣдствія, въ особенности при дворѣ, гдѣ многолюдная молодежь, предназначаемая къ высшимъ государственнымъ должностямъ, способна усвоить себѣ такое зловредное ученіе, болѣе увлекаясь юношескою воспріимчивостью, нежели слѣдуя умозаключительнымъ выводамъ. Тогда, говорятъ, императрица выразила желаніе, чтобы побудили Дидро къ молчанію о подобныхъ вопросахъ, но чтобы сдѣлали ему это внушеніе подъ рукою, т. е. безъ всякаго видимаго съ ея стороны участія и безъ принудительныхъ мѣръ. Вслѣдъ затѣмъ, однажды, вечеромъ, сказали французскому философу, что одинъ русскій мыслитель, ученый матема-

---

1) M. Durand au duc d'Aiguillon, 25 août 1773.

тикъ и почетный членъ академіи, предлагаетъ доказать ему бытіе Божіе посредствомъ алгебраической формулы, при всемъ дворѣ, и такъ какъ Дидро заявилъ, что будетъ очень радъ выслушать эти доводы, которымъ, однако, онъ заранѣе не вѣритъ, то назначили день и часъ для предстоящаго пренія. Въ условленное время, въ присутствіи всего придворнаго общества, гдѣ было много молодыхъ людей, русскій философъ съ важностью подошелъ къ французскому и возгласилъ, тономъ убѣжденія: „Милостивый государь, $\frac{a-l-b^n}{z}=x$; слѣдовательно, Богъ существуетъ; отвѣчайте же“. Дидро собрался было обличать несостоятельность и неприложимость этого доказательства, но чувствуя невольное смущеніе, обыкновенно ощущаемое въ тѣхъ случаяхъ, когда мы замѣчаемъ у другихъ намѣреніе посмѣяться на нашъ счотъ, не могъ избѣгнуть заготовленныхъ на этотъ случай шуточекъ“ [1]).

Этотъ же разсказъ, но въ иной формѣ, записанъ Карабановымъ: „Извѣстный Дидеротъ, бывъ въ Петербургѣ, имѣлъ съ Платономъ, тогдашнимъ учителемъ наслѣдника, разговоръ о вѣрованіи и началъ опровергать бытіе Бога. Нашъ первосвященникъ заткнулъ его уста, сказавши по латыни: „рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“ [2]).

Тьебо понимаетъ нелѣпость разсказа, недостойнаго ни важности предмета, ни положенія лицъ, которыя должны были принимать участіе въ „шуточкахъ“, и спѣшитъ прибавить: „я не ручаюсь за дѣйствительность или точность всѣхъ этихъ фактовъ, но на Сѣверѣ они

---

[1]) Русская Старина, XXIII, 576. [2]) Id., V, 768.

слыли достовѣрными, и я передалъ ихъ въ томъ видѣ, какъ самъ слышалъ". Карабановъ, записывая разсказъ „со словъ именитыхъ лицъ", искренно вѣритъ въ его правдивость.

Въ настоящее время, когда изданы всѣ сочиненія Дидро, утверждать, что Дидро вѣровалъ въ бытіе Бога, какъ мы вѣримъ, значило бы распространять такія же нелѣпости, какія распространяли Тьебо и Карабановъ. Равнымъ образомъ, теперь нельзя уже называть атеистомъ Дидро, который отвергалъ самый атеизмъ. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ произведеній, въ „Мысляхъ философскихъ", Дидро, тогда еще деистъ, хотя и дѣлавшій уже различіе „entre mon Dieu et celui des dévots", сожалѣетъ „истинныхъ атеистовъ, такъ какъ они лишены всякаго утѣшенія" [1]); но вскорѣ, пройдя чрезъ пантеистическую и натуралистическую философію [2]), онъ доказываетъ уже нелѣпость обвиненія въ атеизмѣ и повторяетъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Гольбахомъ: „Если бы подъ словомъ атеистъ вы разумѣли человѣка, непризнающаго существованія той силы, которая присуща матеріи и безъ которой невозможно представить себѣ природу, и если бы вы назвали эту движущую силу Богомъ, то слово атеистъ было бы однозначуще съ словомъ умалишенный" [3]). Но оставимъ нелѣпыя по существу обвиненія въ атеизмѣ; для насъ важнѣе то обстоятельство, что Дидро никогда въ этомъ отношеніи не насиловалъ ни чьей совѣсти и даже относился съ уваженіемъ къ предразсудкамъ другихъ. „Я знаю хан-

---

[1]) Je plains les vrais athées—toute consolation me semble morte pour eux. Pensées philosophiques, XXII. Diderot, I, 134. [2]) The Nineteenth Century, 1881, IV, 701. [3]) Морлей, 189.

жей, говоритъ Дидро; они способны только все заподозрѣвать и всѣхъ преслѣдовать. Я родился въ лонѣ римско-католической церкви и желаю умереть въ вѣрѣ моихъ отцовъ, которую я признаю хорошею настолько, насколько это возможно для человѣка, никогда не находившагося въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ божествомъ и не испытывавшаго чудесъ. Вотъ мое исповѣданіе вѣры; я почти увѣренъ, что ханжи будутъ имъ недовольны, хотя между ними нѣтъ, быть можетъ, ни одного, который былъ бы въ состояніи представить лучшее исповѣданіе"[1]). По отношенію къ Россіи, Дидро прямо говоритъ: „Ея императорское величество не раздѣляетъ взгляда Бэйля, который утверждаетъ, что общество атеистовъ можетъ быть устроено также хорошо, какъ общество деистовъ, и лучше, чѣмъ сборище изувѣровъ; она не думаетъ, какъ Плутархъ, что суевѣріе болѣе опасно по своимъ послѣдствіямъ и болѣе оскорбляетъ божество, чѣмъ безвѣріе; она не называетъ религію, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, суевѣріемъ, разрѣшаемымъ законами, а суевѣріе — религіею, законами запрещаемою; она полагаетъ, что страхъ загробныхъ наказаній имѣетъ большое вліяніе на дѣйствія людей, и что злодѣяніе, не останавливаемое висѣлицей, можетъ быть остановлено страхомъ наказанія въ будущей жизни. Несмотря на неисчислимыя бѣдствія, которыя принесли человѣчеству религіозныя мнѣнія, несмотря на неудобства системы, отдающей довѣрчивый народъ въ руки поповъ, всегда опасныхъ соперниковъ власти государственной, системы, которая навязываетъ государямъ духовнаго главу и установливаетъ законы болѣе тверды е

---

[1]) Diderot, I, 153.

и болѣе священные, чѣмъ ихъ собственные—она убѣждена, что сумма ежедневныхъ благъ, доставляемыхъ религіею всѣмъ слоямъ общества, превышаетъ сумму зла, производимаго между гражданами религіозными сектами, а между народами религіозною нетерпимостью, этимъ умоизступленіемъ, противъ котораго нѣтъ лекарства. И такъ, остается только сообразоваться со взглядами ея величества при обученіи ея подданныхъ, и объяснять имъ различіе двухъ естествъ, существованіе Бога, безсмертіе души и будущую жизнь, какъ предварительныя свѣдѣнія о нравственности" [1]).

Представляется, поэтому, совершенно невѣроятнымъ, чтобы Дидро, будучи въ Петербургѣ, „открыто проповѣдывалъ безбожіе" или „опровергалъ бытіе Божіе". Эта невѣроятность, столь противорѣчащая характеру Дидро, переходитъ въ невозможность, вслѣдствіе внѣшней обстановки, приданной обоимъ разсказамъ. По единогласному отзыву всѣхъ современниковъ, Дидро былъ не столько замѣчательный писатель, какъ краснорѣчивый собесѣдникъ [2]), неутомимый, по словамъ Екатерины въ диспутахъ [3]), котораго, конечно, не могли бы смутить ни лишенная смысла алгебраическая формула, ни текстъ изъ св. писанія. Менѣе всего можно было смутить Дидро алгебраической формулой: математика была его любимымъ занятіемъ, его gagne-pain, такъ какъ онъ не только давалъ уроки математики, но и писалъ по математическимъ вопросамъ (98). Не болѣе удаченъ и выборъ Платона въ собесѣдники Дидро. Платонъ,

---

[1]) Diderot, III, 490. [2]) Mormontel, ed. Barrière, V, 315; Correspondance littéraire, XIII, 207; D'Escherny, Melanges de littérature, II, 98; Морлей, 29. [3]) Сборникъ, XXIII, 33.

конечно, не осрамилъ бы себя аргументомъ, который приписываютъ ему „именитые люди“, но слабыя головы. Это былъ человѣкъ, получившій хорошее для своего времени образованіе, и, что въ данномъ случаѣ особенно важно, онъ, по словамъ своего ученика, великаго князя Павла Петровича, „поставлялъ за правило показывать всегда заключающихся въ святомъ писаніи уставовъ и бытій съ естественнымъ разумомъ согласованіе и утверждать оныя доводами здраваго человѣческаго разсужденія“ (99). Платону вовсе не къ лицу замѣнять „здравыя человѣческія разсужденія“ текстомъ св. писанія.

Какъ въ Россіи, такъ и за границей, ходило много нелѣпыхъ разсказовъ по поводу пребыванія Дидро въ Петербургѣ. Говорили, что Дидро былъ приглашенъ для того, чтобъ „развеселить императрицу, посредствомъ своей философіи, и притупить печальныя ея чувствованія“ (100); передавали, какъ фактъ неподлежащій сомнѣнію, что Екатерина, едва увидавъ Дидро, спѣшила отдѣлаться отъ него (101); приписывали Дидро такой отзывъ о русскомъ народѣ: „сія нація сгнила прежде нежели созрѣла“ (102), и т. п., всегда, однако, въ ущербъ или чести, или доброму имени Дидро. Нѣтъ надобности опровергать подобныя извѣстія. Всѣ эти нелѣпости объясняются революціоннымъ переворотомъ, причину котораго многіе усматривали, а иные усматриваютъ и въ настоящее время въ умственномъ движеніи, возбужденномъ философами прошлаго вѣка.

Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ больной. Невская вода дѣйствовала довольно вредно на его желудокъ[1]). Едва

[1]) J'ai eu deux fois la neva à Pétersbourg. La néva est la diarrhée que donnent les eaux de cette rivière. Прилож., III, 28.

оправившись, онъ, въ половинѣ ноября, вновь захворалъ и недѣли три не выходилъ изъ дому. Въ письмѣ къ вице-канцлеру князю Голицыну, которое помѣчено „днемъ св. Екатерины", 24-мъ ноября, Дидро говоритъ, что уже десять дней, какъ не выходитъ изъ дому, страдая желудкомъ [1]. „Ея Императорское величество была такъ добра, что предложила мнѣ нишу въ Царскомъ Селѣ, но эта ниша осталась безъ святаго" [2]. Въ половинѣ февраля, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Дидро опять прихворнулъ, на этотъ разъ довольно сильно — спазмами въ груди, которыя, впрочемъ, вскорѣ прошли [3]. Это и неудивительно: въ 1773 году, лѣто было дождливое, холодное, зима — вялая, безснѣжная, причемъ постоянно дули холодные вѣтры. Почти всѣ иностранцы, посѣтившіе Петербургъ по случаю бракосочетанія великаго князя, захворали: ландграфиня гессен-дармштадтская, ея дочери и вся свита переболѣли [4], Гриммъ схватилъ лихорадку [5], полковникъ графъ Гёрцъ, пріѣзжавшій съ поздравленіемъ отъ Фридриха II, простудился [6].

Екатерина приняла Дидро, какъ дорогаго гостя. Она подарила ему, кромѣ цвѣтного костюма, въ которомъ онъ могъ являться во дворецъ, дорогую шубу и муфту [7], приняла на свой счетъ всѣ расходы по содержанію его въ домѣ Нарышкина [8]. По желанію Екатерины, академія наукъ избрала Дидро своимъ членомъ [9], академія художествъ — почетнымъ вольнымъ общникомъ [10].

---

[1]) Прилож., III, 16. [2]) Id., II, 8. [3]) Прилож., II, 14; III, 27. [4]) Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 87. [5]) Прилож. II, 14. [6]) Id., II, 12. [7]) Id., II, 6. [8]) Прилож. III, 33. [9]) Прилож. II, 6. [10]) Мѣсяцесловъ, I. с.

*

Екатерина дивилась его глубокимъ познаніямъ, особенно же его смѣлому уму, плѣнялась его бесѣдой, признавала его человѣкомъ необыкновеннымъ. Вотъ что она писала Вольтеру отъ 27-го декабря 1773 года: „Дидро, здоровье котораго еще слабо, останется у насъ до февраля. Я вижусь съ нимъ очень часто и наши бесѣды нескончаемы. Не знаю, очень ли скучаетъ онъ въ Петербургѣ; что же касается меня, я бесѣдовала бы съ нимъ всю жизнь безъ скуки. Я нахожу у Дидро неистощимое воображеніе и ставлю его въ разрядъ самыхъ необыковенныхъ людей, которые когда-либо существовали“ [1]). Этому можно вѣрить: всѣ, кто зналъ Дидро, увлекались имъ; Екатерина, окруженная людьми и мало образованными, и непривычными работать мозгами въ такой мѣрѣ, какъ Дидро, увлеклась имъ до того, что уговаривала его остаться навсегда при ней, въ качествѣ совѣтника и помощника [2]). Съ своей стороны, Дидро искренно восхищался Екатериной. „Ахъ, друзья мои — пишетъ онъ изъ Гаги, отъ 15-го іюня 1773 года — какая государыня, что за необыкновенная женщина! Это душа Брута въ образѣ Клеопатры [3]) — мужество одного и прелести другой; невѣроятная твердость въ мысляхъ со всею обольстительностью и возможною легкостью въ выраженіи: любовь къ истинѣ, доведенная до высшей степени; полное знаніе дѣлъ своего государства“ [4]). Незнакомый съ Россіею или, что еще хуже въ данномъ случаѣ, знавшій Россію и русскіе порядки такими, какими ихъ рисовала ему Екате-

[1]) Сборникъ, XIII, 377. [2]) Прилож., III, 37. Ср. Сборникъ, XVII, 3. [3]) Прилож., III, 18. [4]) Прилож., III, 32. Вяземскій, V, 205.

рина, Дидро совершенно искренно говорилъ повсюду, что онъ „имѣлъ душу раба въ странѣ людей, которыхъ называютъ свободными, и обрѣлъ душу человѣка свободнаго въ странѣ людей, которыхъ называютъ рабами [1]“. Онъ говорилъ это императрицѣ въ глаза и она выслушивала его съ удовольствіемъ [2]; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не стѣсняясь говорилъ всѣмъ, что „идеи, будучи перенесены изъ Парижа въ Петербургъ, принимаютъ иной цвѣтъ [3]“, и громко заявлялъ всѣмъ, кто только желалъ слушать, что „подъ 60° широты блекнутъ идеи, цвѣтущія подъ 48°“ [4].

Обласканный императрицею, Дидро, конечно, былъ хорошо принятъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Еще не выѣзжая изъ Петербурга, Дидро писалъ въ прощальномъ письмѣ къ Екатеринѣ: „Не могу умолчать о безчисленныхъ любезностяхъ, оказанныхъ мнѣ почти всѣми вельможами вашего двора. Вездѣ, гдѣ я ни показывался, мнѣ воздавали гораздо болѣе, чѣмъ заслуживало мое скромное достоинство“ [5]. Года черезъ два, онъ пишетъ Екатеринѣ то же самое: „Русскіе вельможи сдѣлали мнѣ такой пріемъ въ Петербургѣ, за который я могу поблагодарить только тѣмъ, что никогда его не забуду“ [6]. Былъ ли этотъ пріемъ искрененъ? Полагаемъ, да. Чужестранецъ, никому не мѣшавшій и ни во что не вмѣшивавшійся, Дидро являлся въ петербургскомъ обществѣ гостемъ императрицы, чего уже было вполнѣ достаточно, чтобъ обезпечить ему тотъ хорошій пріемъ, о которомъ онъ говоритъ; какъ человѣкъ высоко-

---

[1] Прилож., III, 33. [2] Id., III, 34. [3] Id., III, 18. [4] Сборникъ, XVII, 282. [5] Прилож., III, 23. [6] Id., III, 35.

образованный, онъ не обращалъ вниманія на мелочи, на внѣшность, и вынесъ убѣжденіе, что его принимали даже лучше, чѣмъ онъ заслуживалъ. Между тѣмъ, по отзыву лицъ, высоко цѣнившихъ Дидро, его принимали въ петербургскомъ обществѣ довольно холодно. „Нашъ другъ Денисъ — пишетъ генералъ-квартирмейстеръ Ф. В. Бауеръ графу Нессельроду — живетъ здѣсь тихо, въ уединеніи, и меня особенно печалитъ, что заслуги чаще всего при полномъ свѣтѣ остаются въ тѣни. Не знаю, гдѣ искать причину этого. Быть можетъ, придаютъ особое значеніе внѣшности, не обращая вниманія на внутреннія достоинства и потому вводятся въ обманъ; быть можетъ, тѣ идеи, которыя подъ 48° широты находятся въ полномъ цвѣту, мерзнутъ подъ 60° или здѣсь недостаетъ теплоты, необходимой для воспріятія чувствованій. Гриммъ многое поразскажетъ вамъ по этому поводу“ (103). Намъ неизвѣстно, что разсказывалъ по этому поводу Гриммъ при свиданіи съ графомъ Нессельродомъ; но въ своихъ письмахъ Гриммъ подтверждаетъ именно первую догадку Бауера: „Дидро былъ здѣсь такимъ же чудакомъ, какъ и въ Парижѣ, и такъ какъ здѣсь вовсе не привыкли ни къ чему подобному, то онъ оказался еще болѣе страннымъ [1]“. Другими словами: судили и осуждали Дидро за его странности, шокировавшіе петербургское общество, воспитанное исключительно на внѣшнемъ лоскѣ.

У Дидро были недоброжелатели, но не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ и Берлинѣ. Одинъ изъ парижскихъ книгопродавцевъ, оскорбленный письмомъ Дидро, попавшимъ въ печать, распускалъ про него всевозмож-

[1]) Прилож., II, 13.

ныя нелѣпости, иногда даже оскорбительныя сплетни, которыя, впрочемъ, не доходили до Дидро [1]); въ Берлинѣ были недовольны Дидро за то, что онъ не желалъ посѣтить короля Фридриха II, о чемъ такъ много хлопотали въ Петербургѣ и посолъ графъ Сольмсъ, и полковникъ графъ Гёрцъ (104). Но все это ни мало не касалось петербургскаго общества. Наконецъ, если и принять за достовѣрное, что "Дидро встрѣтилъ со стороны Павла Петровича холодный пріемъ" (105), то ни положеніе великаго князя при дворѣ Екатерины, ни его отношенія къ петербургскому обществу не могутъ служить опроверженіемъ словъ Дидро о хорошемъ пріемѣ, оказанномъ ему русскими вельможами. Это подтверждается и связями Дидро съ сторонниками обѣихъ партій, боровшихся при дворѣ еще наканунѣ пріѣзда Дидро въ Петербургъ: Дидро жилъ въ домѣ Нарышкина, приверженца графа Орлова, и переписывался съ княгинею Дашковою, державшею сторону графа Панина [2]). Изъ Петербурга Дидро написалъ ей два письма, свидѣтельствующія о дружескихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между ними во все время пребыванія Дидро въ Петербургѣ [3]). Несомнѣнно, конечно, что въ Петербургѣ Дидро не сошелся ни съ однимъ изъ русскихъ выдававшихся въ то время дѣятелей такъ близко, какъ съ императрицей Екатериною или съ княгинею Дашковою. „Дидро не одержалъ здѣсь — пишетъ Гриммъ — ни одной побѣды, кромѣ какъ надъ императрицею, такъ какъ не всѣ, вѣдь, подобно ей, способны сживаться и уважать странности генія [4])". Гене-

[1]) Id. [2]) Записки М. А. Фонвизина, въ «Русской Старинѣ» 1884, апрѣль, стр. 60 sqq. [3]) Прилож., III, 18 и 20. [4]) Прилож., II, 10.

ралъ Бауеръ былъ совершенно правъ, сожалѣя по этому поводу не о Дидро, а о русскихъ (106), неумѣвшихъ пользоваться его знакомствомъ, отъ котораго, по мнѣнію Бауера, они могли только выиграть [1]).

Гость императрицы посѣтилъ, въ Петербургѣ, любимое учрежденіе Екатерины — Смольный институтъ. Люди, не обладающіе историческимъ пониманіемъ явленій, способны глумиться надъ заботами Екатерины II по созданію копіи съ „королевскаго дома Сэн-Сира"; они не въ состояніи оцѣнить всего значенія для русской культуры этого института, который вносилъ въ русскую семью болѣе мягкіе нравы. Дидро, незнакомый съ Россіею, чутьемъ понималъ необходимость для русскаго общества подобныхъ учрежденій и, конечно, рукоплескалъ „смѣлой" мысли Екатерины обратить театръ въ школу хорошихъ манеръ и добрыхъ нравовъ для дѣтей, видѣвшихъ дома нерѣдко только примѣры грубаго обращенія и темнаго невѣжества. Екатерина просила Дидро „начертать планъ двухъ характерныхъ комедій и устроить маленькій театръ для дѣтей" [2]); она разсказывала ему, полушутя-полусерьезно, какъ Вольтеръ все обѣщалъ ей написать „комедіи для дѣвицъ" и, за преклонностію лѣтъ, не исполнилъ своего обѣщанія. „Комедіи для молодыхъ дѣвицъ будутъ составлены — пишетъ Дидро Екатеринѣ — и притомъ прежде, чѣмъ я достигну преклонныхъ лѣтъ Вольтера" [3]). Въ настоящее время трудно сказать, какія именно изъ своихъ драматическихъ произведеній Дидро предназначалъ для Екатерины и можно лишь догадываться, что къ числу такихъ

---

[1]) Сборникъ, XVII 282. [2]) Прилож., III. 33. [3]) Id., 34.

относится планъ комедіи „Train du monde ou les moeurs honnêtes comme elles le sont“ [1]).

Посѣщалъ Дидро и другія общеобразовательныя учрежденія Петербурга; между прочимъ, и шляхетный кадетскій корпусъ, воспитанники котораго вовсе не предназначались исключительно для военной службы [2]). Корпусъ произвелъ на Дидро довольно сильное впечатлѣніе, судя потому, что Дидро вспомнилъ о немъ въ своемъ опроверженіи сочиненія Гельвеція „L'homme“ [3]). На замѣчанія Гельвеція, что „физическое воспитаніе пренебрежено почти у всѣхъ европейскихъ народовъ“, Дидро возражаетъ: „Физическое воспитаніе вовсе не пренебрежено въ Петербургѣ“ и ссылается на корпусъ.

Нерѣдко заходилъ Дидро и въ мастерскую Фальконэ, гдѣ стояла совсѣмъ уже готовая и ждала только отливки знаменитая конная статуя Петра В. Какъ ни глубоко огорчилъ Фальконэ своего друга, въ первый же моментъ его пріѣзда въ Петербургъ, Дидро, всегда справедливый и искренній, съ восторгомъ привѣтствовалъ великое произведеніе художника. Въ письмѣ отъ 5-го декабря 1773 года Дидро такъ описываетъ статую: „Конь колоссаленъ, но легокъ; онъ мощенъ и граціозенъ; его голова полна ума и жизни. Сколько я могъ судить, онъ исполненъ съ крайнею наблюдательностью, но глубоко изученныя подробности не вредятъ общему впечатлѣнію; все сдѣлано широко. Ни напряженія, ни труда не чувствуешь нигдѣ; подумаешь, что это работа одного дня... Герой сидитъ хорошо. Герой и конь сливаются

---

[1]) Diderot, VIII, 245. [2]) Сборникъ, XVII, 3. [3]) Refutation suivie de l'ouvrage d'Helvétius intitulé «L'Homme» (Diderot, II, 263—456) См. section X, chapitre IV (p. 451).

въ прекраснаго кентавра, человѣческая, мыслящая часть котораго составляетъ, по своему спокойствію, чудный контрастъ съ животною, вскрючивающеюся частью. Рука эта хорошо повелѣваетъ и покровительствуетъ; ликъ этотъ внушаетъ уваженіе и довѣріе; голова эта превосходнаго характера, она исполнена съ глубокимъ знаніемъ и возвышеннымъ чувствомъ; это чудесная вещь... Трудъ этотъ, какъ истинно прекрасное произведеніе, отличается тѣмъ, что съ перваго же взгляда кажется прекраснымъ; когда же смотришь его во второй, третій, четвертый разъ, оно представляется еще болѣе прекраснымъ. Покидаешь его съ сожалѣніемъ и всегда охотно къ нему возвращаешься" [1]).

28-го сентября (9-го октября) 1773 года Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ и, пробывъ почти пять мѣсяцевъ въ гостяхъ у Екатерины, 22-го февраля (5-го марта) 1774 года выѣхалъ изъ города [2]). „Екатерина приказала отпустить мнѣ англійскую карету, совершенно новую, въ которой я могъ и сидѣть, и лежать, какъ въ постели, и снабженную всѣмъ, относившимся до безопасности и удобства моего путешествія. Эта прелестная карета сломалась подъ Митавой, т. е. около двухсотъ тридцати лье отъ Петербурга" [3]). Кромѣ поломки экипажа подъ Митавой, обратное путешествіе ознаменовалось лишь боязнью Дидро ѣздить по льду—переѣздъ черезъ Двину, въ распутицу, не очень, какъ кажется, напугалъ его; по крайней мѣрѣ, онъ воспѣлъ этотъ переѣздъ въ стихотвореніи (108), отрывки котораго сообщилъ Екатеринѣ въ письмѣ изъ Гаги [4]). Согласно

[1]) Diderot, XVIII, 192; Сборникъ, XVII, XXXV. [2]) Прилож., III, 24. Ср. Сборникъ, XVII, XXXVII. [3]) Прилож., III, 27. [4]) Id., III, 24.

желанію Дидро, Екатерина дала ему проводника, „очень любезнаго и порядочнаго человѣка, умнаго и образованнаго“, который сопровождалъ его до Гаги. „Тысячу благодарностей вашему величеству — пишетъ Дидро Екатеринѣ на третій день по пріѣздѣ въ Гагу — за проводника, котораго вы соблаговолили избрать для меня. Это очень милый человѣкъ, очень любезный, весьма кроткій и весьма образованный человѣкъ, съ которымъ можно говорить объ исторіи, политикѣ, правленіи, законодательствѣ, поэзіи, что мы и дѣлали; съ нимъ можно также говорить много о любви и немножко о поэзіи. Онъ сказалъ мнѣ вчера: дорога показалась мнѣ такою короткою, что какъ-то не вѣрится, будто мы уже пріѣхали. Изъ этого ваше императорское величество можете заключить, что г. Балла (107) не изъ тѣхъ, которые скоро утомляются отъ постояннаго вниманія“ [1]). Вмѣсто полуторы тысячи, какъ желалъ Дидро, Екатерина дала ему 3,000 рублей на проѣздъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказала г. Балла уплачивать всѣ путевые издержки за ея счетъ [2]). „Кстати, по поводу честнаго слова—пишетъ Дидро Екатеринѣ изъ Гаги—Ваше величество поколебали нѣсколько довѣріе, которое я имѣлъ къ вашему слову. Вы не погнушались подписать договоръ, который нѣкій философъ осмѣлился предложить вамъ. И что же? этотъ договоръ былъ нарушенъ по всѣмъ пунктамъ, точь въ точь какъ бываетъ съ договорами между государями. Ахъ, еслибъ турки узнали объ этомъ! Въ этомъ договорѣ было сказано, что ея императорское величество возвратитъ этого философа подъ его кровъ такимъ, какимъ онъ былъ, когда выѣхалъ

---

[1]) Прилож., III, 24. [2]) Id., II, 14.

оттуда. Случилось совершенно противуположное. Онъ поѣхалъ, погостилъ, вернулся, не раскрывъ своего кошелька. Даже всѣ маленькіе убытки, которые онъ потерпѣлъ въ пути, были покрыты; весьма любезный и образованный проводникъ, котораго ему дали, смѣялся надъ его протестами. И вотъ, государыня, въ этомъ договорѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, ничего не оказалось священнаго, и сильнѣйшій, по обычаю, предписалъ свой законъ слабѣйшему" [1]).

Въ послѣднее свое свиданіе съ Дидро, Екатерина запретила ему прощаться съ нею, подъ тѣмъ предлогомъ, что „прощанье наводить грусть" [2]). За нѣсколько дней до отъѣзда, Дидро простился съ императрицею письмомъ. „Я возвращаюсь — писалъ онъ — осыпанный милостями вашего величества и полный удивленія къ вашимъ рѣдкимъ качествамъ. Всю мою жизнь буду почитать себя счастливымъ, что совершилъ путешествіе въ Петербургъ. Всю мою жизнь буду вспоминать я тѣ минуты, когда ваше величество забывали неизмѣримое разстояніе, насъ раздѣлявшее, и не пренебрегали снизойти ко мнѣ, чтобъ отъ меня самого скрыть мое ничтожество. Я горю желаніемъ сообщить это своимъ соотечественникамъ, и то удовольствіе, которое я уже предвкушаю, нѣсколько умѣряетъ горечь настоящей минуты" [3]). Это не были пустыя любезности: Дидро, дѣйствительно, былъ очарованъ Екатериной, которая оставила замѣтный слѣдъ въ его жизни. Благодаря Екатеринѣ, Дидро былъ обезпеченъ въ матерьяльномъ отношеніи; ему не нужно уже было ни бѣгать по уро-

---

[1]) Прилож., III, 33. [2]) Id., III, 27. [3]) Id., III, 23.

камъ, ни писать за деньги. Онъ получилъ фактическую увѣренность, что Екатерина, доставившая ему возможность „жить безъ работы", предоставитъ ему и средства „умереть спокойно" (109). По возвращеніи изъ Петербурга, „главнымъ предметомъ разговоровъ Дидро сдѣлалась Россія; онъ передавалъ свои русскія впечатлѣнія, сообщалъ массу интересныхъ анекдотовъ о Россіи" (110), и постоянно, до самой смерти, остался благодаренъ Екатеринѣ (111), стараясь выразить свою признательность то рекомендаціей лицъ, могущихъ, по его мнѣнію, быть полезными императрицѣ [1]), то набросками своихъ мыслей по поводу преобразованій, задуманныхъ Екатериною [2]), то, наконецъ, сближеніемъ съ русскими людьми, посѣщавшими Парижъ, причемъ ему приходилось иногда значительно измѣнять свои мнѣнія (112).

Очевидно, петербургское общество произвело на Дидро впечатлѣніе, источникъ и сила котораго заключались въ Екатеринѣ. Какое же впечатлѣніе оставилъ по себѣ Дидро въ петербургскомъ обществѣ?

Еще при жизни Дидро, слѣдовательно, до революціи, извратившей взглядъ на представителей философической партіи, Фонвизинъ, все-таки, одинъ изъ образованныхъ и, сравнительно, болѣе развитыхъ русскихъ людей, писалъ изъ Парижа, въ 1778 году: „Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостью. Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги и разница между шарла-

---

[1]) Прилож., III, 33 и 37. [2]) Id., 33 и 34.

таномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣное тщеславіе... Кромѣ Руссо видѣлъ я всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ авторовъ. Я въ нихъ столько же обманулся, какъ и во всей Франціи. Всѣ они, выключая весьма малое число, не только не заслуживаютъ почтенія, но достойны презрѣнія. Высокомѣріе, зависть и коварство составляютъ ихъ главный характеръ... Я видѣлъ уже три раза Вольтера. Изъ всѣхъ ученыхъ удивилъ меня Д'Аламбертъ. Я воображалъ лицо важное, почтенное, а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физіономію... Чуть ли Руссо не всѣхъ почтеннѣе и честнѣе изъ господъ философовъ нынѣшняго вѣка" [1]). Письма Фонвизина изъ заграничныхъ его путешествій вообще не свидѣтельствуютъ ни объ его умѣ, ни объ его наблюдательности; все же въ этихъ письмахъ, касающееся философовъ и авторовъ—просто нелѣпость, и князю П. А. Вяземскому не стоило большаго труда опровергнуть ее [2]). Тѣмъ не менѣе, Фонвизинъ былъ человѣкъ для своего времени выдающійся и по своимъ дарованіямъ, и по своимъ познаніямъ; его взглядъ на философовъ раздѣляло громадное большинство, какъ взглядъ чисто народный, русскій, приравнивавшій Парижъ къ Угличу [3]), и не мы, конечно, можемъ удивляться этому, видя, какъ, сто лѣтъ послѣ Фонвизина, невѣжество и отсталость имѣютъ успѣхъ въ качествѣ основъ народно-русскаго направленія. Въ послѣдніе же годы прошлаго вѣка, даже графъ П. С. Потемкинъ, нѣкогда съ

---

[1]) Фонвизинъ, ред. Ефремова, 1866, стр. 343, 438, 443, 447.
[2]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1880, т. V. [3]) Фонвизинъ, стр. 440.

восторгомъ переводившій французскихъ философовъ, находилъ, что „прахъ Вольтера, Руссо, Рейналя и Дидро заслуживаетъ всемірнаго проклятія“ [1]). Съ такимъ взглядомъ на философовъ вступило русское общество въ XIX-е столѣтіе. Грибоѣдовъ вѣрно подмѣтилъ это настроеніе и осмѣялъ его стихомъ:

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

Это настроеніе живо и до сихъ поръ: несмотря на насмѣшки Воейкова въ „Домѣ сумашедшихъ“ надъ „вредностью“ Дидерота (113), произведенія французскихъ философовъ прошлаго вѣка, въ томъ числѣ и Дидро, все еще признаются „вредными“ и находятся подъ запретомъ.

---

[1]) Русская Старина, V, 346.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПИСЬМА ДЕ-ЛА-РИВЬЕРА *).

(LETTRES INÉDITES DE M. DE LA RIVIÈRE).

1.

A M. Diderot, du 4 (15) octobre 1767.

Je n'ai rien de nouveau à vous mander, notre tres digne ami, sinon que nous sommes tous tres impatients de recevoir de vous nouvelles. Nous n'en avons point eu depuis notre depart de France. Si ce pays etoit un pays à messes et à processions nous ferions ce qu'il faudroit pour en avoir, mais on tourne ses yeux plustôt vers l'Impératrice que l'on connoit, que vers celui qu'on ne connoit pas. S. M. I. restera, dit-on, jusqu'au 15 fevrier à Moscou, afin de ne pas compromettre la santé du grand duc par les grands froids de X-bre et janvier. D'autres pretendent qu'elle reviendra bientot. Pour moi je n'en ai nulles nouvelles bien positives et directes; mes lettres de Moscou ne m'en disent rien. M-r de Panin m'ecrit seulement que S. M. trouve bon que je ne fasse pas le voyage de Moscou et qu'en attendant son retour je m'occupe utilement pour son service à Petersbourg. Cela

*) Государственный Архивъ, XI, № 1035.

*

ne me sera pas difficile. Elle a eu la bonté de donner des ordres pour pourvoir à ma dépense journalière et a mon logement. Mais j'ai cru ne devoir point prendre encore de parti sur ce dernier article, et de laisser passer l'hyver restant comme je suis, fort bien pour un passant.

J'ai été, comme vous le savés, tres incommodé dans ma route, et je suis arrivé icy dans un etat asses facheux. Ma santé est mieux, mais malgré cela je ne peux me flatter que mon temperement puisse se faire au climat; je n'en dis rien pour ne point inquietter les amis qui sont avec moy; d'ailleurs le dire ne gueriroit de rien. Or en supposant que mes craintes soyent bien fondées, comme je le crois, je serai forcé de prendre mon parti au printems prochain. Vous sentés, mon ami, que dans cette position je ne dois point abuser de l'honneteté de l'Impératrice, et lui faire faire une depense qui dans 6 mois n'auroit plus d'objet. Cela ne m'empechera point de lui etre utile, de la mettre dans le cas de pouvoir aisement se passer de moi, et d'arriver sans le secours d'aucun etranger au but qu'elle s'est proposé. Quand je vous dis que j'ai cette espérance, ce n'est pas que je la fonde sur mes talents, mais bien sur ceux de cette Princesse, dont on nous a donné une très juste idée.

Je sais qu'elle desire beaucoup de vous voir icy; elle y compte même, à ce qu'on m'a dis. Je ne vous y invite point, parce que je connois votre ame, et que je sai que votre sensibilité pour toutes les bontés de cette respectable souveraine n'a pas besoin d'etre éguillonnée. D'ailleurs votre temperement plus vigoureux que le mien auroit moins à redouter la dureté du climat. Je vous avoue que ce sera pour moi une grande mortification

d'en etre reparti quand vous y serés. Mais heureusement ce vuide ne sera que pour moi et point pour vous. N'annoncés point cependant mon retour en France au printems prochain pour cause de ma santé. Vous inquieteriés tous mes amis, et vous savés combien l'éloignement grossit les objêts et fait de nouvelles. Ils me croiroient donc plus mal que je ne le suis, et vous le tromperiés sans le savoir et sans le vouloir.

Recevés, mon ami, mille et mille amitiés de ceux qui vous aiment ici comme vous le merités, embrassés aussi pour nous ceux qui nous aiment comme nous le meritons.

2.

A M. l'abbé Raynal, du 19 (30) octobre 1767.

Voila donc, mon cher abbé, 700 lieues de faites, 700 lieues de pays parcourû. Ne pas parler la langue des pays qu'on traverse, et les traverser en poste, ce n'est pas le moyen de faire beaucoup d'observations. Il faut alors que ce soit les yeux qui fassent tout, qui devinent tout. J'ai pourtant trouvé des facilités en Prusse, parceque j'y ai sejourné et que presque tout le monde y parle françois. Je vous ai assés parlé de ce que j'y ai vû et entendu, ainsi je ne vous en dirai plus rien.

J'ai sejourné 15 jours à Riga. J'ai commencé par y causer une grande frayeur; on ne s'est d'abord approché de moi qu'avec precaution, comme d'un animal dont la figure impose et donc le naturel est inconnû. Chacun se disoit cornu ferit ille, caveto. Peu-à-peu on s'est rassurés, et on a fini par me reconnoitre pour un être très social, et par faire des voeux pour le succés de miens.

Depuis Riga jusqu'a Petersbourg j'ai traversé un très-beau pays. La Livonie est un melange de terres sablonneuses et de bonnes terres; mais principalement depuis Narva jusqu'a Petersbourg on peut dire que les campagnes y sont naturellement très belles. Vous sentés bien que je ne les ai pas trouvées dans l'état de culture où elles pourroient et devroient etre. La consommation est la mesure proportionnelle de la reproduction: quelle consommation voulés vous que fassent des esclaves qui n'osent rien faire, rien montrer qui puisse frapper les yeux de leurs maîtres? Par la même raison j'ai vû peu de troupeaux, mais tres peu, encore ne sont ils pas d'une belle espece. Si l'esclave à qui le maitre a abandonné une certaine quantité de terres pour le faire vivre avoit des bestiaux qui fissent envie à ce maitre, celui-ci les lui enleveroit. Il en est de même des recoltes, et generalement de tout ce qu'on peut appeller richesses. Aussi l'usages d'enfouir l'argent qu'on peut gagner est il bien etabli parmi les esclaves, et vous concevés que par cette seule raison il sera toujours rare dans ce pays, etc.

Ma santé ne m'a pas permis de continuer ma route jusqu'a Moscou où l'Impératrice m'attendoit. Retenû par des maladies dans ma route je viens d'arriver dans la saison de pluyes; les chemins sont presqu'impraticables pour les voitures. Si Sa Majesté Impérale rivient comme on le dit par les premiers trainaux, je n'irai point à Moscou; si Elle différe son retour jusques en fevrier, comme quelques uns le debitent, je serai dans le cas d'y aller. J'attends des nouvelles directes et positives à ce sujet par le retour du courrier qu'on a expedié pour donner avis de mon arrivée.

Mon cher abbé tout est a faire dans ce pays. Pour parler mieux encore il faudroit dire tout est à defaire et à refaire. Vous sentés bien qu'il est impossible que le despotisme arbitraire, l'esclavage absolue, et l'ignorance n'ayent pas planté des abus de toute espéce qui ont jetté des racines très profondes, car il n'y a point de plante si feconde, si rigoureuse que les abus. Ils croissent par tout oû l'ignorance les cultive.

Il me paroit que tout ce qui est marchandises etrangeres se vend ici 3 et 400 p. °/o plus cher qu'en France. La main d'oeuvre est en proportion, et les denrées que produit le pays sont à très bas prix. Ce desordre tient à d'autres desordres trop longs à detailler ici. Riga est un peu moins cher pour les marchandises etrangeres; mais un maçon, un charpentier y gagnent 4 à 5 l. par jour et ne travaillent encore que comme ils veulent, ainsi des autres ouvriers. La raison de cette cherté demesurée c'est le defaut de concurrence dans les gens de metier: inconvenient dont la source est dans l'esclavage et dans quelques polices qui lui sont relatives et aggrauent encore ce mal affreux.

Je ne vous dis rien de l'administration de la justice, il faudroit que je commençasse par vous parler des loix, et pour vous parler des loix il faudroit que j'en connusse. Mais je peux vous dire ce que tout le monde dit de l'Impératrice, même quand on parle en liberté. Cette princesse est presque tous les jours dès 4 ou 5 heures du matin dans son cabinet, et elle y travaille presque tout le jour. Joignés à ce travail assidu une grande penetration, et la volenté la plus decidée de bien faire; ces trois traits suffisent pour vous en donnés une idée. Suivant ce que des gens instruits m'ont rapportés, elle

vient de faire publier une instruction pour les deputés de toutes les Provinces convoqués à Moscou, dans la quelle Elle fait part des meilleurs principes de la plus saine philosophie politique.

Voilà mon cher abbé tout ce que je peux vous mander d'interessant. Vous voyés que j'ai lieu d'esperer que mon voyage ne sera pas infructueux à l'humanité. Cependant jusqu'a ce que je voye par moi meme que les choses se fassent de maniere qu'il faille absolument qu'elles s'achevent de la meme façon, je craindrai toujours le chapitre des Evenements.

Nos dames se portent très bien et vous font mille complimens; votre amie surtout se flatte que vous ne l'oublierés point; et nous comptons bien vous retrouver à notre retour tel que nous vous avons laissé en partant de Paris. Cela sera très juste de votre part, car assurement vous nous retrouverés aussi les memes, je veux dire vos amis, vos vrais amis.

Ne pourriés vous pas me donner des nouvelles de l'ordre naturel etc. On dit que les gens qui lisent rapidement ne le trouvent pas à la portée de tout le monde. L'auteur de cet ouvrage ne s'est pas donné la peine de l'ecrire pour ceux qui ne veulent pas prendre la peine de lire. Il est parmi nous surtout bien des hommes qui voudroient qu'on leur epargnent la peine de penser, car c'est une peine pour eux.

Vous pouvés nous ecrire par la voye du prince Gallitzin, par celle du prince Dolgoroucky, ministre de l'imperatrice de Russie à Berlin, par celle du m-r Eck conseiller de cour directeur des postes de l'imperatrice de Russie à St. Petersbourg. Mes lettres sous son couvert me seront rendues surement.

II.

ПИСЬМА ГРИММА КЪ ГРАФУ НЕССЕЛЬРОДУ *).

(LETTRES INÉDITES DE M. GRIMM AU COMTE DE NESSELRODE).

3.

Nous sommes ici, illustre Comte, depuis le 17 au soir. J'y ai trouvé vos deux lettres du 4 et du 7. La dernière m'a beaucoup affligé et inquiété. Quelque soit la maladie de Denis, je doute fortement qu'il vienne ici. Le cruel homme, il laisse passer toute la belle saison, il traite le voyage de Pétersbourg, comme une course de la rue Taranne dans la rue S. Anne. Il avait ècrit à Paris qu'il ferait le voyage de Pétersbourg d'une traite, excepté huit jours qu'il donnerait à Berlin et Potsdam. Enfin quand je pense à tous les sujets de crainte qu'il m'a donnés depuis quelque temps, je ne désespere pas d'apprendre qu'il est venu chercher une tombe à Duisbourg en dépit de M. Leidenfrost. L'Impératrice a la

*) Архивъ русскаго историческаго общества. Гофмейстеръ графъ Д. К. Нессельродъ предоставилъ русскому историческому обществу 22 письма Мельхіора Гримма къ своему дѣду; печатаемые нами 13 писемъ касаются пребыванія Дидро въ Петербургѣ.

bonté de s'intéresser vivement à son sort. Que vous dirai-je de cette grande et étonnante femme pour vous donner une idée de ses bontés et de ma confusion? Elles sont l'une et les autres sans bornes. J'ai eu l'honneur de lui baiser la main le 18 avec le respect qu'on doit à la main auguste qui tient les rênes d'un grand empire et le plaisir qu'on a d'approcher ses levres d'une belle main de femme. Depuis cet instant elle m'a accablé de bontés. Elle me fit ordonner de rester à diner, et depuis ce jour j'ai eu l'honneur de la voir tous les jours et souvent deux fois. J'apprens assurément à obeir en ce pays-ci: car imaginez, monsieur le Comte, qu'il faut s'asseoir souvent dans un fauteuil en face de Sa Majesté Impériale de Toutes les Russies et causer une demi heure, et jugez de la contenance d'un prophete dans cette attitude. Je vous dirai très naturellement que j'ai très mal fait de venir ici, car je croyais la tête d'un prophete à l'abri d'être tournée et je m'apperçois qu'elle n'est pas plus en sureté qu'une tête vulgaire. Le grand Krause à qui je trouve plus de génie qu'à M. Deon, quoique celui-ci se connaisse mieux en hommes, ce grand Krause hausserait les épaules sur son pauvre maitre s'il pouvait le voir. Je me recommande à vos prieres et aux siennes. J'ai vu votre ami le général Bauer. Il a répondu parfaitement à l'idée que je m'en étais faite. Il a l'air simple et vrai comme tous les hommes de génie. Nous avons bien parlé de vous, monsieur le Comte. Rendez moi la pareille en parlant de moi à ceux qui me font l'honneur de se souvenir de moi. Ah si M. de Heldenruh pouvait être de ce nombre! Ne m'oubliez pas auprès de M. le comte de Verelst. Madame la Grande Duchesse vous fait mille complimens.

Elle met toutes ses tribulations au pied de la croix grecque. Madame la Landgrave vous présente ses hommages. Vous savez que le mariage est fixe au 10 et que Madame la Landgrave part le 26. Elle aura un cruel voyage. Adieu, Monsieur le Comte, agreez mon respect et faites des voeux pour un pauvre diable de prophete à qui la tête tourne.

A Pétersbourg ce 25 septembre 1773.

4.

Je vous remercie de votre lettre du 18, Monsieur le Comte, et du petit papier polonais. Je ne sais si j'ai répondu aux précédentes, car je vis dans un tourbillon incroyable. Mais je sais que je suis fort content de mon ambassadeur et je supplie Son Excellence de mettre surtout aux pieds de M. de Heldenruh son haut principal. Si la négociation reussit, comme je l'espere, vous ne laisserez pas ignorer à qui il appartient que la premiere obligation vous en est due.

Je ne point de nouvelles de Denis, mais suivant M. de Narischkin ils ont passé à Dresde et n'iront pas par Berlin. Je sens que la maladie de Duisbourg ayant retardé M. de Narischkin celui-ci ne peut plus accorder huit jours au sejour de Potsdam et de Berlin. Je doute malgré tout cela qu'ils puissent être ici pour les fêtes. Enchainement de sottises. Si Denis était parti à la fin de juin, rien de tout cela ne serait arrivé. Je tremble pour son séjour ici.

Quand je vous dirai, monsieur le Comte, que je suis malheureux à force d'être comblé de bonté par l'Impératrice, vous direz que c'est bête, cela est pourtant à

la lettre. On entend tant parler de Sa bonté, mais il faut l'avoir éprouvée pour s'en faire une idée. Je laisse aux gazettes à vous apprendre tous les bienfaits qu'elle a repandu hier. Cela est immense au milieu de la guerre! Madame de Landgrave me charge de mille choses. Et Madame la Grande Duchesse. Nous parlons de vous très souvent. Elle m'ordonne de vous rappeller la benédiction que vous lui avez donnée; elle prétend que c'est elle qui lui a porté bonheur. Avec le Général Bauer nous parlons aussi un peu de vous, mais comme jusqu'à ce moment je n'ai vu que l'Impératrice, je ne le vois qu'à la Cour, ou nous nous mettons quelquefois dans un coin pour jaser. Donnez moi des nouvelles un peu sures du Margrave d'Anspach. Adieu, Monsieur le Comte, agréez mon tendre respect et faites en passer les assurances à Monsieur le Comte de Verelst.

à Petersbourg ce 5 octobre 1773.

Ne m'ecrivez plus par Madame la Landgrave, car elle par le 26, mais par Messieurs Splitgerber et Daum; nous resteront peut-être un peu plus longtemps.

5.

Il faut, Monsieur le Comte, que vous ayez un mauvais coeur. Ma chaise de paille ne vous touche pas le moins du monde, et vous vous moquez du bois qu'on brule chez moi tout comme s'il ne coutait rien. Il n'est hélas que trop vrai que nous voilà à la Toussaint et que j'aurai beaucoup de peine à me chauffer à mon feu à la Saint-Martin. Vous verrez donc Madame la Landgrave avant moi, et après vous avoir parlé d'elle et de l'Im-

pératrice et de votre ami le Général Bauer, elle vous parlera peut être aussi de moi. Il y a longtemps que je n'ai eu l'honneur de vous écrire. Vous pesterez contre moi. Mais a-t-on le temps de rien en ce pays-ci. Par dessus tous les autres empêchemens il y a encore l'inconvénient que le palais d'été où nous sommes logés est fort loin de tout, d'où il arrive qu'on ne peut jamais rentrer chez soi pour mettre un quard d'heure à profit. Vous avez beau m'exhorter à prendre patience, je ne me fais pas aux honneurs du cabriolet en face de Sa Majesté Impériale, j'y ai cependant encore passé près de deux heures hier. David qui n'était qu'un gueux de roitelet et qu'une Impératrice de Russie aurait tout au plus traité de son temps comme un Hetman d'un vilain peuple lépreux et sale, n'accordait pas les honneurs du cabriolet aux prophetes, et lorsque mon prédecesseur Nathan vint lui annoncer les faveurs du ciel, comme famine, guerre ou peste, à son choix, il lui faisait bien donner à boire dans l'antichambre, mais il ne le faisait pas asseoir devant lui. Il est vrai que ce Hetman juif ne savait à coup sûr pas causer comme l'Impératrice. C'était le Collé de son temps, mais il ne rêvait qu'enfans écrasés contre la pierre et chiens engraissés de leur sang et autres facéties de cette espece. Pour parler d'affaires plus sérieuses, j'aurai l'honneur de vous dire que le valet de chambre du Prince a vendu à son maitre un des habits qui lui ont été confiés à Berlin, qu'il vous en a renvoyé le prix par Madame la Landgrave ou par quelqu'un de sa suite aussi que l'autre habit en nature. M. Merc qui est avec Madame la Landgrave en qualité de tresorier s'est chargé de votre emplette de fourrure. Je n'ai pu le voir les derniers jours avant son départ. Je vous

supplie de lui en demander des nouvelles ainsi que d'une lettre que je lui ai donnée à mettre à la poste à Königsberg. Je voudrais savoir s'il n'a pas oublié cette lettre dans sa cassette, auquel cas il faudrait la délivrer et la faire aller à sa destination sans perte de temps. Je vous ai mandé, je crois, comme quoi Denis par un effort de génie a été obligé de renoncer au voyage de Berlin pour arriver ici tout courant et malade la veille du mariage afin de ne rien voir des fêtes. Mais l'Impératrice en est vraiment enchantée, voilà l'essentiel. Au reste il lui prend la main, il lui secoue le bras, il tape sur sa table, tout comme s'il était au milieu de la synagogue de la rue royal. Vous me reppellez cette rue bien mal à propos. Eh qui recueillera les bons mots de la Baronne cet hiver, qui sera son plastron? Je devais me souvenir de la leçon du fabuliste

Rarement à courir le monde
On devient homme de bien.

Ma boutique s'en ira à tous les diables, mes chalands se disperseront, et une année aura ruiné la réputation d'un ouvrier bien famé depuis 20 ans. Vous m'annoncez l'arrivée de M. d'Adhemar. Si vous ne l'avez pas trouvé gai, vous conviendrez du moins que c'est un beau seigneur. Du reste vous vous amusez toujours à faire pleuvoir des lettres de cachet à Versailles; mais encore faudrait-il me donner la clef de tous ces exils. Entendez vous dire que M. de Heldenruh se soit tiré avec honneur et succès de la négociation dont nous l'avons chargé? J'approuve tres fort M. de Verelst, et me moque des gens du monde et de leur caquet. Presentez lui mes hommages. Mettez moi aux pieds de M. de Heldenruh.

Ma passion pour Madame la Princesse d'Orange dure toujours, malgré l'éclat qui m'environne, c'est la passion d'un coeur loyal et vertueux, digne de la protection de Mademoiselle de Dankelmann et de la douceur du Duc Louis. Le Général Bauer m'a envoyé promener quand je lui ai parlé des deux paires de kinges. J'ai reçu votre derniere lettre par M. le Vicechancelier. Servez vous toujours de cette voie si vous en êtes le maitre, ou bien envoyez vos missives à Messieurs Splitgerber. Gardez vous de me parler contre leur exactitude qui est parfaite. Je fais toujours votre cour à Madame la Grande Duchesse qui me charge toujours de mille choses. Je vous présente mon respect et mes hommages.

Pétersbourg ce 2 november 1773.

6.

Depuis ma derniere lettre, Monsieur le Comte, vous m'avez honoré de quatre petites missives auxquelles il faut répondre succinctement en conformité de la briéveté du temps qu'on m'accorde pour mes écritures. Premièrement, vous avez cru jusqu'à présent comme moi que j'étais un homme fort commun, il faut rayer cela de vos papieres. Je prouverai quand on voudra qu'un polisson de prophete qui dine deux ou trois fois par semaine avec l'Impératrice de Russie, qui cause avec Sa Majesté deux ou trois fois par semaine deux heures de suite tête à tête campé dans un bon fauteuil, après avoir fait le causeur avec le Roi de Prusse, le Berger à Reinsberg dans la retraite d'un des plus illustres personnages de l'Europe où il est tombé amoureux d'une des plus charmantes Princesses de son siecle, qu'un tel

prophete est un des phénomenes les plus extraordinaires de ce siecle fécond en merveilles; c'est dommage que son boiau l'avertisse de temps en temps qu'il ne tardera pas à disparaitre. Si avant qu'il se couche pour l'horison de Russie, vous pouviez, Monsieur le Comte, lui procurer un exemplaire du Petit Prophete de Boehmischbroda, vous me rendriez un grand service et je tâcherais de vous le remplacer quand je serai de retour à Paris, quoiqu'il soit de la derniere difficulté de se procurer ce chefdoeuvres. Je manque à la gloire de Catherine Seconde de le connaitre. Comment peut-on gouverner un empire quand on n'a pas lu le Petit Prophete? Je voudrais l'édition avec l'estampe. Comme vos lettres m'arrivent exactement, je vous prie de les mettre toujours à la poste de la même maniere ainsi que la brochure si vous pouvez me rendre ce service. Voici une lettre pour Madame la Landgrave qui a sans doute la satisfaction de vous posseder et occuper dans ce moment-ci. Je ne suis jamais avec le Général Bauer que vous ne soyez en tiers. Quoique je sois un très grand homme, l'Impératrice m'a cruellement humilié en me faisant nommer, sans dire garre, membre de l'Académie impériale des sciences en même temps que Denis. Ce Denis a auprès de S. M. le succès le plus brillant et le plus complet. Elle en pense comme vous et moi qui le connaissons depuis tant d'années, c'est tout dire. Il est aussi avec elle comme avec nous, tout aussi apprivoisé. Vous m'assurez toujours qu'il a arrangé sa route de la Haie à Pétersbourg superieurement. Je voudrais que vous puissiez m'en convaincre: en attendant je tonne toujours de ce qu'il n'a pas été vous faire sa cour. En tout cas s'il a fait en ceci une action sage, je vous pro-

teste que ce n'est pas sa faute. Madame la Princesse de Prusse a fait son devoir en faisant honneur à mes prédictions. Remerciez en S. A. R. et mettez moi à ses pieds. Je meurs d'envie que Madame la Grande Duchesse me mette à portée de prédire aussi. C'est notre protégée. Elle nous fait honneur, car elle se conduit parfaitement bien. Je lui fais assidument votre cour, et je suis toujours bien reçu. Nous possedons M. d'Adhémar depuis quinze jours. Je pense comme vous que c'est un apprentif ministre étranger qui voyage. Ne soyez donc plus étonné de lui trouver l'air grave. Le Prince héréditaire guerroyera sans moi contre les infideles, mais j'ignore encore quand je me rapprocherai de la chaise de paille. Je suis un mauvais ouvrier, vagabond et sans conduite; aussi ma boutique s'en ressentira et il faudra la murer faute de pratiques. Adieu, Monsieur le Comte, convertissez vous, vous n'avez plus d'excuse de vous damner à présent que vous avez une belle église pour entendre la messe. Chargez vous de mes hommages auprès de ceux qui m'honorent de leur souvenir, et présentez les particulièrement à Monsieur le Comte de Vérelst.

à Paris, c'est à dire Pétersbourg ce 19 novembre 1773.

Denis recevra tout à l'heure de Sa Majesté une belle pelisse et un beau manchon.

7.

Vous ne direz pas, Monsieur le Comte, que je vous oublie et que je ne répare pas mes rigueurs passées, car dieu merci vous avez à chaque ordinaire de mes

chiffons. Celui-ci est intéressé. Je me trouve depuis six jours à Czarscozélo à la suite de l'Impératrice, campé à table à peu près en face de Sa Majesté comme je l'étais à Reinsberg en face du Prince qui nous a fait passer une semaine si délicieuse. Je ne me manque ici que mes deux soutiens de droite et de gauche. Le soir depuis six heurs jusqu'à huit on joue de petits jeux de société, et sur les neuf heures la chaise prophétique se trouve en face du fauteuil impérial jusqu'à dix heures et un quart. Après quoi l'oint du Seigneur se retire dans sa cellule pour lire dans l'avenir et pour prier le Roi des Rois ou l'Empereur des Impératrices pour le salut des dites Impératrices. Dans une des causeries du fauteuil impérial et de la chaise prophétique, il a été question du fameux Schwedenbourg qui de son vivant s'est un peu mêlé du métier de prophete. Ce visionnaire a écrit en latin ses rêveries, mais Madame la Landgrave a dit à l'Impératrice que ces écrits avaient été traduits en allemand. C'est cette traduction allemande que Sa Majesté voudrait avoir. Je lui ai dit que je m'adresserais à vous, Monsieur le Comte, bien sûr de la recevoir promptement. A cette occasion j'ai vu que vous n'étiez point du tout inconnu à Sa Majesté et cette découverte m'a fait plaisir. Ayez donc la bonté, Monsieur le Comte, de me deterrer cette traduction allemande des écrits de Schwedenbourg et de me les dépêcher par la poste, en me les adressant sous couvert de M. d'Eck, Conseiller de Chancellerie et Directeur général de Postes impériales à Pétersbourg. Si vous possedez encore Madame la Landgrave à l'arrivée de cette lettre, comme je l'espere, elle pourra vous donner quelques renseignemens sur le livre que je vous demande. Vous aurez la bonté de m'en-

voyer en même temps la note de vos déboursés. Denis toujours Denis avait promis de venir ici et ne vient pas, parceque, dit-il, la vie de la Cour ne lui va pas. Il est comme un enfant, et il a la maladie des suisses in gradu heroïco, assez pour m'inquiéter quelquefois. Pendant que nous étions aujourd'hui à diner est arrivé le Prince Dolgoroucki, Général Major, dépêché de la grande armée avec la nouvelle d'un avantage considérable remporté sur un corps je crois de 40,000 infideles de l'autre côté du Danube. On a fait sept cents prisonniers parmi lesquels un Pacha à trois queues. Voilà tout ce que j'en sais, car nous sortions de table et il faut expédier ce chiffon. Il me semble que ce ne sont que les avantionreurs d'autres opérations dont nous en pourront apprendre le succès sous peu de jours. Vous saurez tout cela aussi vite que nous par la voie de Varsovie. Mettez moi aux pieds de Madame la Landgrave et de toutes les Altesses Royales et Sérénissimes et recevez, Monsieur le Comte, mon respect et mes hommages pour vous et pour ceux qui m'honorent de leur souvenir.

à Czarskozélo le 25 novembre 1773.

Le Roi votre maitre m'a honoré d'une très gracieuse lettre que je n'ai pas manqué de lire à l'Impératrice étant dans son fauteuil en face de la chaise prophétique. Cette lettre a eu un succès égal auprès du fauteuil et de la chaise. Vous remarquerez qu'à Pétersbourg il y a canapé et fauteuil, ici fauteuil et chaise.

8.

Je ne vous dirai, Monsieur le Comte, qu'un seul mot en recommandant à vos bontés cette lettre. Nous quit-

tons aujourdhui Sarskoesélo remarquable par quinze causeries tête à tête entre une grande Princesse et un petit prophete. Je m'étais fait à ce train de vie, je ne sais comment je me referai à celui de la ville. Denis a été constamment incommodé et n'a pu venir ici. Dites moi, je vous supplie, si Denis se remettait dans quelque temps d'ici en route avec un sien ami, ferait il bien ou non de vous aller voir? Le cas serait embarrassant, car l'ami de Denis ne peut se dispenser d'aller vous faire sa cour et ou déposer Denis en attendant? Ce dernier n'a pas trop envie d'aller nulle part que chez lui. Adieu, monsieur le comte, recevez mes hommages et mon respect. J'ai lu une partie de votre derniere lettre à l'Impératrice et je lui ai fait présent du petit supplément qui y était joint. Mes hommages à M. le Comte de Vérelst. Dites lui que notre Baron se souvient parfaitement d'avoir eu l'honneur de le voir chez lui dans sa terre. Je vous remercie de me continuer toujours dans mon poste de gardien de la vertu de là Baronne malgré mes frequentes absences.

à Sarskoezélo ce 6 décembre 1773.

En quel temps croyez vous donc que les neveux de M. de Heldenruh pourront vous aller voir?

9.

Voici, Monsieur le Comte, deux lettres qui se recommandent à vos bontés. Mettez-moi bien aux pieds de mon Souverain Seigneur et Prince Henri qui a des droits éternels sur moi pour tout le mal qu'il m'a fait à Reinsberg et à Pétersbourg. Madame la Landgrave

est sans doute partie et vous a abandonné à tous les plaisirs du carnaval. J'ai donc fait hommage du petit prophete à l'Impératrice en votre nom. La première chose qu'elle m'a dit c'est, Mais mon dieu je suis fâchée de l'en priver. Elle ne veut pas concevoir qu'on a du plaisir à lui faire des sacrifices en petit ou en grand, comme on peut; elle est sur cela d'une délicatesse insupportable. Mais après avoir sçú le cas que vous faites de cet ouvrage immortel, elle n'a pas osé le trouver plat et elle a eu la bonté de le trouver passable. J'espere, monsieur le comte, qu'elle vous aura bientôt l'obligation des réveries de Schwedenbourg, car sans doute que ma requête vous est parvenue.

Je comptais vous écrire plus au long, comme disent M-rs Forncey et Freron; mais un colonel Prussien vient de me faire prier de passer chez lui tout de suite. J'imagine que c'est M. le comte de Gœrtz. Je ne suis pas peu embarassé du retour de Denis. Vous pensez bien que pour tout au monde je ne me déterminerai à vous bruler chemin faisant, et lui pour tout au monde ne veut mettre les pieds chez vous. Certaine princesse de la Haie qui vint dans vos contrées l'été passé, lui a persuadé, qu'il y était hai, méprisé, vilipendé, et il ne veut pas s'y exposer. Voilà où nous en sommes. Je crois que le général Bauer a de l'amitié pour moi et ce n'est pas pour un ingrat. J'ai fait vos déclarations à Madame la Grande Duchesse, et j'espere qu'elle méritera de plus en plus vos bontés et les miennes. Vous attribuez donc ma douceur au bonheur dont je jouis plutôt qu'à votre bonne conduite. Détrompez vous, jamais je n'ai été dans une disposition d'ame plus pénible. Les bontés de l'Impératrice m'ont rendu fou. Si je la quitte, j'en mourrai de

douleur, et comment rester? Je crois que ce que vous pouvez faire de mieux c'est de me louer une loge aux petites maisons de Berlin. Il n'est que trop vrai, monsieur le comte, que j'ai un boiau fêlé qui se fait toujours sentir depuis mon accident. Mais mourir n'est rien, c'est notre derniere heure. C'est d'arranger trois ou quatre voeux contradictoires de son coeur qui fait tout. Il y a des jours où je desire Madame Geoffrin à la place de l'Impératrice, et l'Impératrice à la place de Madame Geoffrin. Je serais bien sûr de ne pas bouger de chez elle. Vous direz que je suis un monstre indifférent au bonheur d'un grand empire. Eh bien, étouffez moi. Je présente mon respect à Monsieur le Comte de Nesselrod et Monsieur le Comte de Verelst.

à Pétersbourg ce 28 décembre 1773.

10.

Je reçois votre lettre du 18, Monsieur le Comte, et je vais y avoir répondu avant la fin de l'année, me tenant toujours à mon nouveau stile jusqu'à présent. Vous vous êtes trop confondu en remercimens pour la nouvelle de l'arrivée du Prince Dolgoroucki. Je vous en avais parlé avec la modestie convenable, parceque je savais d'assez bonne part qu'elle n'était pas aussi significative que vous et moi le voudrions. Mais je suis en peine, monsieur le comte, d'une de mes lettres écrites de Czarskozelo, je crains que vous ne l'ayez par reçue. Je vous y priais instamment de me procurer la traduction allemande des prophéties du célebre Schwedenbourg décédé

il y a quelque temps en Suede et de me l'adresser ici sous enveloppe de M. d'Eck, conseillier de Chancellerie et directeur général des postes impériales. Je vous disais que Madame la Landgrave en avait parlé à l'Impératrice, et que Sa Majesté avait beaucoup de curiosité de voir ces rêveries en allemand, ne pouvant les lire ni en latin ni en suédois. J'ai dit à Sa Majesté que je m'adresserais à vous pour la servir parceque je pouvais compter sur votre zelé pour lui plaire. Non seulement je n'ai pas eu le livre, mais aucune réponse de votre part sur cet article. Je serais désolé que ma lettre fût perdue. Je ne hais rien tant que de perdre des lettres. J'ai eu l'honneur de vous écrire le 19, 22, 25 novembre, ainsi que le 6 décembre; c'est dans une de ces lettres que la commission doit se trouver. Ayez la bonté d'éclaircir ce point. Madame la Landgrave avait vu la traduction allemande de ce livre, je vous priais de lui en demander les renseignèmens.

Savez vous, Monsieur le Comte, que je suis bien inquiet de la santé de notre chere Landgrave. La lettre qu'elle m'a écrite par M. le comte de Görz m'a alarmé. Qu'en pensez vous? Tranquilisez moi si vous pouvez.

Quant à Denis, j'en désespere. Il ne veut pas absolument s'exposer à passer près de vous. J'en suis fâché par rapport à lui et à moi. Le comte de Görz veut le convertir mais il y perdra son latin, j'en suis sûr. Il n'a fait ici aucune conquête excepté celle de l'Impératrice. Je n'étais pas inquiete de celle-là, mais tout le monde n'a pas la tête de cette grande femme, et n'est pas sensible et accoutumée comme elle au génie et à ses étrangetés. S'il dépend jamais de vous d'approcher

cette femme, gardez vous en bien, car la tête vous en tournera. Les jours où elle me fait la grace de me faire appeller le soir dans son cabinet, je suis à peu près sûr de ne pas dormir de la nuit. Après être sorti de chez elle, je me promene en long et en large la moitié de la nuit dans ma chambre à force de ne vouloir rien perdre de ses causeries, j'en perds les trois quarts, et j'en ai la tête si échauffée que j'en suis incapable d'aucune autre occupation. Elle vient de donner encore une terre, je crois, à votre ami Bauer. Voulez vous savoir comment cela s'est passé. Le general va la remercier le lendemain de grand matin. Elle travaillez à la lumière et était fort occupée. Que venez vous donc faire ici de si matin?—Remercies votre Majesté... Manus manum lavat, lui dit elle, laissez moi en repos. Tenez si cette femme là ne parvient pas à tourner toutes les têtes, il faut croire le genre humain sans ressource, et c'est mon projet. Mettez moi aux pieds de mon héros de Reinsberg. Il y a bien longtemps que je n'ai été honoré d'aucun mot de sa part. Mes hommages à M. le Comte de Verelst. Vous voilà en plein carnaval, je pense que vous en passez une bonne partie chez lui. Adieu, Monsieur le Comte, je vous présente mon respect et les complimens de Madame Grande Duchesse qui vient ainsi que le Grand Duc tous les jeudis nous demander à déjeuner. Je vous ai mandé au commencement de Novembre que l'Impératrice m'avait fait mettre conjointement avec Denis de l'académie impériale des sciences. Vous ne m'avez pas seulement fait votre très humble compliment sur une dignité dont j'ai été honteux comme un enfant l'est d'avoir reçu le fouet. Cela me fait encore redouter que mes lettres ne s'égarent. Rassurez

moi sur l'exactitude de mes chiffons et sur la régularité avec laquelle ils vous parviennent.

à Pétersbourg ce 30 décembre 1773.

J'ai trouvé un peu mauvais que M. le Comte de Görz n'ait rien apporté de vous pour personne.

11.

à Pétersbourg ce 14 janvier 1774.

J'ai reçu, Monsieur le Comte, votre lettre de 28 decembre, et je suis pressé de vous charger de mon apologie auprès de mon héros de Reinsberg. Vous m'avez sensiblement affligé en me disant que S. A. R. se plaint de mon oubli. Ce que je crains le plus c'est qu'il n'y ait eu une de ses lettres perdue, rien au monde ne pourrait me consoler de cette perte. Eclaircissons ce fait, je vous supplie. Je n'ai jamais reçu ici de lettre de S. A. R. que deux jours après mon arrivée; elle était datée du 3 Septembre. Je confesse que j'y ai répondu bien tard, mais Madame la Landgrave a pu dire à S. A. R. toutes mes tribulations, toutes mes perplexités, toutes mes anxiétés, et me faire obtenir grace aux yeux du plus généreux et du plus juste d'entre ceux qui ont arrosé la terre de sang humain. Mais enfin j'y ai répondu par une longue lettre du 5 Novembre, et en dernier lieu le 27 décembre je vous ai chargé d'une lettre pour elle. Je n'ai reçu aucune réponse, aucun signe de vie, et je ne vous cache pas, Monsieur le Comte, qu'après tant de marque de bonté si touchantes et si multipliées, ce silence m'a été infiniment douloureux,

tant il est aisé de gâter les gens. Je vous dirai même que j'ai attendu d'un jour de poste à l'autre avec une confiance, comme si cela ne pouvait pas me manquer. Le Roi m'a honoré de deux lettres depuis que je suis ici; j'espérais au moins en recevoir une de celui dont la protection immédiate a eu pour moi tant de suites heureuses et inattendues. J'espérais pouvoir m'en vanter à l'Impératrice, car enfin nous nous communiquons nos petits secrets. Elle me le dit bien quand elle a reçu une lettre de son ami de Reinsberg, pourquoi ne le lui rendrais-je pas. Aujourdhui après votre lettre, je commence à craindre qu'une lettre de S. A. R. pour moi ne se soit égarée. Car quant aux miennes, comme Messieurs Splitgerber reçoivent mes paquets exactement, elles sont certainement toutes arrivées à Berlin. J'avais supplié S. A. R. si elle voulait m'honorer de ses ordres, d'envoyer ces lettres aussi à Messieurs Splitgerber, par ce canal j'étais sûr de les recevoir, et c'est ainsi que la premiere et l'unique m'est parvenue. Faites moi la grace de m'éclaircir ce fait et de me tranquiliser là dessus, quand même cette lettre ne vous trauverait plus à Berlin. S'il n'y a point de lettres égarées, je serai content, car j'aime mieux la rigueur que des pertes. S'il y en a, tâchez de découvrir comment elle se sont faites, peut-être par ce moyen pourra-t-on les réparer. Une fois pour toutes Messieurs Splitgerber sont exacts, ils reçoivent toutes mes lettres de toutes les parties du monde, et ils ne m'ont pas encore égaré un feuillet.

Au reste, dites moi, je vous supplie, bien vite les choses que vous croyez qu'il sera essentiel de savoir avant de vous revoir. Je crois toujours que nous nous remettrons en route vers le 10 ou 12 février. J'ai quel-

que velleité de faire un tour à Varsovie. Celui qui est venu ici sans aucune lettre de votre part, a eu une longue conversation avec Denis pour lui persuader qu'il fallait qu'il allât vous voir, et sur ce qui m'en est revénu, je suis fort content de ce que Denis a répondu. Il faut que vous sachiez que la feuille que vous m'avez envoyée a couru ici le même jour en manuscrit, que Denis l'a vu aussitôt que moi qui ne lui ai pas dit que je la connaissais; qu'un certain ministre étranger en a fait les honneurs sans en retirer beaucoup d'honneur et qu'on n'a nullement caché l'auteur. Vous ne sauriez croire toutes les parsécutions obscures et sourdes que Denis a essayées ici; mais ce n'est pas là un bon moyen de faire retirer de dessus lui cette main protectrice qui fit jadis son sort; au contraire ces essais ne tournent à mal que pour leurs auteurs.

Adieu, Monsieur le Comte. Parlez moi de M. de Heldenruh si vous en savez quelque chose. Je fais votre cour à Madame la Grande Duchesse; comptez qu'elle fera honneur à votre protection et à la mienne; elle se conduit comme un ange. Nous savons que Madame la Landgrave est arrivée à Darmstadt. Le comte de Goertz repart dans le courant de la semaine prochaine. Vous n'êtes pas, je vous jure, oublié dans nos colloques avec le Général. Je vous présente mes respects ainsi qu'à M. le Comte de Verelst et à ceux qui m'honorent de leur souvenir. Je vois que dans la compilation qu'un corsaire de libraire a faite des oeuvres de Diderot il y a un Traité sur les passions, un Code de la Nature et d'autres rapsodies que celui-ci n'a jamais lus.

12.

Si ma derniere lettre vous a mis en mouvement, Monsieur le Comte, calmez vous. J'ai reçu une lettre de mon héros de Reinsberg, tout est bien, tout est en regle. Je lui repondrai incessamment. Malheureusement à force de rien faire j'ai si peu de temps à moi que je ne sais par où commencer mes écritures la plupart du temps. Je n'ai que la nuit pour griffonner, et mes yeux ainsi que mon boïau exigent de grands ménagemens. D'ailleurs les jours de cabriolet je rentre chez moi la tête si remplie et si exaltée qu'il ne m'est pas possible de la captiver. Je me promene en long et en large, je rêve à ce que j'ai entendu et je n'écris pas. Je suis aujourdhui par exemple dans ce cas. Car tel est mon bonheur qu'il y a au moins quatre jours de cabriolet par semaine. Le Comte de Goerz s'est levé aujourdhui de son lit pour avoir son audience de congé, et puis je crois qu'il s'est recouché. Il est malade des suites d'un refroidissement. Il a été saigné, je crois qu'il sera obligé de garder quelques jours la chambre et peutêtre même le lit avant de se mettre en route.

Je crois que Denis ne voyagera pas avec le prophete et que le prophete ne voyagera pas avec Denis, et qu'ils en sont tous les deux bien fâchés. Mais l'un veut aller par le plus court chemain à la Haie, l'autre par Berlin, Gotha et Darmstadt à Paris, et peutêtre aussi par Varsovie. Il n'y a pas moyen d'arranger leurs convenances reciproques. Denis a demandé à sa bienfaitrice un conducteur et elle est occupée à lui en chercher un qui le livre sain et sauf à la Haie, et le prophete a la tête

sans dessus dessous et voudrait concilier des choses inconciliables. Adieu, Monsieur le Comte. Nous avons parlé de vous ce soir le Général et moi, vous voilà prêt à regagner votre niche de Potsdam. Agréez mes hommages pour vous et nos amis communs, parmi lesquels je mets M. le Comte de Verelst le premier. Si vos correspondans de Paris sont exacts, ils doivent vous mander que j'ai écrit une lettre à Madame Geoffrin sur l'Impératrice et sur Pétersbourg qui a fait un tel bruit et eu un si prodigieux succès qu'on est allé en procession chez elle pour la voir. J'en suis tout ébahi, je ne comptais pas être si sublime. Voilà ce que c'est que d'être inspiré par la premiere femme du siecle. Il faut que cette lettre ait été passablement bonne, car j'ai reçu des lettres de gens qui ne m'ont jamais écrit, sans doute pour que je leur envoie en réponse un chefdoeuvre pareil. Bonsoir, Monsieur le Comte.

à Pétersbourg ce 17 Janvier 1774.

13.

Je suis singuliérement dans vos dettes, Monsieur le Comte, il ne m'a pas été possible de vous écrire plusieurs jours de poste de suite. Mais en attendant vous devez avoir reçu une longue lettre du Général avec qui je parle souvent de vous. Je crois vous avoir mandé le sort de Denis. L'Impératrice le fait conduire par M. Balla, Grec, homme aimable et sûr, en Hollande. Je crois que sous quinze jours il ne sera plus ici. Dieu sait par où ils prendrons. Je l'exhorterai bien fort à aller faire sa cour à M. de Heldenruh, mais en ce genre per-

sonne n'a moins de crédit sur lui que moi, parcequ'il faut le traiter comme un enfant, gronder, tonner, et que je ne sais empiéter sur la liberté naturelle de personne, pas même des enfans. Vous avez bien raison, le foyer de toutes les injures qu'on vomit contre lui est à Paris, et je le connais bien, mais c'est sa faute. Il écrivit il y a deux ou trois ans une lettre fort inconsiderée aux libraires de l'Encyclopédie contre un certain Luneau de Boisjermain qui leur avait intenté un procès. Il avait reçu ce Luneau chez lui vingt fois comme cent autres polissons dont il ne sait pas le nom. Les libraires firent imprimer sa lettre à la suite d'un de leur plaidoyer; elle était déplacée en tout sens. Denis l'avait écrite cinq ou six jours après mon départ pour l'Angleterre, il s'était bien gardé de la montrer à qui que ce soit, car quand on veut faire une sottise, il faut savoir soigneusement s'en cacher à ses amis. Luneau n'a cessé depuis ce moment de l'accabler d'horreur de toutes especes, et comme par le commerce de librairie qu'il fait il se trouve en liaison avec tous les journalistes et tous les libraires, il a eu soin de le suivre à la piste dans son voyage jusqu'ici. Je ne doute pas que M. le Casteur Formey ne s'approvisionne à cette boutique-là, et que le polisson inconnu qui écrit d'ici ne tire aussi son poison de ce côté-là. Ce qu'il y a de bon, c'est que Denis ne sait rien de toutes ces horreurs là, et sans l'avis charitable que je ne sais qui lui a donné qu'il couvait ici une critique de ses prétendues oeuvres imprimée à Berlin et composée par une main très illustre, il n'aurait eu aucun soupçon de tous ces orages. Ce qu'il y a encore de mieux c'est que l'Impératrice est enchantée de Denis et que par conséquent il a fait un très beau voyage. D'ailleurs il a été aussi

étrange ici qu'à Paris, et comme on n'est pas fait ici à ces allures, il l'a paru bien davantage. Au reste, Monsieur le Comte, je vous prie de ne faire aucun usage des détails que je vous fais ici, ni même de vous informer davantage de la source dont toutes ces horreurs sont sorties. Tout cela retombe bientôt dans la boue, son premier élément, qu'il ne faut jamais remuer de peur de s'empester. De même je n'ai pas fait un usage très modéré, mais je n'ai fait aucun usage quelconque à l'égard de certain Colonel de tout ce que vous m'avez mandé sur ce chapitre. Mon voyage, Monsieur le Comte, n'aura guere lieu que vers le mois de Mars vieux stile. J'espere avoir le bonheur de faire encore un voyage à Sarskozelo avec l'Impératrice. Notre Prince partira, je crois, vers le 20 février vieux stile, et nous vers le premier Mars. Savez vous que je dois avoir pour compagnons les deux fils du Maréchal Roumanzow qui veulent faire toute la tournée avec moi, et qui doivent aller passer quelque temps à Leide où leur mere me presse même de les aller conduire. J'ai aussi reçu une lettre du Roi de Pologne qui contient une espece d'invitation. Si je vais avec mes compagnons à Varsovie, cela sera pour huit ou dix jours et puis je vous arrive par la Silesie. Le Roi me mande que M. Trible a promis de revenir et qu'il ne sera pas fâché qu'il tienne parole. Je ne lui promets pas de lui rapporter sa tabatiere, les douanes sont trop difficultueuses et je hais ces tracas à la mort; je me prive à cause d'eux moi même de tout. Mais je vous supplie de lui dire que pour le reste j'employerai tout mon pauvre petit crédit et le remettrai toujours entre les mains de quelqu'un qui en a plus que moi. A propos je sais à Paris un exemplaire

complet à vendre de l'Encyclopédie. Cherchez moi un acquéreur. Les planches sont très choisies. Je suis inquiet de Madame la Landgrave, nous sommes depuis douze jours sans aucune nouvelle. Félicitez le grand Quintus sur sa résurrection. Mes hommages à M. et Madame de Vérelst. Adieu, Monsieur le Comte, recevez les pour votre compte et écrivez moi toujours jusqu'à ce que je vous parle plus positivement de mon départ.

Pétersbourg ce 7 février.

14.

à Pétersbourg ce premier Mars 1774.

Il faut convenir, Monsieur le Comte, que j'ai fort mal payé votre exactitude depuis quelque temps; mais a-t-on ici le temps de quelque chose? et puis je vous dirai qu'étant allé il y a quinze jours à Sarskozélo à la suite de l'Impératrice, je me suis trouvé attaqué le surlendemain d'une fievre réglée qui à la vérité ne m'a pas empêché d'être à la cour toute la journée et de jouir les soirs des honneurs du cabriolet, mais qui m'a ôté le courage d'écrire. Depuis vendredi nous sommes rentrés en ville. Samedi au moment où je voulais aller à la cour, il m'a pris un furieux accès, hier j'en eus un autre aussi fort, et me voilà sur le grabat jusqu'à nouvel ordre. L'Impératrice qui m'a comblé en tout temps de mille bontés dont je n'oublierai jamais la moindre, m'a envoyé un de ses médecins qui me convient très fort parceque nous concluons toujours à ne rien faire.

J'ai été infiniment touché de la mort de M. de Vérelst. C'était un de ces hommes dont l'espece devient de

plus en plus rare, ou pour parler avec plus de justesse, l'a vraisemblablement toujours été. Il manquera à l'agrement du sejour de Barlin, et Leurs Hautes Puissances vous en enverront difficilement au autre de cette trempe. Mais ce qui m'afflige profondément, Monsieur le Comte, et ce qui m'a donné un coup de massue au milieu de ma fièvre, c'est la lettre da Madame la Landgrave dont vous m'avez fait l'extrait. Je tremble en attendant le courier prochain. Je ne me consolerais jamais de la perte de cette rèspectable Princesse, parceque c'est un de ces événemens sur lequel je ne me suis jamais arrangé; par la force de sa constitution je lui donnai cent ans de vie. Mon dieu, que cette perte serait cruelle pour ses enfans et son pays! Pour moi s'en serait une de plus sensibles que je puisse faire.

Denis a encore été malade. Il doit prendre congé de l'Impératrice cette après midi et au sortir passer chez moi. Il veut partir ces jour-ci avec son Grec conducteur impérial. Il ne s'agit pas de passer par vos cantons. Il a eu l'air de se laisser persuader par le Comte de Goerz, mais c'était une conversion hypocrite dont je ne fut pas la dupe. L'Impératrice lui a donné trois mille roubles pour ses frais du voyage qui ne lui couteront rien puisqu'elle le fait reconduire. Elle lui a donné aussi une bague avec son portrait en camée. C'est une charmante femme outre que c'est un grandhomme, personne n'est plus pénétré de cette vérité que moi. Celui qui a dit qu'on s'est opposé en France au voyage de Denis, n'a pas menti, mais il a dit la chose qui n'est pas. M. le Duc d'Aiguillon depuis qu'il est ministre s'est toujours piqué de s'interesser à Denis, et à son départ il lui a dit, que non seulement il consentais à ce voyage, mais

qu'il l'approuvait très fort. Cela est un peu diffèrent de la version qu'on fait courir à Berlin.

Pour mon voyage, je ne sais encore, Monsieur le Comte, comment je m'en tirerai. Vous ai-je dit que vous me verrez arriver avec les deux fils du Feld-Maréchal Pierre Roumanzow, votre héros, tous deux Gentilshommes de la Chambre et d'ailleurs fort aimables? Ce sont eux qui remplaceront Denis pour rompre nos tête-à-tête à M. de Rathsamhausen et à moi. Je ne sais encore si j'irai à Varsovie. J'irai si la saison ne devient pas trop mauvaise. S'il y avait des ponts sur toutes les rivières, j'irais au bout du monde; mais d'être arrêté au bord de chaque méchant ruisseau, cela est détestable. Vous êtes sans ressource pour la lettre à Madame Geoffrin. Vous savez bien que les gens de génie ne font point de brouillon et par conséquent ne gardent point de copie. C'est mon cas. Mais cette lettre a fait un tel bruit que l'Impératrice en a été instruite par le chargé de ses affaires, et que plusieurs personnes qui ne m'avaient jamais écrit m'ont honoré de leurs lettres, apparemment pour avoir en réponse quelque chef d'œuvre. Mais vous savez qu'on n'est pas sublime à volonté, et que cela va et vient. Au reste ma lettre m'a attiré une lettre de quatre pages de Madame Geoffrin, la plus longue surement qu'elle ait jamais écrite. Je ne sais si ma réponse à cette lettre aura autant de succès que la premiere. Adieu, Monsieur le Comte. Donnez moi de meilleures nouvelles de Darmstadt si vous pouvez.

15.

Un mot, Monsieur le Comte, à votre lettre du 26. Je suis enfin quitte de ma fievre qui m'a parfaitement

bien secoué pendant trois semaines. J'irai demain remercier l'Impératrice de toutes les bontés que S. M. m'a fait témoigner pendant ma maladie qui m'a fait le tort irréparable de ne l'avoir pas vue pendant quinze jours. Votre derniere lettre avec les extraits de la lettre de Madame la Landgrave m'avait tellement consterné qu'elle a beaucoup contribué à la continuation de ma maudite fievre. Mais les nouvelles que Madame la Grande Duchesse a eues depuis sont tout à fait rassurantes. Notre Prince part mardi prochain pour l'armée accompagné du major de Pistor, et nous autres aides de camp pacifiiques, M. de Rathsamhausen et moi nous ne savons pas encore au juste le moment de notre départ. Ainsi écrivez toujours ici à tout hazard. Je prendrai mes mesures pour que s'il arrive des lettres après mon départ, elles me soient renvoyées. Je ne sais si j'irai à Varsovie. Je serai surement fâché de n'y avoir pas été, mais c'est qu'en ce moment et dans cette saison le courage de courir me manque, et puis tant de choses à combiner quand on n'est pas seul, surtout pour moi que me soucie moins que personne de mettre la complaisance des autres à la plus légere épreuve. Si j'y vais, vous n'avez qu'à demander d'avance, Monsieur le Comte, à Messieurs Splitgerber et Daum à qui ils m'adresseront, et lorsque je vous aurai mandé mon départ d'ici pour Varsovie, vous pourrez m'y écrire a l'adresse qu'ils vous auront donnée. Denis est parti samedi dernier par le plus court chemin pour la Haie. Si notre Général s'est laissé leurrer par l'ambassadeur des alten Fuchs, Denis au contraire a leurré l'ambassadeur, mais n'a jamais eu en idée de changer d'avis. Je m'acquitterai auprès du Général de votre commission. Vous ai-je dit que Denis

a eu de son auguste bienfaitrice trois mille roubles et une bague avec son buste en camée. Denis avait conclu un traité avec elle qu'elle ne lui donnerait rien afin d'ôter à son voyage tout air d'interêt. S. M. y a consenti à condition de lui payer les frais du voyage, et elle lui a fait donner ces trois mille roubles; mais comme c'est elle qui le renvoie ces frais du voyage arriveront intacts à Paris. Adieu, Monsieur le Comte, il faut qu'un échapé à la fievre se menage et n'écrive pas trop. Je vous presente mes hommages et vous supplie de parler à Monseigneur le Prince de Prusse de la joie que j'ai ressentie de l'heureux accouchement de Madame la Princesse d'Orange, toujours demeurant atteint et convaincu de la passion la plus décidée pour cette charmante Princesse.

à Pétersbourg ce 11 Mars 1774.

III.

ПИСЬМА ДИДРО О ПРЕБЫВАНІИ ЕГО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(LETTRES DE M. DIDEROT CONCERNANT SON SÉJOUR A ST.-PÉTERSBOURG.)

16.

Князю А. М. Голицыну, вице-канцлеру *).

(Au prince Galitzin)

Le jour de Sainte-Catherine.

Mon prince,

Après avoir souffert pendant dix jours de suite, j'avais quelque espérance que mon mal finirait, et que je pourrais profiter de l'honneur que vous me faites; mais j'ai compté sans mon hôte, et cet hôte est une colique, qui me serre les entrailles, et qui ne me paraît pas encore disposée à déloger. Je voudrais bien qu'elle fut aussi lasse de moi que je le suis d'elle, car elle s'oppose à tout ce qui m'aurait été agréable. Sa Majesté Impé-

*) Diderot, XX, 87.

riale avait eu la bonté de me proposer une niche à Tsarskoé-Célo, et la niche est restée sans le saint.

J'ai manqué trois ou quatre fois à M. le général Betzky: Je m'étais proposé d'aller hier au soir lui faire ma cour un moment. La colique maudite ne me l'a pas accordé.

Je m'étais engagé d'aller célébrer aujourd'hui chez M. le vice-chancelier la naissance d'une grande souveraine, et la colique opiniâtre ne me le permet pas davantage. Je supplie Votre Excellence de me plaindre et de me pardonner.

Je suis avec dévouement et respect etc.

17.

Скульптору Фальконэ *)

(A. M. Falconet).

Saint-Pétersbourg, 6 décembre 1773.

Hé! mon ami, laissons-là ce cheval de Marc- Aurèle. Qu'il soit beau, qu'il soit laid, qu'est-ce que cela me fait? Je n'en connais point le sculpteur; je ne prends aucun intérêt à son ouvrage; mais parlons du vôtre. Si vous connaissez bien mon amitié pour vous, vous sentirez tout le souci avec lequel j'ai mis le pied dans votre atelier. Mais j'ai vu, j'ai bien vu, et je renonce à prononcer jamais d'aucun morceau de sculpture, si vous n'avez pas fait un sublime monument, et si

*) Diderot, XVIII, 332.

l'exécution ne répond pas de tout point à la noblesse et à la grandeur de la pensée. Je vous ai dit dans la chaleur du premier moment, et je vous répète de sang-froid, que ce Bouchardon, au nom duquel vous avez la modestie de vous incliner, était entré dans un manége où il avait vu de chevaux, de beaux chevaux, qu'il avait profondément étudiés et supérieurement rendus; mais qu'il n'était jamais entré dans les écuries de Diomède ou d'Achille, et qu'il n'en avait pas vu les coursiers. C'est vous, mon ami, qui les avez retracés à mon imagination tels que le vieux poëte me les avait montrés.

La vérité de la nature est restée dans toute sa pureté; mais votre génie a su fondre avec elle le prestige de la poésie qui agrandit et qui étonne. Votre cheval n'est point la copie du plus beau cheval existant, non plus que l'Apollon du Belvédère n'est la copie rigoureuse du plus bel homme: ce sont, l'un et l'autre, des ouvrages du créateur et de l'artiste. Il est colossal, mais il est léger; il a de la vigueur et de la grâce; sa tête est pleine d'esprit et de vie. Autant que j'en puis juger, il est très-savant: mais les détails de l'étude, quoiqu'ils y soient, ne nuisent point à l'effet de l'ensemble; tout est largement fait. On ne sent ni la peine ni le travail en aucun endroit; on croirait que c'est l'ouvrage d'un jour. Permetez que je vous dise une chose dure. Je vous savais un très-habile homme; mais je veux mourir, si je vous croyais rien de pareil dans la tête. Comment voulez vous que je devinasse que cette image étonnante fut, dans le même entendement, à côté de l'image délicate de la statue de Pygmalion? Ce sont deux morceaux d'une rare perfection, mais qui, par cette raison même, semble s'exclure. Vous avez su faire dans votre vie et

une idylle charmante et un grand morceau d'un poëme épique.

Le héros et bien assis. Le héros et le cheval font ensemble un beau centaure, dont la partie humaine et pensante contraste merveilleusement par sa tranquillité avec la partie animale et fougueuse. Cette main commande et protège bien; ce visage se fait respecter et croire, cette tête est du plus beau caractère; elle est grandement et savamment traitée; c'est une belle et très belle chose: séparée de tout, elle placerait l'artiste sur la ligne des maîtres dans l'art. Vous voyez, mon ami, que je ne parle pas ici de vous, quoique cette tête fasse autant l'éloge de votre courage que du talent de M-lle Collot.

Le premier aspect... Mais j'allais oublier de vous parler de l'habillement. L'habillement est simple et sans luxe: il embellit sans trop attacher; il est du grand goût qui convenait au héros et au reste du monument. Le premier aspect arrête tout court, et fait une impression forte. On s'y livre, et on s'y livre longtemps: on ne détaille rien, on n'en a pas la pensée. Mais quand on a payé ce tribut d'admiration à l'ensemble, et qu'on entre dans un examen détaillé; lorsqu'on cherche les défauts en comparant les différantes parties de l'animal entre elles, et qu'on les trouve d'une justesse exquise; lorsqu'on prend une partie séparée, et qu'on y retrouve la pureté de l'imitation rigoureuse d'un modéle rare; lorsqu'on fait les mêmes observations critiques sur le héros; lorsqu'on revient au tout, et en rapprochan t subitement les deux grandes parties: c'est alors qu'on s'est justifié à soi-même l'admiration du premier moment. On tourne, on cherche une face ingrate, et on ne la trouve pas. En regardant

le côté gauche, par exemple, si l'on a cette vigueur de concept qui traverse le plâtre, la marbre, le bronze, et qui vous montre le côté droit, vous frémissez de joie de voir avec quelle surprenante précision l'un appartient à l'autre. C'est ce que j'ai fait sous tous les poin s de vue de votre composition, et toujours avec la même satisfaction. Votre ouvrage, mon ami, a bien le véritable caractère des beaux ouvrages: c'est de paraître très beaux la première fois qu'on les voit et de paraître très beaux la seconde, la troisième et la quatrième: c'est d'être quittés à regret, et de rappeler toujours. Je l'ai déjà transporté de votre atelier sur son piédestal, au milieu de la place publique qu'il doit occuper; je l'y vois et j'en sens tout l'effet. Est-ce que Pierre, est-ce que tous les grands hommes n'en ont pas eu à écraser? Est-ce que ce n'est pas le véritable symbole de toutes les sortes de méchancetés employées pour arrêter le succès susciter les obstacles et déprimer les travaux des grands hommes? N'est-il pas juste qu'après leur mort leurs monuments foulent ce symbole hideux de ceux qui leur ont fait verser tant de larmes pendant leur vie? D'ailleurs il fait bien, et il est d'une nécessité mécanique indispensable et très secrète.

Et vous croyez que je n'ai pas eu mille fois plus de plaisir à louer un moderne, mon ami, que je n'en aurais eu à critiquer un ancien qui m'est indifférent. Hé bien! il est vrai; ce cheval de Marc Aurèle est une copie très incorrecte d'une nature mal choisie: il n'y a ni la vérité simple et rigoureuse qui plaît toujours, ni cette hardiesse du mensonge qui nous en dédommage quelquefois. Les muscles du cou ne sont justes ni de position, ni de volume. Il n'y a nul raport entre la froi-

deur des yeux et la bouche grimacière, vieille et forcée. Tout le mufle est lourd: les détails de la bouche, des yeux et du cou sont sans finesse et sans ressort; ils ressemblent plutôt à des hachures, des cannelures, qu'à des plis de chair. Vue de face, on ne sait trop à quelle sorte de bête appartient la partie inférieure de la tête; et l'on serait tenté de donner la partie supérieure au boeuf ou au taureau, dont elle a la forme large et carrée. Le ventre en est très lourd et très pesant. Il est sûr que ce cheval marche le grand pas des pieds de derrière et qu'il piaffe en même temps de ceux de devant; allure fausse et impossible: vos remarques à cet égard, ainsi que sur le reste, sont justes. Mais à quoi ne répond-on pas? On vous dira que ce cheval est peut-être d'une race qui vous est inconnue; qu'il est mède ou parthe; que c'est peut-être un animal laid, à la vérité, mais que l'empereur affectionnait: que sais-je encore? A cela vous répondrez en trois mots: qu'un animal, beau ou laid, marche naturellement, s'il n'est ni estropié, ni mal conformé, que le pays de ce cheval vous importe peu, puisque cela n'a jamais été la question; ou que si l'on veut absolument que le statuaire de ce mauvais cheval ait eu de bonnes raisons pour n'en pas faire un meilleur, vous y consentez de bon coeur; et l'on se contentera ou l'on ne se contentera pas de cette réponse. Mais je suis sûr qu'il n'y aura qu'une voix sur la beauté du vôtre, quoique vous n'ayez omis aucun des moyens de partager les avis. Ah! mon ami, que vous avez bien fait de vous en tirer aussi supérieurement! car on ne vous eût pas pardonné la médiocrité; et si vous voulez être de bonne fois, vous conviendrez qu'il faut plus de logique et plus de justice qu'on en a ordinairement pour ne s'y pas croire autorisé.

J'oubliais de vous dire aussi que j'ai trouvé le plâtre que vous avez du cheval antique fort bien moulé, et qu'on y voit jusqu'aux moindres détails.

Je croyais n'avoir plus rien à ajouter à ce qui précède; je me suis trompé. Sachez qu'on trouve assez singulier à Paris et à Pétersbourg que vous ayez confié à votre élève l'exécution d'une partie aussi intéressante de votre monument que la tête du héros.

Tous ceux qui en parlent si indiscrètement aiment mieux blâmer une chose très sage, que de se rappeler qu'elle est justifié par l'exemple de plusieurs statuaires anciens. Le point essentiel est qu'un ouvrage soit le mieux qu'il est possible. Hé bien! M-lle Collot sait mieux faire le portrait que vous. Pourquoi non? Un bon peintre d'histoire se tirerait difficilement d'un portrait comme La Tour, qui, de son côté, ne tenterait pas une composition historique: chacun a son talent, d'autout plus restreint qu'il est grand.

Vous aviez fait mon buste; M-lle Collot le fit une seconde fois après vous: vous fûtes curieux de comparer votre travail avec le sien. Voilà les deux bustes exposés sous vos yeux: le vôtre vous parait médiocre en comparaison du sien; vous prenez un marteau, et vous brisez votre ouvrage. Allez, mon ami, celui qui est capable de cet acte de justice est né pour beaucoup d'autres procédés que la multitude n'appréciera jamais bien.

Et ce pauvre Lossenko qui a déssiné votre monument, et qui disait qu'il fallait l'avoir copié pour en sentir tout le mérite, il n'est donc plus! Quoique je n'aie pas eu le temps de le connaître, j'en suis fâché. Adieu, mon ami; jouissez de la satisfaction d'avoir exécuté le plus bel ouvrage en ce genre qui soit en Europe, et

jouissez en longtemps. Je vous salue, et vous embrasse de tout mon coeur.

N'allez pourtant pas imaginer que je parlerai d'abord de votre ouvrage, en remettant le pied en France. Il se passera plus de quinze jours avant que j'aie épuisé ce que j'ai à dire de la grande souveraine; et ce n'est pas trop. Quelle femme, mon ami! Quelle étonnante femme! Mais vous le savez aussi bien que moi; nous n'avons rien à nous apprendre là-dessus. Elle a bien raison de se laisser approcher, car plus on la voit de près, plus elle y gagne. Adieu, adieu; j'attends toujours ce redoutable hiver: il viendra apparemment.

18.

Княгинѣ Е. Р. Дашковой *).

(A la princesse Dashkoff).

Pétersbourg, 24 decembre 1773.

Madame,

Rien n'est plus vrai. Je suis réellement à Pétersbourg. J'ai fait huit ou neuf cents lieues à soixante ans; me voilà loin de ma femme, de ma fille, de mes parents, de mes amis et connaissances; tout cela pour rendre hommage à une grande souveraine, ma bienfaitrice! Que diriez-vous de moi? Que j'ai bien fait? Votre réponse, j'en suis sûr, sera celle d'une femme qui a du coeur, de la sensibilité et, par-dessus tout, une large dose de cette

*) Diderot, XX, 39.

qualité sans laquelle on ne doit jamais espérer de sortir de la médiocrité en rien, et qui s'appelle *'enthousiasme*. Cependant j'ai deux fois risqué ma vie dans le voyage, bien que, lorsque nous nous séparons de ceux que nous aimons et de ceux qui nons aiment, la vie ne doive pas compter pour beaucoup! Peut-être, au retour, ne serai-je pas capable de me targuer de la même intrépidité.

J'ai eu l'honneur d'approcher Sa Majesté Impériale aussi souvent que je pouvais le désirer; plus souvent peut-être que je n'eusse osé l'espérer. Je l'ai trouvée telle que vous me l'aviez peinte à Paris: l'âme de Brutus avec les charmes de Cléopâtre. Si elle est grande sur le trône, ses attraits, comme femme, auraient fait tourner la tête à des milliers de gens. Personne ne connait mieux qu'elle l'art de mettre tout le monde à son aise.

Pardonnez-moi, madame; j'oubliais que j'ai été témoin aussi de votre habilité à cet égard. Là où il n'y a rien, absolument rien, ou bien là où il y a quelque chose seulement, ce quelque chose ne manque jamais d'acquérir une certaine valeur avec l'impératrice ou avec vous. Vous n'avez pas oublié sans doute avec quelle liberté vous me permettiez de vous parler dans la rue de Grenelle. Eh bien, je jouis de la même liberté dans le palais de Sa Majesté Impériale. On m'y permet de dire tout ce qui me passe par la tête; des choses sages peut-être quand je me crois fou, et peut-être très folles quand je me crois sage. Les idées qu'on transplante des Paris à Pétersbourg prennent, c'est certain, une couleur différente.

Votre nom s'est présenté souvent dans notre conversation; et, si c'était pour moi un plaisir de le prononcer, je dois dire aussi franchement qu'il a toujours été

entendu avec satisfaction. Neanmoins, avouerai-je la vérité? Trois délicieuses heures, si bien employées tous les trois jours, m'eussent laissé abondamment de loisir, si l'etude et les alternatives de santé et d'indisposition m'avaient sauvé de l'ennui. Il faut toujours ou que j'occupe mes pensées ou que je sois dans un état de souffrance; je trouve moins désagréable de souffrir que de bâiller.

Mais permettez-moi de vous demander, madame, ce que vous faites? Et M-lle Caminski? Elle vous est, je gage, toujours chère, et vous êtes également l'objet de son affection. Si le même sentiment de tendresse vous unit comme autrefois, n'ai je pas le droit de vous dire heureuse? vos enfants aussi complètent-ils votre bonheur? répondent-ils à vos soins maternels? occupent-ils et remplissent-ils votre temps? seront-ils un jour dignes de vous?

Pourquoi ne venez vous pas voir ces choses de vos propres yeux? J'entends d'ici cette réponse: «Telle était bien mon intention; mais une misérable machine, hors d'état de supporter les fatigues du voyage, et accablée par le froid sous une pelisse du poids de cinquante livres; éraillée, tordue, frissonante, véritable objet de compassion; chancelante, ridée et réduite tout au plus à la moitié de ses dimensions, m'avertit de la manière la plus impérieuse et la plus douloureuse aussi que cet entreprise est impossible». Ayez pitié de moi, madame, mais ne me grondez pas. Recevez l'expression de mon parfait respect, et offrez-en autant, de ma part, à M-lle Caminski. Conservez-moi votre estime, puisque vous avez bien voulu me l'accorder. Si nonobstant le dédain avec lequel vous traitez mon pays (et que je dois par politique vous

pardonner, car ma vanité se console par l'idée d'avoir à pardonner quelque chose aux êtres que leur perfection a élevés au-dessus de la sphère commune), si vous daignez m'honorer de quelques unes de vos commissions, croyez qu'elles seront très-ponctuellement remplies.

Falconet, son élève et moi, nous parlons souvent de vous; et si vous pouviez nous entendre, je crois bien que vous ne seriez pas fachée contre nous. C'est là qu'on dit volontiers la vérité lorsque ailleurs on garde le silence. Permettez-moi cependant de faire une exception en faveur du cabinet de Sa Majesté Impériale. Je puis vous assurer positivement que le mensonge n'entre pas en ce lieu quand le philosophe s'y trouve.

Le porteur de cette lettre est un honnête homme avec qui vous pourrez causer en sûreté et tout à fait à votre aise. Son respect pour vour, fondé sur une juste appréciation de votre caractère, est parfaitement sincère. Donnez-moi carte blanche pour tout ce que je dis de lui, et n'hésitez pas à croire tout ce qu'il vous dira de moi; et alors, madame, permettez-moi de prendre votre main et de la presser bien cordialement.

Si je vous demandais une faveur, ne suis-je pas certain d'avance que vous auriez grand plaisir à me l'accorder? Je vous prie donc de joindre vos sollicitations à celles de M. de Nariskin pour obtenir d'un de M. de Demidoff (qui, soit en passant, professe sur le compte du peuple français une opinion à peu près aussi flatteuse que la votre, mais qui a bien voulu faire une exception en ma faveur, parce que la politesse ordonne toujours qu'on épargne les gens présents), pour obtenir de ce M. de Demidoff certain échantillons d'histoire naturelle qu'il possède, fossiles, minéraux, coquillages

etc. Bien qu'un peu bilieux et insociable, ce M. de Demidoff est un très digne homme, et il ne sera pas nécessaire de le presser beaucoup sur un point ou il s'est engagé déjà; d'autant plus qu'il est lié par la réception toute obligeante que lui a faite M. Daubenton, au cabinet d'Histoire naturelle. Veuillez aussi le prier de faire étiqueter les échantillons dont il me fera présent.

Je ne néglige aucun effort pour m'instruire ici, et il y a deux moyens d'y reussir: le premier, c'est d'interroger toujours quand on ignore les choses, et d'interroger les gens qui peuvent vous renseigner, et c'est ainsi qu'on acquiert quelques connaissance de la vérité; le second, c'est de chasser la folie qui a pris possession de votre cerveau; car une fois la fantaisie mise dehors, vous fermez la porte et l'empêchez de rentrer jamais. Je parle, vous le voyez, comme si j'étais réellement près de vous, juste comme j'avait l'habitude de le faire, tandis que vous vous teniez debout, le coude appuyé sur le chambranle de la cheminée, et examinant ma physionomie pour découvrir si j'étais sincère ou à quel point je l'étais. Si alors vous pouviez lire tout le respect, tout le dévouement, toute l'estime que vous m'inspiriez, vous n'avez rien de plus à chercher; rien n'est changé, madame; les mêmes sentiments continuent d'être aisés à lire, et jamais ils ne seront effacés.

Je suis etc.

P. S. Je vous envoie en même temps que cette lettre un petit catalogue des principaux échantillons que je désire obtenir; si M. Demidoff était tenté d'étendre jusque là sa générosité, il n' y aurait pas lieu à la contenir. A propos, madame, vous écriviez des vers; je puis en écrire aussi, mais les vôtres sont toujours délicieux, les miens

ne le sont que quelquefois. Vous pouvez les adapter à votre voix, et votre musique vocale est toujours tendre, variée, touchante, j'oserai même dire voluptueuse. Pour ma part, je puis sentir tout ce mérite, mais je ne le possède pas. Combien vous êtes heureuse, princesse, d'être née musicienne! La musique est le plus puissant de tous les beaux-arts. Son influence, comme celle de l'amour s'augmente par le plaisir qu'elle donne, et peut-être plus encore par les consolations qu'elle procure. Une certaine M-me de Borosdin, qui chante avec beaucoup de goût et une tres jolie voix, m'a promis quelques airs nationaux; mais je crains qu'elle ne soit trop évaporée, trop admirée, trop éprise peut-etre d'admiration, trop indolente par le fait pour songer à tenir sa parole. Je ne dois pas compter, Madame, parmi ces promesses certains airs de vous, aussi populaires que les airs de salon, avec des paroles russes étrites en dessous et avec un accompagnement de vos grâce noté comme le permet la chose et sans lequel, à la distance de neuf cents lieues, il y aurait quelque difficulté à faire sentir toute leur beauté. Comme j'abuse de votre bienveillance!

19.

Дѣвицѣ Волланъ [1]).

(A Mademoiselle Volland).

Pétersbourg, le 29 decembre 1773.

Mademoiselle et bonne amie,

Après avoir été tourmenté des eaux de la Néva pendant une quinzaine, j'ai repris le dessus; je me porte

[1]) Diderot, XIX, 345.

bien. Je suis toujours dans la même faveur auprès de Sa Majesté Impériale. J'aurai fait le plus beau voyage possible quand je serai de retour. Nous partirons, Grimm et moi, dans le courant de février. Je vous salue et vous embrasse aussi tendrement que jamais. Mille tendre compliments à M-me de Blacy, mon amoureuse, et à M. et M-me Bouchard, à l'abbé Le Monnier et à M-r Gaschon. Combien nous en aurons à dire au coin de votre foyer!

Pétersbourg, le 29 décembre 1773; c'est la veille du jour l'an. Le reste s'entend.

20.

Княгинѣ Е. Р. Дашковой [1]

(A la princesse Dashkoff).

Saint-Pétersbourg, 25 janvier 1774.

Madame,

Je n'hésite pas à accepter toutes les choses affectueuses, jolies, flatteuses et agréables que vous avez eu la bonté de m'adresser, et je ne suis pas trop désireux non plus de m'enquérir si elles sont méritées ou non; mais il y a du côté gauche certain organe qui m'assure que jamais vous n'aurez à rétracter de telles expressions. Il n'y a en ce monde que trois choses qui puissent vraiment rendre un homme méprisable: un amour ardent des richesses, des honneurs et de la vie. Pour

---

[1]) Diderot, XX, 43.

moi il y a tant de choses dont je puis aisément me passer, qu'il ne m'en coûte pas de mépriser les richesses. Un morceau de pain, noir ou blanc peu importe, un pot d'eau claire, quelque livres, un ami, et de temps en temps les charmes d'un petit entretien féminin; voilà, avec une conscience tranquille, tout ce qu'il me faut. Les honneurs qui n'amènent pas avec eux des devoirs sont de purs badinages créés tout exprès pour amuser de grands enfants. L'âge n'est plus pour moi où ces choses là pouvaient me plaire, quoique, à la vérité, en jetant un regard en arrière sur le passé, je ne me rappelle pas le moment où elles ont pu avoir pour moi beaucoup d'attrait. Quand les fonctions qu'elles imposent sont importantes, le cas est différent. Ah, madame, quel glorieux compagnon que le plus honoré des saints, le *Sacro-Saint Far Niente!*

Dès qu'on s'est voué à ce culte, on jouit d'une félicité complète; car qui peut être plus heureux que celui qui ne fait que ce qui lui plaît? Vous pouvez donc, sans reproche, prendre une heure ou deux de plus de sommeil, car cette licence ne compromet le bonheur de personne. Et quant à la vie, je vous déclare que je quitterais la mienne aussi aisément que je verserais un verre de vin de Champagne, ne fût ce que pour fermer la bouche à quiconque oserait contredire une telle assertion. Cependant, soit que je précipite le *finale* de cette lourde et insipide farce qu'on appelle la vie, soit que j'en attends patiemment la conclusion, mettez moi toujours, madame, au nombre de vos plus dévoués serviteurs.

Je suis sur le point de quitter Pétersbourg. Si mes services à Paris peuvent être de la moindre utilité et si vous

hésitez à en user, je paurrai ne considérer que comme une expression de vos lèvres l'estime dont vous m'honorez; et, dans ce cas, j'en serai fâché pour l'un et l'autre. Mais figurez-vous dans quelle position je me trouve. Il y a un paresseux garçon de fils qui esi venu de Paris à Pétersbourg et qui m'entraîne vers une femme qui me jettera dans le délire sitôt que je m'approcherai d'elle; vers quelques pestes d'enfants qui me donneront fort à faire pour m'accomoder à leurs folies; vers des amis qui, dix contre un, m'imposeront un mois de peine pour un seul jour de plaisir; vers des connaissances qui chanteront, riront, pousseront des cris de joie; comme si ma présence, dont ils se sont merveilleusement bien passés, était essentielle à leur bonheur; vers mes concitoyens, dont une moitié se couche accablée sous sa ruine et l'autre moitié au désespoir, jusqu'à ce qu'elle se lève pour contempler ce spectacle.

Pourquoi alors ne pas rester là où vous vous trouvez si bien pour le moment? me direz vous tout naturellement; ou pourquoi ne pas venir à Moscou où je puis vous offrir le repos, vous offrir la société dans laquelle vous causeriez en pleine confiance et tout à l'aise, vous offrir aussi votre idole adorée le *Sacro-Saint Far Niente*, vous offrir enfin le bonheur tout façonné, tout taillé selon votre fantaisie? Pourquoi, madame? Parce que je suis un fou, et que votre sagesse, la mienne et la sagesse de tout le monde consiste à sentir que c'est folie que de chercher les circonstances, d'y rêves et d'en devenir encore la dupe.

Adieu, madame, il m'est si délicieux de me croire l'objet de votre amitié que j'ai résolu de conserver cette croyance. J'ai eu l'honneur de voir le comte votre frère,

et je l'attends; nous avons à parler ensemble d'une de vos commissions qui est bien digne qu'on y prenne garde. Elle sera exécutée; vous pouvez en être certaine; mais je ne puis dire si ce sera avec succès.

J'ose vous prier de favoriser le porteur de cette lettre de tous les moments de loisir que vous pourrez lui accorder. Il se nomme Crillon, et il n'est pas indigne du nom qu'il porte. C'est d'um de ses ancêtres que Henry IV, son souverain et son ami, disait: «Voilà l'homme le plus brave de tout mon royaume». Il va à Moscou pour voir la pricesse Dashkoff, et il profitera de l'occasion pour visiter la ville. Il a concu à mon égard la même opinion favorable que vous m'avez fait l'honneur de m'exprimer, et rien ne saurait plus l'enchanter que d'entendre mon éloge de votre bouche. Enchantez le, princesse, le plus possible. Il croira tout ce que vous lui direz, et il s'en reviendra si plein de vous, qu'il me rendra au centuple la même satisfaction que vous lui aurez donnée. Je n'ai pas besoin de dire un mot de l'ésprit eclairé et du jugement du comte de Crillon. Bientôt vous serez à même de vous former une opinion sur ces points: votre opinion sera d'accord avec la mienne pour lui rendre justice; mais elle lui fera certainement beaucoup plus d'honneur. Il pourrait venir un moment où vous l'aimeriez et l'estimeriez infiniment plus que la personne qui le recommande à votre attention. J'espère donc seulement qu'il ne restera pas assez longtemps pour vous en fournir la possibilité.

Je suis, madame, avec un profond respect, votre très humble et très obéissant serviteur.

21.

Вопросы Дидро императрицѣ Екатеринѣ II [1]).

(Questions de M. Diderot à l'Impératrice Catherine II).

1. On estime la population de la Russie, les uns à 18 millions d'âmes, les autres à 20 millions. D'où vient cette variété? Quelle est la population?

2. On évalue le nombre des religieux à 7,300; celui des religieuses à 5,300. On dit que ce nombre diminuë. Cela est-il vrai? Cette diminution est-elle la suite de la loi de Pierre l-er, qui fixe l'âge des voeux à 30 ans pour les homme, à 50 pour les femmes?

3. L'entrée de la Russie a été défendue aux Juifs en 1764; puis cette défense fut abrogé. Y a-t-il ici des Juifs?

S'il y en a, à quelles conditions? Sont-ils traités comme les autres étrangers? Et combien y a-t-il à peu près de Juifs?

4. Les auteurs distribuent les habitans de la Russie en quatre classes: l'église, la noblesse, les odnodworzi ou hommes libres, et les paysans. Cette distribution est-elle exacte?

Quelle est la population calculée d'après les classes?

5. Les auteurs disent que les marchands étrangers éprouvent beaucoup de difficultés à s'établir en Russie et beaucoup d'embarras et d'obstacles dans l'exercice de leur commerce. Cela est-il vrai? D'où cela vient-il, si cela est? Pense-t-on à faire cesser ces abus?

---

[1]) Русскій Архивъ, 1880, III, 1.

PROPRIÉTÉS DE TERRES ET AGRICULTURE.

1. La noblesse est-elle seule propriétaire des terres? Y a-t-il des biens nobles et des biens roturiers?

2. Quels sont les privilèges des propriétaires des terres?

3. Quelles sont les conditions entre le maître et l'esclave pour la culture des terres?

4. La servitude des cultivateurs n'influe-t-elle pas sur la culture? Ce défaut de propriété dans les paysans ne produit-il point de mauvais effet?

5. A quel denier se vendent les terres ou à combien d'années du revenu est égal le capital, fonds, ou la somme nécessaire pour l'achat d'une terre?

Grains.

1. A combien évalue-t-on la production annuelle en grains de toute la Russie? Cela est-il sçu année commune?

2. Par un édit de 1762 l'exportation chez l'étranger des grains est permise; par un édit de 1766 les grains sont affranchis de tout droit de sortie. Ces deux lois sont elles en vigueur?

3. La circulation des denrées, de quelque nature qu'elles soient, dans l'intérieur, est-elle libre ou soumise à des droits et des formalités?

4. Quelle est l'administration générale du commerce des grains?

5. L'importation des blés étrangers est-elle permise et sous quelle réserve?

6. Le prix du pain est-il taxé dans tout l'Empire? A Pétersbourg? A Moscou?

7. Le peuple est-il dans l'usage de cuire son pain?

Vins.

1. Ya-t-il quelques provinces méridionales de l'Empire où la vigne soit cultivée?

2. En quel état est cette culture et quel en est le produit?

3. De quels droits sont-ils chargés?

4. Y a-t-il des règlemens pour le commerce des vins soit en gros, soit en détail, et quels sont-ils?

Eaux de vie.

1. Ne distille-t-on point d'eau de vie de grains? Quelle quantité annuellement?

2. Y a-t-il quelques lois relatives à cette fabrication, et quelles sont elles?

Huiles.

1. Quelle qnantité d'huile tirez-vous de l'étranger, et d'où la tirez-vous?

2. De quelles importations les huiles sont-elles chargées à leur entrée?

Chanvre et lin.

1. Dans quelles provinces la culture du chanvre et du lin est-elle le plus en vigueur?

2. A quoi se monte le produit annuel?

3. Quelle quantité l'étranger en tire-t-il?

4. A quels ouvrages, et ne quels endroits s'employe le restant?

Tabac.

1. On ne parle que du tabac d'Astracan. N'en cultive-t-on point en Ukraïne? N'en sort-il point du pays pour l'étranger?

2. Par un édit de 1749, la vente du tabac en rouleau et haché a été mise en ferme, et la vente du tabac en poudre et à râper a été déclarée libre; n'y a-t-il point de changement à cet égard?

3. A quel prix et à quelles conditions cette ferme a-t-elle été donnée en 1749? Si elle subsiste, quel est son prix et quelles sont ses conditions?

4. De quels pays la ferme ou autre possession de cette branche de commerce tire-t-elle ses tabacs et on quelle qualité?

5. A combien se montent les ventes annuelles du tabac?

6. Les tabacs en poudre et à râper dont le commerce est libre, sont-ils du cru seul de la Russie, ou les tire-t-on de l'étranger, et dans ce dernier cas, d'où viennent-ils et en quelle quantité par année?

7. Quels droits le tabac étranger paye-t-il à l'entrée?

Bois.

1. Quelles sont les provinces qui fournissent les bois de construction, les mâts, les planches?

2. Comment s'en fait le charroi pour les rendre dans les ports de Russie?

3. On lit que la sortie des bois est défendue à Narva et permise à Pernaw. D'où vient cette distinction? Subsiste-t-elle toujours?

4. Quelle quantité de chaque sorte des bois sort-il annuellement des ports de Russie?

5. Y a-t-il des règlemens généraux pour la coupe des bois? Quels sont-ils?

6. Y a-t-il un grand maître des eaux et forêts? Une justice? Des gardes et des officiers?

7. De quels droits les différents bois de construction sont chargés à la sortie de la Russie?

Poix, Goudron, Bray.

1. Quelles provinces fournissent la poix, le goudron et le bray?

2. Quelle quantité en sort-il année commune?

3. Quels droits ces différentes matières payent-elles?

Rhubarbe.

1. De quelle contrée de la Sibérie vient la rhubarbe que l'on appelle de Moscovie?

2. Ce commerce appartient-il exclusivement à la Souveraine?

Nous ne savons rien, ni sur sa récolte, ni sur son transport, ni sur sa vente.

Bestiaux.

1. Dans les provinces méridionales ne s'adonne-t-on pas à l'éducation des bestiaux?

2. Quel commerce en font-elles avec les provinces du Nord de l'Empire?

3. La quantité qu'elles en fournissent est-elle suffisante à la consommation de l'Empire?

4. Ou en tire-t-elle de royaumes voisins et en quelle quantité?

5. Dans les provinces où l'on s'adonne à la culture des terres, quels sont les animaux que l'on employe pour le labourage?

6. Les viandes salées qui se consomment en Russie, sont-elles du pays, ou viennent-elles de l'étranger?

7. Quelle quantité les étrangers en portent-ils années communes?

8. Quels sont les droits à l'entrée des bestiaux et des chairs salées?

Chevaux.

9. On lit que l'on a fait des efforts pour former de bons haras, mais qu'ils on été infructueux. Quelle est la cause du défaut des haras?

10. Avez vous des écoles vétérinaires?

11. De quels pays voisins la Russie tire-t-elle des chevaux? Et en quel nombre années communes? Quels sont les droits d'entrée?

Laine.

1. Dans les provinces méridionales où l'on présume que l'on élève des bestiaux, les laines doivent être un objet de commerce; sait-on à peu près la quantité qu'on en recueille?

2. Sont-elles employées dans les manufactures du pays ou les transporte-t-on dans les pays voisins?

Soye.

1. Dans quelles provinces recueille-t-on de la soye et en quelle quantité?

2. Se consomme-t-elle dans les manufactures de pays ou passe-t-elle à l'étranger?

3. La culture du mûrier a-t-elle pris accroissement depuis quelques années?

4. Y a-t-il l'encouragement des sommes avancées par le gouvernement?

5. Quels droits la soye paye-t-elle à la sortie?

Miel et cire.

1. Quelles sont les provinces où l'on recueille le plus de miel et de cire?

2. Y a-t-il assez de miel pour la consommation de l'empire?

3. En sort-il? Par quels ports? Pour quels pays? Quels droits à la sortie?

Pelleteries.

1. Le commerce des pelleteries est-il libre, ou appartient-il à la Souveraine?

2. A quelle quantité l'exportation annuelle en est-elle évaluée?

3. Quels droits paye-t-elle à la sortie?

Cuirs.

1. La sortie des cuirs verts est-elle permise?

2. Quelle quantité en sort-il annuellement?

3. Où sont établies les meilleurs fabriques pour la préperation des cuirs noirs et rouges que l'on nomme roussi?

4. Quelle en est l'exportation année commune?

5. Quels droits payent-ils à la sortie?

22.

Графу Э. Б. Миниху [1]).

(Au comte de Munich).

Le 31 janvier 1774.

Monsieur le comte,

Voilà les principales questions sur lesquelles je vous supplie de m'instruire. Quand vous m'aurez appris ce que vous en savez, personne n'en saura plus que moi. Pardonnez cette importunité à un étranger qui voudroit bien ne pas s'en retourner tout à fait ignorant. Songez que je serai assailli d'enterrogations, et qu'il faudra pourtant satisfaire à quelques-unes. Si vous aviez écrit quelque chose sur l'administration politique, civile, militaire etc. et que vous m'estimassiez assez pour me confier vos réflexions, je vous jure que je n'aurai aucune répugnance à me parer de vos plumes.

Je suis etc.

Questions renvoyées par Sa Majesté Impériale à M. le comte de Munich:

1. A combien peut s'évaluer la production annuelle en grains de toute la Russie [2]). Cela se sait-il?

---

[1]) Diderot, XX, 45. Русскій Архивъ, 1878, III, 409. [2]) Année commune. P. A.

2. A combien peut s'évaluer le produit annuel du chanvre et du lin, année commune?

3. Quelle quantité l'étranger en tire-t-il?

4. Sur les détails du tabac, renvoyé à M. le comte de Munich.

5. Quel était le prix du bail de la douane en 1749?

6. Quelle quantité de chaque sorte de bois sort-il annuellement des forêts de Russie?

7. Sur la poix, le goudron et le brai, renvoyé à M. le comte de Munich.

8. Ce qu'il pourra savoir sur la production, la manière de recueillir [1]), le transport et la rente [2]) de la rhubarbe.

9. Quelle est la quantité de chevaux tirés de l'étranger, année commune?

10. Ce qu'il saura [3]) sur le commerce du miel et de la cire?

11. La quantité de l'exportation annuelle des poteries [4]) et des cuirs. Celle des cuirs verts est-elle permise?

12. La population approché [5]) de l'empire, de Pétersbourg, de Moscou, des principales villes de l'empire.

13. Je lui serai bien obligé de me débrouiller le dédale du commerce des eaux-de-vie.

14. Quelle quantité d'huile tirée de l'étranger, année commune?

15. A combien s'évalue l'exportation du poisson et du caviar, année commune?

16. Quel est le rapport du salaire du journalier au prix des denrées nécessaires ou combien un ouvrier journalier pourrait-il acheter de pain avec son salaire?

---

[1]) recue [2]) vente [3]) sait [4]) pelleteries [5]) à peu près

Ce que vaut la livre du pain qu'il mange?

17. Que paye-t-on pour avoir le droit d'exercer librement son métier de tailleur, de perruquier etc. et à qui ce droit se paye-t-il?

18. Saurait-on à peu près le nombre des métiers-battants de l'empire?

19. Où sont les fabriques de savon?

20. Y a-t-il plusieurs manufactures de glaces?

Où en est celle qui a été établie par Pierre le Grand?

21. A-t-on des métiers à bas [1])?

22. Quel est le salaire des matelots? Quel est le fret? Quel est le cabotage de port à port? Emploie-t-il beaucoup de navires?

23. Y a-t-il quelques banques ou compagnies d'assurances?

Quel est le cours dans les temps de paix?

Y a-t-il quelques usages de jurisprudence sur ce point?

24. Sa Majesté Impériale prie (oui, prie) M. le comte de Munich de tâcher de me trouver [2]) un tableau le plus complet qu'il se pourra [3]): des poids et mesure, longueur, largeur et profondeur, itinéraires, de solide, de fluide, etc.

25. Même prière pour les monnaies (autre tableau). Ses expèces d'or et d'argent, leur titre ou grain de fin [4]).

26. Quel est le revenu total de l'empire?

27. Quel est la dette publique?

---

[1]) Опущено. [2]) procurer [3]) peut [4]) Опущено: leur titre ou grain de fin.

28. Pour combien de papier?

29. Comment et où se fait l'échange des éspèces étrangères? Y a-t-il des changeurs en titre et privilégiés?

30. Les tributaires de la couronne payent-ils en argent ou en denrées?

Si en denrées, que deviennent-elles?

Императрицѣ Екатеринѣ II [1]).

(A l'Impératrice Catherine II).

23.

Madame,

Vous m'avez défendu les adieux. Il faut se conformer à vos ordres, et vous épargner le spectacle d'une grande peine. Oui, madame, d'une grande peine; car une chose que je puis assurer a Votre Maj., parce que je la sens, c'est due je ne me suis point arraché du sein de ma famille, pour venir lui présenter ma reconnoissance et mon hommage, avec plus de douleur que je n'en eprouve à m'eloigner d'elle. Non, jamais des parents et des amis n'ont obtenu et n'obtiendront une marque plus forte d'attachement et de tendresse que celle que je donne aux miens, en retournant à eux.

Je m'en retourne comblé des bontés de votre Maj. et rempli d'admiration pour ses rares qualités. Combien je serois vain de l'acueil dont elle m'a honoré, si je ne

[1]) Государственный Архивъ, V, № 159. Сборникъ, XXXIII, 503 sqq.

le rappórtois tout entier a ce caractere d'indulgence propre à la divinité, qui juge moins les hommes sur ce qu'ils sont que sur ce qu'ils voudroient être, et devant la quelle les vertus du coeur sont aussi précieuses que les dons du génie.

Toute ma vie, je me féliciterai du voyage de Petersbourg. Toute ma vie, je me rappellerai ces moments où Votre Maj. oublioit la distance infinie qui me séparoit d'elle, et ne dédaignoit pas de s'abbaisser jusqu'a moi pour me dérober ma petitesse. Je brule du desir d'en entretenir mes compatriotes; et ce plaisir dont je jouis par anticipation tempere un peu l'amertume de ce moment. Pour me consoler, je me dis: «si tu cesses de voir la grande Souveraine, tu auras du moins la satisfaction d'en parler souvent», et il me semble en effet que je soufre moins.

Mais apres avoir parlé de vous, Madame, Votre Maj., qui est la justice même, ne me pardonneroit pas de garder le silence sur les politesses sans nombre que j'ai reçues de presque tous les seigneurs de sa cour. Lors qu'on m'aura entendu, peut-être soupçonnera-t-on que celui qui, de retour dans ses foyers, médit de cette contrée n'avoit aucune des vertus qui pouvoient le recommander a vos sujets. Pour moi, j'avoue que l'on m'a rendu, partout où je me suis montré, fort au-dela du peu que je valois; et s'il m'arrive de changer de discours, je consens d'etre rangé dans la derniere classe des ingrats.

Je réitere à Votre Maj. mes voeux les plus ardents pour sa santé et pour sa prosperité: puisse-t-elle n'aller causer avec son ami Cæsar qu'a l'age de quatre-vingts ans, comme elle me l'a promis; elle a d'autant moins de raison de se presser que Cæsar ne lui aprendra rien.

Je ne demande pour elle au destin qu'un peu d'equité. S'il m'exauce, l'histoire, qui ne nous offre dans le passé aucune femme aussi surprenante que Catherine, n'offrira a nos neveux l'exemple d'aucune souveraine plus heureuse qu'elle.

Madame, ne vous y trompez pas: vous valez infiniment mieux que votre heros. Vous avez tout son genie, et lui n'a rien de votre bonté. La posterité, qui parlera de tous deux, vous admirera et vous louera sans restriction; et son eloge est des a present accompagné et flétri d'une longue suite de *mais*.

Si l'on scavoit en quel endroit réside la couvée des Frédéricks, l'homme de bien en iroit casser tous les œufs, et il se presseroit de faire éclore les Catherines.

J'avois l'esperance de revoir Votre Maj. dans cinq ou six ans au plus tard; mais cet honnete homme qui, entre mille excellentes qualités, a le défaut, si c'en est un, d'osciller sans cesse entre le oui et le non, n'y consent pas, et nous lui devrions tous les deux un remersiement: Votre Maj., dont il refuse un present de quarante mille roubles; moi, a qui il restitue l'offre d'un travail de douze ans. L'Encyclopedie ne se refera pas, et ma belle dedicace restera dans ma tête; car quelle apparence que votre Sphinx et moi, n'ayant pu nous arranger en cinq mois de tems, l'un a coté de l'autre, nous nous arrangions mieux a la distance de huit-cents lieues.

J'en dis ce mot a Votre Maj., a qui je ne veux pas laisser le moindre soupçon defavorable. J'ai senti toute l'etendue de ma promesse. Je la sens, et je persiste. Ma piramide, qui est tout a fait sur le coté, se relevera au moindre signe de Votre Maj.

Je passerai trois mois a la Haye auprès du prince Dimitry, votre ministre et mon ami. Ces trois mois seront employés a publier les reglements de ce grand nombre d'etablissemens dont la création sera aussi honorable a votre regne que la durée en seroit utile a tout votre empire.

Votre Maj. ne me chargera-t-elle d'aucun ordre pour son ministre a la Haye, et me permettra-t-elle [1]) de lui representer que le prince Dimitry est un de ses sujets les plus zélés et de ses plus fideles serviteurs; qu'il n'a pas une goute de sang dans les veines qu'il ne repandit volontiers pour son service; qu'il lui a donné en toute circonstance les marques les moins equivoques de son entier dévouement; qu'il est actif, intelligent, laborieux et honnête; qu'il a des enfants et qu'il n'est pas riche, et qu'il espere de sa bienveillance qu'elle le mettra ou niveau des autres ministres, et de mon amitié que j'oserai l'en solliciter.

Madame, et mon pauvre Narichkin? Et cette dette que Votre Maj. m'a si positivement promis d'acquitter?

Et puis je demande mille pardon a Votre Maj. de l'opiniatreté inouie avec la quelle je lui ai fait eprouver, depuis que je suis a Petersbourg, les inconvenients de la bonté.

Je suis avec le plus profond respect de Votre Maj. Imp. le plus humble et le plus dévoué serviteur.

Diderot.

à St. Pétersb. 22 (11) février 1774.

---

1) Опущено: d'aucun ordre pour son ministre a la Haye, et me permettra-t-elle.

*

24.

Madame,

Je souhaite que tout réussisse aussi parfaitement a Votre Maj. Imp. que le soin qu'elle n'a pas dedaigné de prendre pour le succès de notre voyage. Partis de St. Petersbourg le cinq du mois de mars, au soir, nous sommes arrivés a la Haye le cinq du mois d'avril, au matin. Nous avous eu le tems le plus favorable, les plus beaux chemins, et nous jouissons de la meilleure santé. Nous n'aurions pas arrangé la saison autrement qu'elle s'est arrangée d'elle-meme, quand elle auroit été soumise a nos ordres. Un froid tres vif et des neiges tres abondantes jusqu'a Riga. De Riga jusqu'ici des nuits sévères et des journées plutôt d'été que de printems; et ce dont je remercierois presqu'aussi volontiers la providence, si elle se soucioit un peu de nos remerciemens, assez de ces evenemens facheux qui font les beaux regnes et les voyages interessants, comme des trous ou l'on tombe et où l'on est menacé de passer la nuit; des hôtes maussades, de mauvais gîtes, des voitures fracassées; de tems en tems de ces pas dangereux ou l'on apprend a se connoîtré soi-même, et où l'on peut montrer une ame grande et forte, quand on l'a reçue de la nature. Il est si doux d'en etre sorti; on s'en souvient avec tant de plaisir; on en parle si longtems et avec tant de satisfaction, qu'a regarder les choses de près, les moments perilleux de notre vie ne sont presque jamais ceux que nous en voudrions effacer. Je suis bien sure d'ecrire ici l'histoire de l'ame de Votre Majesté.

C'est l'aventure de Miltinkruck qui m'a valu l'admiration de monsieur Bala. Il s'est bien promis d'entretenir Votre Majesté Imp. de l'heroisme que je montrai au moment de la rupture de cette belle et commode voiture que vous aviez ordonnée, et au passage a jamais memorable de la *Dowind*, moment ou la voix harmonieuse du poete se mêla au fracas de la glace a demifondue qui s'entrouvroit sous ses pas. J'ai moi-meme chanté ce moment; et voici mon chant:

O toi dont le cri poetique,
perçant la profondeur des flots,
dans les goufres de la Baltique
arracha Neptune au repos,
Muse, d'une gloire immortelle
si ce grand jour te couronna,
viens, un nouveau laurier t'apelle
au trajet de la Dovina.

Mais ce ton pompeux t'en impose;
he bien, Muse, plus simplement
daigne me dicter seulement
quelques vers qui peignent la chose,
mais si bien, mais si fortement
que l'amitié frissonne pour ma vie;
que de ses bras je me sente pressé,
et qu'en m'ecoutant, elle oublie
qu'il s'agit d'un peril passé.

J'allois continuer, mais je me suis rapellé que Votre Najesté n'aimoit pas les vers, a moins qu'ils ne fussent de Racine ou de Voltaire; et qui est-ce qui en scait faire comme cela! Je previens Votre Maj. Imp. que le secret en est perdu en France.

J'ai mille remerciements a faire a Votre Maj. du conducteur qu'elle a bien voulu me choisir. C'est un tres

galant homme, tres aimable, tres indulgent et tres instruit, avec lequel on peut causer histoire, politique, gouvernement, lois, poesie, comme nous avons fait, et puis beaucoup d'amour et un peu de religion. Il est jeune, et je ne le suis plus, aussi j'en etois reduit a payer ses folies d'hier en vieille monnoye. Il me disoit hier: le chemin m'a paru si court que j'ai toute la peine du monde a me persuader que nous soions arrivés. Làdessus Votre Maj. Imp. jugera que monsieur Bala n'est pas homme a se lasser promptement d'avoir des attentions et qu'il ne lui en pas beaucoup couté pour pardonner au vieil enfant sa petulance. Mr. Bala est peutetre un ami solide que je devrai à Votre Majesté. Je serois très flaté qu'il lui parlât de moi, comme je pense et lui parle de lui.

Chemin faisant, j'ai perdu mon Horace et ma verve; c'est, je crois, dans la Courlande. Sans cet accident, Votre Maj. auroit pardonné a mes mauvais vers, en faveur de la morale charmante de l'ami de Mecene [1] et du plus dangereux courtisan d'Auguste; et elle auroit eu en entier la piece dont voici le commencement:

J'ai fait des voeux aussi, mais ils etoient bornés,
un jardin, un ruisseau, quelques champs terminés
par un bout de forêt, et mon ame remplie
cédoit avec dédain le reste a la folie.
Les dieux m'ont exaucé. Catherine et les dieux
m'accorderent un jour ces biens et beaucoup mieux.
S'il arrive, o Destin, que ma voix t'importune,
C'est pour me conserver ma petite fortune.
Laisse-moi ce que j'ai. C'est assez si j'ai vu
Le dernier de decembre a mon dernier ecu.

---

[1]) de Mécène замѣнено *du mieux*. Ср. Voltaire, LXXXVIII, 89.

Les moments où monsieur Bala dormoit, ont fait eclore beaucoup d'autres bagatelles que je n'ai garde d'envoyer à Votre Maj. Imp. Je suis sur qu'elle ne me pardonneroit jamais le paralelle de César et de Frederick.

J'attends avec impatience notre bagage que nous avons envoyé a Amsterdam par le chariot de poste, pour me livrer serieusement a l'edition des Reglements de ces sages etablissemens dont la durée changera necessairement la face de l'empire en preparant aux epoux des moitiés, et aux femmes des maris qui sentiront les avantages de la bonne education qu'ils auront reçue et qui desireront que leurs enfans soient elevés comme eux.

Sorti de cette occupation, je tacherai de satisfaire de mon mieux aux differentes commissions dont votre Maj. Imp. m'a honoré.

Au moment ou j'allois fermer ma lettre, j'en reçois une du docteur Clerc, qui me feroit presqu' espérer le bonheur que je desirois, de consacrer à Votre Maj. Imp. le reste de ma vie, en preparant une nouvelle edition de l'Encyclopedie; ainsi soit-il.

Je suis encore à trois mois de ma patrie, et c'est un long intervalle pour un homme qu'on accablera de questions, aux quelles il aura tant de plaisir a repondre. He bien, vous avez donc eu l'honneur d'aprocher Sa Maj. Imp?.. Tres assurément... De la voir beaucoup?... Beaucoup... C'est une grande souveraine?... Tres grande... Et la figure? et l'esprit? et le caractere?... Jugez, Madame, jusqu'ou ce texte me menera. Ah, si je pouvois me rappeler tout ce que la presence de Votre Majesté m'a fait sentir! Mais je ferai de mon mieux; pour les

emerveiller il ne s'agit que d'être vrai, et j'en ai l'habitude.

J'oubliois de dire a Votre Majesté que j'ai été un peu piqué que mon compagnon de voyage vous connut aussi bien que moi, et parlat de vous avec la meme chaleur; c'est un deplaisir que j'aurai souvent et auquel je ne me ferai jamais. Toute ma vie, je serai jaloux de celui qui aura la pretention de parler de vous mieux que moi.

Je me prosterne d'ici vers le nord; je reitere a votre Maj. Imp. mon action de grace de toutes ses bontés; et je mouille encore sa main de mes larmes.

Je suis avec le respect le plus profond de Votre Majesté Imp. le plus humble et le plus devoué serviteur

Diderot.

à la Haye, ce 8 avril 1774.

Votre Maj. Imp. auroit-elle la bonté d'ordonner a Grimm de me dire un mot de sa santé?

25.

Дѣвицѣ Волланъ [1]).

(A Mademoiselle Volland).

La Haye, le 8 april 1774.

Mesdames et bonnes amies,

Après avoir fait sept cents lieues en vingt-deux jours, je suis arrivé à La Haye, le 5 de ce mois, jouis-

[1]) Diderot, XVIII, 83. Вяземскій, V, 203.

sant d'une très bonne santé, et moins fatigué de cette énorme route que je ne l'ai quelquefois été d'une promenade. Je vous reviens comblé d'honneurs. Si j'avais voulu puiser à pleines mains dans la cassette impériale, je crois que j'en aurais été fort le maître; mais j'ai mieux aimé faire taire les médisants de Pétersbourg et me faire croire des incrédules de Paris. Toutes ces idées qui remplissaient ma tête en sortant de Paris se sont évanouies pendant la première nuit que j'ai passé à Pétersbourg. Ma conduite en est devenue plus honnête et plus haute. N'espérant rien et ne craignant rien, j'ai pu parler comme il me plaisait. Quand aurons nous la douceur de nous revoir? Peut-être sous quinzaine; peut-être aussi beaucoup plus tard. L'impératrice m'a chargé de l'edition des Réglements de ses nombreux et utiles établissements. Si le libraire hollandais est un arabe, à son ordinaire, je le plante là, et je viens imprimer à Paris. Si j'en puis obtenir un traitement raisonnable, je reste jusqu'à la fin de cette tâche qui ne sera pas pourtant éternelle. Quoique la saison ait été si belle que, soumise à nos ordres, elle ne l'aurait pas été davantage; que nous ayons eu les plus belles journées et les routes les meilleures, cela n'a pas empêché que nous n'ayons laissé en chemin quatre voitures fracassées. Quand je me rappelle le passage de la Dwina à Riga, sur des glaces entr'ouvertes d'ou l'eau jaillissait autour de nous, qui s'abaissaient et s'élevaient sous le poids de notre voiture,et craquaient de tous côtés, je fremis encore de ce péril. J'ai pensé me briser un bras et une épaule en passant dans un bac à Mittau où une trentaine d'hommes étaient occupés à porter en l'air notre voiture au hasard de tomber et de nous précipiter tous pêle-

mêle dans la rivière. Nous avons été forcés à Hambourg d'envoyer nos malles à Amsterdam, par un chariot de poste; une voiture un peu chargée n'aurait jamais resisté à la difficulté des chemins.

Je suis chez le prince de Galitzin, dont vous pouvez concevoir la joie en me revoyant par celle que vous ressentirez ou un peu plus tôt ou un peu plus tard.

Je crois déjà vous avoir dit qu'après m'avoir fait l'accueil le plus doux, permis l'entrée de son cabinet tous les jours depuis trois heures jusqu'à cinq au six, l'impératrice a bien voulu souscrire à toutes les demandes que je lui ai faites en prenant congé d'elle: je lui ai demandé de satisfaire aux dépenses de mon voyage, de mon séjour et de mon retour, lui faisant remarquer qu'un philosophe ne voyageait pas en grand seigneur; elle me l'a accordé; je lui ai demandé une bagatelle qui tirait tout son prix d'avoir été à son usage; elle me l'a accordée, et accordée avec une grâce et de marque du l'estime la plus distinguée. Je vous raconterai cela, si ce n'est pas déjà une affaire faite. Je lui ai demandé un des officiers de sa cour pour me remettre sain et sauf où je désirerais, et elle me l'a accordé, ordonnant elle même la voiture et tous les apprêts de mon voyage.

Mesdames et bonnes amies, je vous jure que cet intervalle de ma vie a été le plus satisfaisant qu'il était possible pour l'amour propre. Oh! parbleu, il faudra bien que vous m'en croyiez sur ce que je vous dirai de cette femme extraordinaire! Car mon éloge n'aura pas été payé, et ne sortira pas d'une bouche vénale. Je vous salue, vous embrasse, et vous présente mon tendre respect. Vous êtes bien injustes si vous ne croyez pas que

je vous rapporte les mêmes sentiments que j'avais en me séparant de vous; ce n'est pas mon coeur, ce seront vos âmes qui seront changées.

Je présente mon respect à M-me Bouchard. Si vous voyez M. Gaschon, rappelez moi à son souvenir. Mademoiselle, je vous embrasse de tout mon coeur. Mais: est-ce que votre santé n'est pas rétablie?

26.

Доктору Н. Клерку [1].

(Au docteur Clerc).

A La Haye, ce 8 april 1774.

Monsieur et cher docteur,

Je viens de recevoir votre charmante lettre. Je n'ai le temps que d'y répondre deux mots.

Nous avons fait le voyage le plus heureux; des soirées et des matinées très-froides, des journées de printemps, et des routes préparées tout-exprès. Vous connaissez ces bâtons mis les uns à côté des autres et qui forment les grands chemins. Eh bien! la Providence, qui aime ses bons serviteurs, avait l'attention de les couvrir toutes les nuits d'un matelats de duvet, de l'épaisseur d'un bon pied et demi.

Tout cela ne nous a pas empêché de briser deux ou trois voitures. Nous avons fait gaiement sept cents lieues en vingt-deux jours.

---

[1]) Diderot, XX, 48.

A Hambourg nous avons fait partir nos bagages par un chariot de poste pour Amsterdam, d'où ils ne nous parviendront à La-Haye que sous deux ou trois jours. C'est alors que je mets les fers au feu, et que je m'occupe de votre affaire, comme j'attendrais de votre amitié qu'elle s'occupât de la mienne. Je suis encore à trois mois de mon pays, ou je n'en suis plus qu'à huit jours; c'est selon que je trouverai le libraire hollandais plus au moins arabe.

Dites, je vous prie, à M. le général que, de ses trois conditions, la plus difficile à remplir est celle où il m'impose la dure loi de parler de lui avec l'économie qu'il exige. Il faudra que je me tienne à deux mains. Je me conformerai pourtant à ces intentions.

Quant à l'article des gouvernements, il y aurait bien de la folie à parler mal de celui d'un pays où l'on se propose de passer le reste de sa vie; sans compter que je suis bon français, nullement frondeur, et que la nature de l'ouvrage ne comporte que des textes généraux, comme Monarchie, Oligarchie, Aristocratie, Démocratie, etc., textes sur lesquels on peut prêcher à sa fantaisie, et cela, sans offenser ni se compromettre.

L'affaire des religions est purement historique. J'en chargerai un habile docteur de Sorbonne que j'empêcherai d'être ni fou, ni intolérant, ni atroce, ni plat.

En lui présentant mon respect, vous aurez la bonté de lui lire ce paragraphe de mon billet, de le remercier du mot obligeant qu'il a écrit de moi au prince de Galitzin, et de l'assurer de ma reconnaissance et de mon éternelle vénération.

Si M-lle Anastasia voulait vous permettre de l'embrasser pour moi, mais comme je l'embrassais lorsque

nous étions en gaieté, dans le cou, entendez-vous, docteur, à côté de l'oreille, parceque cela fait plaisir; cette commission ne vous chagrinerait pas, n'est-ce pas? je vous la donne donc avec la parmission de M-me Clerc.

Ne me laissez pas oublier de M. le comte de Munich. Toute les fois que je voudrai me faire une juste image de la sagesse, de la modération, de la raison, je penserai à lui.

J'accepte de baisers sterling de M-me Clerc, à condition que ce ne soit pas un don gratuit, et que je m'acquitterai tôt ou tard avec elle en même monnaie, ou que vous paierez Sońica pour moi; mais n'y mettez rien de plus, parce que cela fait mal.

Mais, mon cher docteur, savez-vous qu'arrivé à Riga, il faisait le plus beau temps et le plus beau ciel; savez-vous que nous n'avions aucune garantie de la Providence que ce beau temps et ce beau ciel dureraient?

Savez-vous qu'un délai de vingt-quatre heures pouvait nous attirer deux mois de retard, des peines infinies et des dangers sans nombre? Savez-vous que les glaces de la Douïna s'ébranlaient sous les pas de nos chevaux; savez-vous qu'elles étaient entr'ouvertes de tous côtés; savez-vous que ce passage est un des plus grands dangers que j'aie jamais courus?

Bonjour, monsieur et très aimable docteur, ne me grondez pas de ne vous avoir point fait d'adieux; je n'en ai fait à aucun de ceux que j'aimais.

Lorsque vous verrez M. Devrain, témoignez lui toute l'estime que son esprit, son talent, son caractère honnête, doux et charmant, m'on inspirée; chargez-le de mon respect pour M. Durand.

Ne m'oubliez pas auprès de M-me et de M-lle Lafond, et de leurs charmantes élèves que je respecte toutes.

S'il y a quelques hônnetes gens qui me veuillent du bien et que je ne me rappelle pas, ayez la bonté d'y suppléer. Je ratifie tout ce que vous leur direz de ma part.

J'attendrai avec votre envoi, ou celui de M. le général, par les premiers vaisseaux, toutes les choses que vous me promettez; n'y manquez pas, monsieur et cher docteur, je n'ai pas le moindre pudeur avec vous. J'accepte tout.

Bonjour, bonjour, monsieur et cher docteur, je vous embrasse, vous et madame, conjointement et séparément.

J'écrirai à M. le général Betzky l'ordinaire prochain.

Et monsieur le vice-chancelier donc? Est-ce que vous ne lui direz rien de moi? C'est un des hommes les plus honnêtes et les plus aimables, non pas de la Russie seulement, mais du monde entier policé.

27.

Госпожѣ Дидро [1]).

(A Madame Diderot).

La Haye, ce 9 april 1774.

Chère amie,

Je suis arrivé à La Haye le 5 de ce mois, après avoir fait environ sept cents lieues en vingt-deux jours.

[1]) Государственный Архивъ, XI, № 1,051. Diderot, XX, 51. «Истор. Вѣстн.», III, 412.

Le prince et la princesse m'attendaient avec impatience et m'ont reçu avec des démonstrations de l'amitié la plus vraie et la plus touchante. Dans quatre jours d'ici je serais à côté de toi, si la fantaisie m'en prenait un peu sérieusement; mais Sa Majesté impériale m'a chargé de publier ici les statues d'un grand nombre d'établissements qu'elle a formés pour le bonheur de ses sujets, et il faut s'acquiter de cette commission. Si le libraire hollandais est un arabe, comme il a coutume d'être, je pars incessament pour Paris; si je peux l'ammener à quelque condition raisonnable, je reste. Je ne sais pas encore en quoi m'en tenir sur les frais de mon retour. J'attendrai, pour m'en expliquer avec mon conducteur, qu'il ait fait en Hollande sa tournée et qu'il revienne à La Haye.

La veille de mon départ de Pétersbourg, Sa Majesté Impériale me fit remettre trois sacs de mille roubles chacun. J'allai chez notre ministre à sa cour échanger cet argent du pays contre un billet payable en France. L'escompte, qui est trés-fort, surtout dans ce moment, à Pétersbourg, a réduit ces trois mille rouble a douze mille six cents livres de notre monnaie. Si je prends sur cette somme la valeur d'une plaque en émail et de deux tableaux d'on j'ai fait présent à l'impératrice, les frais de mon retour et les présents qu'il est honnête que nous fassions aux Narishkin, qui ont eu tant de bontés pour moi, qui m'ont traité comme un de leurs frères, et qui m'ont logé, nourri, defrayé de tout pendant cinq mois, ils nous restera cinq à six mille francs, peut-être même un peu moins; mais je ne saurais me persuader que ce soit tout ce que nous avons à attendre d'une souveraine qui est la générosité même; pour laquelle j'ai fait dans

un âge assez avancé, plus de quinze cents lieues, qui n'a pas dédaigné un présent, et pour laquelle j'ai travaillé de toutes les manières possibles, presque nuit et jour, pendant cinq mois de temps: aussi mon conducteur m'a-t-il insinué le contraire. Quand les choses resteraient comme elles sont, je n'aurais pas à me plaindre. Elle m'a si généreusement traité auparavant, qu'il n'y aurait qu'une avidité insatiable qui m'en ferait exiger davantage; cependant il faut attendre, et même assez longtems, avant que de rien prononcer. Ella sait que ses dons ne m'ont pas enrichi, et je suis sûr qu'elle a de l'estime, j'oserais même dire de l'amitié pour moi. Je lui avais autrefois proposé de refaire l'*Encyclopédie* pour elle; elle est revenue d'elle même sur ce projet qui lui plaisait, car tout ce qui a un caractère de grandeur l'entraîne. Après avoir discuté avec elle ce qui concerne sa gloire, elle m'a renvoyé par devant un de ses ministres pour la chose d'intérêt. Tout s'est arrangé entre ce ministre et moi; et au moment où je t'écris, ce ministre me fait dire qu'incessamant il me fera passer les fonds pour aller en avant. Ces fonds seront très-considérables. Il ne s'agit pas moins que de quarante mille roubles, ou deux cent mille francs, dont nous aurions la rente en tout d'abord et ensuite en partie, à peu près pendant six ans; c'est à dire environ dix mille francs pendant les quinze mois suivants, cinq mille francs pendant les quinze mois suivants etc., ce qui, joint à notre revenu courant, arrangerait très-bien nos affaires. Mais il faut garder un profond silence là dessus: premièrement, parce que la chose, quoique vraisemblable, n'est pas sûre; secondement, c'est que, quand les fonds seraient arrivés, et que la chose serait sûre, il faudrait

encore s'en taire à cause de nos enfants, qui nous tourmenteraient pour avoir de nous de fonds qu'il faudrait regarder comme un dépôt sacré, et pour plusieurs autres raisons qui te viendront sans que je te les dise. Ainsi, bonne amie, prépare toi incessament à déménager. Je t'avertirai lorsqu'il en sera temps, afin que tu trouves un logement dans un quartier qui s'arrange avec cette affaire. Cette fois-ci, cette *Encyclopédie* me vaudra quelque chose et ne me causera aucun chagrin; car je travaillerai pour une cour étrangère, et sous la protection d'une souveraine. Le ministère de France n'y verra que la gloire et l'intérêt de la nation, et j'emploierai utilement pour toi, pour nos enfants, les dernières années de ma vie.

Outre mes petits présents et mon travail de Pétersbourg, Sa Majesté m'a honoré d'une multitude de commissions parmi lesquelles il y en a plusieurs qui disposeront de mon talent et de mon tems. En vérité, plus j'y pense, et moins je puis me persuader que cet te souveraine, qui est si grande en tout, me céde l'avantage sur elle dans cette occasion; car il faut que tu saches que c'est moi-même qui lui ai lié les mains et qui ai arrêté sa bienfaisance. Tu me demanderas pourquoi j'en ai usé de cette manière, et je vais te le dire. A peine fus-je arrivé à Pétersbourg, que des gueux écrivirent de Paris, et d'autres gueux répétèrent à Pétersbourg, que, sous prétexte de venir remercier les premiers bienfaits, j'en venais solliciter de nouveaux: cela me blessa, et à l'instant je me dis à moi-même, il faut que je ferme la bouche à cette canaille-la. Lors donc que j'allai prendre congé de Sa Majesté Impériale, je lui portai une espèce de supplique dans laquelle je lui disais

que je la priais instamment, et cela sous peine de flétrir mon coeur, de ne rien ajouter, mais rien du tout, à ses premières grâces. Elle m'en demanda la raison, comme je m'y attendais. «C'est, lui répondis-je, pour vos sujets et pour mes compatriotes: pour vos sujets, à qui je ne veux pas laisser croire ce qu'ils ont eu la bassesse de m'insinuer, que ce n'était pas la reconnaissance, mais un motif secret d'intérêt qui avait occasionné mon voyage; j'ai à coeur de les détromper là-dessus, et il faut que Votre Majesté ait la bonté de me seconder; pour mes compatriotes, auprès desquels, je veux conserver mon franc parler; il ne faut pas lorsque je leur dirai la vérité de Votre Majesté qu'ils croient entendre la voix de la reconnaissance qui est toujours suspecte. Il me sera plus doux, lorsque je ferai l'éloge de vos grandes qualités, d'en être cru, que d'avoir plus d'argent». Elle me répliqua: «Êtes-vous riche?»—Non, madame, lui dis-je; mais je suis content, ce qui vaut mieux.—«Que ferai-je donc pour vous?»—Beaucoup de choses; premièrement, Sa Majesté, qui ne voudrait pas m'ôter pour deux ou trois ans l'existence que je lui dois, acquittera les dépenses de mon voyage, de mon séjour et de mon retour, observant qu'un philosophe ne voyage pas en grande seigneur; et elle me répondit: «Combien voulez vous?»—Je crois que quinze cents roubles me suffiront.—«Je vous en donnerai trois mille».—Secondement, Votre Majesté m'accordera une bagatelle qui tire tout son prix d'avoir été à son usage.—«J'y consens, mais dites moi quelle est la bagatelle que vous desirez?» Je lui répondis: Votre tasse et votre soucoupe.—«Non, cela se casserait et vous en auriez du chagrin; je penserai à autre chose».—Troisièmement de m'accorder un de vos

officiers qui me reconduise et me remette sain et sauf dans mon foyer, ou plutôt à La Haye où je passerai trois mois pour le service de Votre Majesté.—«Cela sera fait».—Quatrièmement, de recourir à Votre Majestè en cas que je vinsse à être ruiné par les opérations du gouvernement, ou par quelque autre accident. Elle me répondit à cet article: «Mon ami (ce sont ses mots), comptez sur moi, vous me trouverez en toute occasion, en tout tems». Tu penses bien que cette bonté me fit pleurer à chaudes larmes, et elle presque aussi. Cette soirée fut de la plus grande douceur pour tous les deux: elle a dit à Grimm qu'elle vit après moi. Elle ajouta: «Mais vous partez donc incessamment?»—Si Votre Majesté le permet.—«Mais au lieu de vous en retourner, que ne faites-vous venir toute votre famille?»—Helas, madame, lui dis-je, ma femme est âgée et très-valétudinaire, et j'ai une belle-soeur qui touche à la quatre-vingtaine. Elle ne répliqua rien à cela.—«Quand partez-vous?»—Lorsque la saison le permettra.—«Ne me faites point d'adieux, parce que les adieux chagrinent». Assitôt elle ordonna une voiture à l'anglaise toute neuve, où je pourrais être assis ou couché comme dans un lit, et pourvut à tout ce qui tenait à la sûreté et à la commodité de mon voyage. Elle chercha parmi les officiers celui qui me convenait le mieux. Elle nomma pour me conduire un galant homme plein d'honnêteté, de connaissances et d'esprit. Je suis tenté de lui faire présent de ma montre, qu'en penses-tu? Il n'y a sorte d'attentions que cet homme, qui est du collége au bureau des colonies et de la chancellerie du prince Orlow, n'ait eues pour moi. Dis-moi ton avis là-dessus, je ferai ce que tu me conseilleras; ainsi, réponse sur le-champ. La veille de

mon départ, elle dit à Grimm: «Je suis enchantée, j'ai enfin découvert, à force d'y rêver, quelque chose qui aura été à mon usage, et qui fera plaisir à Diderot».

Le jour de mon départ, le matin, elle parut au milieu de sa cour avec une bague au doigt. Elle appela un de ses chambellans, et tirant cette bague de son doigt, elle dit à cet officier: «Tenez, prenez cette bague et portez-la de ma part à M. Diderot; dites-lui que je l'ai portée. C'est une bagatelle comme il me l'a demandée, mais je suis sûre que cette bagatelle lui fera plaisir». Cette bague était une pierre, pierre gravée, et cette pierre gravée était son portrait. Il faut que tu saches que quand je lui eus demandé la bagatelle à son usage, et nommé sa tasse et sa soucoupe, j'ajoutai: ou une pierre gravée. Elle repliqua: «Je n'en avais qu'une belle, et je l'ai donnée au prince Orlow». Je lui répondis: Il n'y a qu'à la redemander.—«Je ne redemande jamais ce que j'ai donné».—Quoi, madame, vous avez de ces scrupules-là entre amis? Elle sourit. Tiens, ma femme, j'ai peine à te continuer cette conversation, car je sens que mon âme s'embarasse. Cette femme-là est aussi bonne qu'elle est grande; car il faut que tu saches que le prince Orlow a été son favori: au reste elle avait fait un excellent choix, car c'est un homme plein d'élévation et il n'y a que ses quatre frères qui le vaillent; se sont eux qui l'ont mise sur le trône.

Voilà, ma bonne, comment on cause avec l'impératrice de Russie, et celle conversation que je viens de te rendre ressemble aux soixante autres qui l'avaient précédée.

Cette belle voiture qu'elle avait ordonnée s'est rompue à Mittau, c'est-à-dire à environ deux cent trente lieues de Pétersbourg.

A présent, ma bonne, tu sais tout. Ne brûle pas cette lettre. Écoute, si je donne ma montre à mon conducteur, elle le saura; et d'ailleurs elle me sert si peu, et j'ai pensé en faire présent à M. de Nariskin. A présent tu sais tout, qu'en penses-tu? Crois-tu que Sa Majesté Impériale s'en tienne strictement aux articles de notre traité, et ne fasse plus rien pour moi?

Avant de lui présenter celle supplique, où je mettais moi-même des bornes à sa bienfaisance, comme elle pouvait être mésinterprétée, et masquer une vue intéressée sous le beaux dehors, je la montrai à Grimm et à deux ou trois honnêtes gens, les suppliant instamment de m'en dire leur avis; tous me dirent unanimement qu'elle était de la délicatesse la plus touchante, et qu'elle ne prêtait, par aucun côté, à une mauvaise interprétation: en conséquence je ne balançai pas à la lui lire et à la lui présenter. Comme c'était en effet mes véritables sentiments, la lecture que j'en fis acheva de lui donner le caractère de la vérité, et Sa Majesté Impériale en fut tout à fait touchée.

Le baron de Noltken, ministre de Suède à Pétersbourg, un de ceux que j'avais consultés, vint quelques jours après savoir comment la supplique avait pris. «Fort bien», lui dis-je. Il me répondit: «J'étais sûr de son effet». Et il ajouta: «Vous avez fait votre devoir en très galant homme, en homme parfaitement désintéressé, et je suis bien sûr que l'impératrice fera le sien».—Mais, monsieur le baron...—«J'entends, vous avez parlé très-sérieusement à l'impératrice; ce que vous lui avez dit, c'est ce que vous pensez réellement; mais il est impossible qu'elle vous prenne au mot. Elle a été frappée de vos raisons parce qu'elles sont bonnes. Elle ne voudra pas ôter au

bien que vous direz d'elle le caractère de la vérité, mais quand vous aurez parlé, elle agira. C'est ce que je ferais à sa place, et ce qu'elle fera: ainsi elle différera plus au moins les marques de sa bienfaisance, mais elles viendront, n'en doutez pas; car je la connais, cela est tout à fait selon sa manière de faire».

Ma bonne, que le ministre de Suède ait rencontré ou non; je te jure que cela m'importe peu; je suis content de moi, et je serai toujours content d'elle. Nous lui devons tout; quoi que j'aie fait et que je fasse, je demeurerai toujours en reste. Voilà tout ce que je vois, et je ne verrai jamais autrement, ni toi non plus, car je te connais.

Adieu, ma bonne, je t'embrasse de tout mon coeur; salue tout le monde de ma part.

Il est bien décidé que mon retour ne me coûtera rien, et que mon conducteur a eu orde de l'impératrice de faire toutes les dépenses du voyage, et de ne rien recevoir de moi. Cela m'a fait plaisir sans me surprendre; je reconnais bien la souveraine à ce généreux procédé.

28.

Госпожѣ M*** [1]).

(A M. M***).

La Haye, ce 9 avril 1774.

Mon ami,

Après avoir fait quinze cents lieues et la moitié de cette tournée en vingt-deux jours, me voilà à La Haye

[1]) Diderot, XX, 57.

depuis le 5 de ce mois, jouissant d'une très-bonne santé et moins fatigué que je ne l'étais après une de nos promenades. Je vous parle dans l'exacte vérité. Ah! mon ami, le beau voyage que j'ai fait! la grande, l'extraordinaire femme que j'ai vue! Vous ne direz pas que je suis payé pour en parler ainsi, car je n'ai rien voulu d'elle. J'ai donné la loi sur cet article à la souveraine la plus despote qu'il y ait en Europe. J'ai voulu fermer la bouche aux malveillants de son empire qui disaient que j'étais venu solliciter de nouvelles grâces sous prétexte de remercier des anciennes, et avoir mon francparler avec vous, gens incrédules de Paris. Lorsque je vous louerai cette femme, ce sera bien l'éloge fait par la vérité et non par la reconnaissance, toujours un peu suspecte d'exagération. Écoutez, mon ami: voilà en quatre mots l'histoire de mon voyage. J'ai eu quarante cinq jours de beau temps pour aller. J'arrive. Je suis présenté à Sa Majesté et j'obtiens l'entrée de son cabinet tous les jours seul à seule. Je suis comblé de ses bontés; tous les seigneurs de la cour m'accablent de politesses, cela va sans dire. Le terme de mon séjour arrive; je lui demande mon congé; elle me l'accorde avec peine; je lui demande pour toute grâce de satisfaire aux dépenses de mon voyage, de mon séjour et de mon retour; je lui en dis les raisons, et elle les approuve, parce qu'elle lui paraissent honnêtes et sortir d'une âme vraie et désintéressée; je lui demande une bagatelle dont tout le prix soit d'avoir été à son usage; elle me la promet, et la veille de mon départ, elle a la complaisance de porter à mon doigt une pierre gravée; c'est son portrait. Je lui demande un de ses officiers qui me remette sain et sauf où je désirerai; et elle

ordonne elle même tout ce qui peut faire la commodité et la sûreté de mon retour. Je pars le 5 mars, au milieu d'un dégel et j'ai trente jours d'une saison qui n'aurait pas été plus favorable, quand elle aurait été faite à mes ordres. A quelques verstes de Pétersbourg, l'hiver se remontre, des neiges tombent, les chemins se durcissent, et les terribles claies dont ils sont faits se couvrent de matelas de duvet sur lesquels nous glissons plus de deux cents lieues. La Courlande, cette énorme fondrière, m'offre la plus belle route, une grande glace sur laquelle la neige affermit le pas des chevaux; le reste du voyage, des matinées et des soirées d'un bel d'hiver, et entre ces matinées et ces soirées, des jours d'une chaleur de printemps et même d'été. C'est ainsi que j'arrive à La Haye en moins de temps que les courriers n'en emploient dans la belle saison. Cependant, mon ami, nous avons laissé en chemin quatre voitures fracassées. J'ai pensé me perdre dans les glaces à Riga, et me fracasser un bras et une épaule dans un bac, pendant la nuit, à Mittau. En allant, jai fait deux maladies, l'une à Dresbourg, l'autre à Nerva; deux inflammations d'entrailles. J'ai eu deux fois la néva à Pétersbourg. La néva est la diarrhée que donnent les eaux de cette rivière, comme les eaux de la Seine à Paris; quelques jours avant mon départ, une violente attaque de poitrine dont on a cru que je mourrais, et qui s'est dissipée presque aussi promptement qu'elle est venue. Mon ami, c'est ici le pays des grands phénomènes, tant au physique qu'au moral; sans vouloir en trop dire de bien, soyez sûr que celui qui y apporte des talents et des moeurs y trouve une récompense très convenable. La plupart des français qui y sont se dé-

chirent et se haïssent, se font mépriser et rendent la nation méprisable; c'est la plus indigne racaille que vous puissiez imaginer. Mais nous jaserons de tout cela à notre aise. Mais quand? Peut-être avant quinze jours; peut-être pas avant trois mois. Je suis chargé de publier les statuts des différents établissements que Sa Magesté a formés pour l'utilité de ses sujets. Si le libraire hollandais est un juif, un arabe, comme à son ordinaire, je pars pour Paris; et si je puis l'amener à des conditions à peu près raisonnables, je reste. Mais j'oubliais de vous parler d'un de mes plaisirs les plus vifs, c'est d'avoir embrassé un matin M. le comte de Crillon et M. le prince de Salm. Si vous saviez ce que produit la présence d'un compatriote qu'on aime, qu'on estime, et qu'on retrouve subitement à sept ou huit cents lieues de sa patrie: et Grimm dont je me sépare à Paris, incertains si nous ne nous réverrons jamais, qui parcourt un arc de cercle dont l'extrémité se termine à Pétersbourg, tandis qu'à l'insu l'un de l'autre, je parcours un arc de cercle opposé qui aboutit au même endroit sous le pôle! Avec quelle violence on se précipite entre les bras l'un de l'autre! On est bien longtemps à se serrer, à se quitter, à se reprendre, à se serrer encore, sans pouvoir parler. Ce voyage est plein de particularités inattendues et délicieuses. J'ai beaucoup travaillé en allant, infiniment pendant mon séjour, peu en revenant. Je vous voyais tous, dès le premier pas, à l'extrémité de ma route, et cette douce idée n'en laissait arriver aucune autre.

29.

И. И. Бецкому [1]).

(Au général Betzky).

A La Haye, ce 9 juin 1774.

Monsieur le Général,

Vous auriez grande raison de vous plaindre si je laissais partir un voyageur d'à côté de nous sans vous donner un signe de vie. Grâce aux bontés du prince de Galitzin, je souffre moins de la prolongation de mon exil; je laisse crier ma femme, mes enfants, mes amis et mes connaissances et je m'occupe sans cesse de l'édition de votre ouvrage. L'imprimeur hollandais a pris enfin le mors aux dents et va aussi bien qu'on peut l'exiger d'une grosse er vieille rosse poussive. Nous sommes à peu près à la moitié de notre tâche. Cela aura du succès et beaucoup, je vous en réponds. Nous faisons deux éditions à la fois: une in-4-o avec tout le faste typographique; une en in-8° ou in-12° simple et que tout amateur pourra se procurer à peu de frais.

J'ai fait usage de votre note sur l'inexactitude des gazetiers qui ont parlé et si mal parlé de la médaille que le sénat vous a décernée.

Je vous ai envoyé un petit livret dont tous les paragraphes peuvent entrer dans le catéchisme moral que Sa Majesté Impériale désire.

---

[1]) Diderot, XX, 59.

Vous recevrez incessamment deux exemplaires de l'ouvrage de l'abbé Raynal qui a déjà paru en France et qui doit paraître incessamment ici. Cette nouvelle édition est divisée par chapitres, augmentée de cartes géographiques et d'un volume de plus.

J'ai entre les mains un billet de mille écus, payables à l'ordre du docteur Clerc au commencement de l'année prochaine; tâchez de le déterminez à m'instruire sur ce qu'il veut que je fasse de ce billet.

Je ne vous dis rien du reste de vos commissions, ni de celles de M. le comte Munich, et pas d'avantage de celles de Sa Majesté Impériale; pour m'en acquitter à votre gré et au mien, il faut que je sois en France.

En buvant ici la santé de M. le vice-chancelier, nous buvons aussi la vôtre; et nous nous flattons quelquefois que vous en faites autant de votre côté.

N'oubliez pas, monsieur le général, de renouveler à Sa Majesté Impériale les témoignages de mon respect, de mon entier dévouement et de la reconnaissance éternelle que je lui dois pour toutes les bontés dont elle a bien voulu m'honorer. Je ne voudrais pas pour tout ce que je possède n'avoir pas fait le voyage de Pétersbourg. J'ai tout écrit de cette grande et digne souveraine, depuis que je suis ici, que quand la fin de votre ouvrage me permettera de revoir mon pays et les miens, il ne me restera plus qu'à retourner de toutes les façons que mon coeur m'inspirera ce que j'en ai dit. Je me trompe, avec un peut de mémoire, je retrouverai encore beaucoup de traits qui me seront échappés, et je ne serai de longtemps dans le cas de me répéter.

Envoyez-moi bien scrupuleusement toutes les choses que vous m'avez promises; surtout n'oubliez aucune de

celles qui peuvent attester à mes compatriotes l'excellence de l'éducation que vous donnez à vos jeunes demoiselles, et leurs succès étonnants en tout genre. Songez que j'aurai à persuader des gens qui par mille raisons ne seront pas fort disposés à m'en croire, quoique j'aie pris toutes précautions pour les empêcher de detourner mon éloge de l'exacte vérité et de l'imputer à la reconnaissance et à la vénalité.

Présentez mon respect à M-me et M-lle Lafont et à leurs très aimables élèves. Je garde très-précieusement les leçons dont elles m'ont honoré avant mon départ.

J'attends des dessins que je puisse joindre à ces lettres.

J'embrasse de tout mon coeur, si toutefois ils veulent bien me le permettre, et M. le comte de Munich, et M. le vice-chancelier et M-le Anastasia, et M-me Clerc et le docteur; qui sait si la fantaisie de vous aller voir ne me reprendra pas quelque jour? Je ne crains plus la fatigue des voyages; je suis réconcilié avec votre climat; et vous m'avez tous diablement gâté par votre indulgence; quand je dis tous, vous pensez bien que je n'en excepte pas Sa Majesté Impériale.

Portez-vous bien; je ne connais rien dans ce monde dont un homme qui a pour soi l'attestation du censeur que la nature a placé au-dessous de la mamelle gauche puisse se laisser affecter jusqu'à un certain point. Faites le bien; faites le avec cette merveilleuse opiniâtreté que le ciel vous a donnée, ayez bon appétit; buvez, mangez et dormez bien, jusqu'à ce que le dernier sommeil vienne fermer les yeux d'un excellent citoyen, et donner des regrets à sa nation. Monsieur le général, il faut être mort pour obtenir justice des vivants, cela est

facheux; mais comme tous les hommes distingués ont subi ce sort, vous aurez la bonté de vous y soumettre.

Je suis etc.

30.

A La Haye, ce 15 juin 1774.

Monsieur le général,

Votre édition va son train. Vous avez reçu l'esquisse du petit catéchisme moral. Vous recevrez incessamment la nouvelle édition de l'ouvrage de l'abbé Raynal; et voici la réponse de M-lle Biheron à la proposition que je lui ai faite de passer en Russie. Je vous supplie de communiquer cette réponse à Sa Majesté Impériale.

M-lle Biheron sera très-flattée de contribuer pour sa petite part, à la perfection des établissements ordonnés par une souveraine qui honore le trône et son sexe, et qui n'a pas dédaigné de jeter les yeux sur elle. Ce sont les môts mêmes de M-lle Biheron. Elle fera partir tous ses ouvrages par la mer. Pour elle, il lui est impossible d'aller autrement que par terre; elle a cinquante-cinq ans; elle commence à devenir vieillotte; sa santé a beaucoup souffert de la continuité de ses travaux. Elle a fait deux fois le voyage d'Angleterre, et chaque traversée a pensé lui coûter la vie. Ce n'est ni pusillanimité ni délicatesse; elle ne balancerait pas à s'embarquer à Rouen, sans les expériences fâcheuses qu'elle a par devers elle.

Elle s'engage: 1. A démontrer l'anatomie à vos jeunes demoiselles, sur ses pièces;

2. A dresser les maîtresses qui puissent, quand elle n'y sera plus, en former d'autres et continuer les démonstrations anatomiques dans la maison aussi parfaitement qu'elle, et cela tant qu'il y aura des élèves;

3. S'il se trouve un sujet de quelque sexe qu'il soit, avec le talent et le goût nécessaire pour la copier, l'égaler, la surpasser même, à le former, à l'instruire, à ne lui céler de sa manière d'opérer; ce qui ajouterait une nouvelle occupation très-singulière et très-intéressante à la multiplicité de celles que vous présentez à l'inclination naturelle de vos demoiselles;

4. Elle ne met aucun prix à ses pièces anatomiques, qui sont en très-grand nombre, ce qu'elle en exécutera à Pétersbourg d'année en année fera suite avec sa collection. Se tout restera dans la maison, et elle n'a pas le moindre souci sur le sort qu'il plaira à Sa Majesté Impériale de lui faire;

5. Elle n'est pas plus inquiète de l'honoraire qu'il plaira à Sa Majesté Impériale d'attacher soit aux leçons qu'elle donnera aux jeunes demoiselles, soit à la peine qu'elle prendra pour former des maîtresses et pour instruire un sujet aux procédés de son art;

6. M-lle Biheron a de la noblesse dans l'âme, beaucoup de douceur, les moeurs les plus pures; des lumières même rares parmi les hommes; en un mot toutes les qualités qui peuvent assurer la satisfaction de Sa Majesté Impériale, la vôtre et la sienne. Trouvez seulement le moyen de la faire arriver; c'est tout ce qu'elle ose demander; et, malgré la modicité de sa fortune, c'est avec une sorte de répugnance qu'elle hasarde cette demande; mais songez que c'est une fille et qu'elle ne peut guère s'exposer à faire une aussi longue route

sans une femme de chambre et sans un valet. Lorsque vous aurez pourvu à la bienséance et à la sûreté, vous aurez fait tout ce qu'elle exige.

J'attendrai la décision de Sa Majesté Impériale pour la faire passer à M-lle Biheron, qui partage avec le reste de ma nation l'enthousiasme pour Sa Majesté Impériale et qui serait désolée que, la négociation entamée venant à manquer, elle fût privée de voir un être qui se voit si rarement, un souverain digne de l'être. Quand je parle du reste de ma nation, j'entends les honnêtes gens, ceux qui sentent et qui pensent, et qui ne sont pas à quatre cents lieues de Paris.

Et puis, monsieur le général, venons à la dernière lettre dont vous m'avez honoré.

J'ai frissonné en passant la Douïna? De par tous les diables, on frissonnerait à moins. Des glaces crevassées de tous côtés; un fracas enragé à chaque tour de roue de la voiture pesante; de l'eau qui jaillit de droite et de gauche; un pont de cristal qui s'enfonce et qui se relève en craquant. Rangés tous autour d'une table bien servie, assis sur des coussins bien mollets, vous en parlez tout à votre aise. M. Bala vous dira si je suis une poule mouillée. Ulysse s'étoupa les oreilles et se fit attacher au mât de son vaisseau. S'il eût été plus brave que moi sur la Douïna, j'aurais eu plus de confiance en ma sagesse qu'il n'en eut en la sienne, aux environs de la demeure des Sirènes. Chacun a son côté faible. Le héros grec eut peur de manquer de fidélité à sa Pénélope; et moi, j'ai eu peur d'être noyé et de ne plus revoir la mienne. L'adultère est certainement un grand péché; mais j'aimerais mieux l'avoir commis dix fois que d'être noyé une seule.

Eh bien! monsieur le général, nous encyclopédiserons donc, et je puis prendre mes mesures en conséquence de vos ordres. Cela sera fait. Je vous croyais bien convaincu de la gloire qui en résulterait pour Sa Majesté Impériale, mais pas assez de l'avantage qui en reviendrait à vos établissements, et j'étais incertain sur le dernier parti que vous prendriez.

Je ne vous dissimulerai pas qu'il me doux de penser que ceux qui ont tout mis en oeuvre pour m'empêcher de faire une grande et belle chose en auront pourtant le démenti; que ces barbares qui s'appellent policés par excellence grinceront les dents lorsque je pourrai vous livrer le plus beau manuscrit qui ait jamais existé et qui existera jamais; que la Russie leur enlevera l'honneur de l'avoir produit et qu'il ne leur restera que la honte de leurs anciennes persécutions.

O madame (c'est à Sa Majesté Impériale que je m'adresse), ô monsieur le général, la belle et digne vengeance que vous me faites entrevoir!

Je travaillerai pour vos propres enfants, dont je n'ai pas eu l'esprit d'accroître le nombre d'un seul, comme s'ils m'appartenaient tous; et vous pouvez compter que je ne gaspillerai pas une obole de leur patrimoine.

Je recevrai avec satisfaction lediplôme de leur maison et je m'en tiendrai toujours honoré.

Les assurances de votre estime me sont infiniment, chères.

Je presente mon respect à toute l'aimable et honnête société qui a la bonté de se ressouvenir de moi.

Que Dieu garde M-lle Anastasia de l'ennui et du Napoli ain.

Je presente mes très-humbles civilités à toutes ces demoiselles et à leurs dignes maîtresses.

En quelque coin du monde que je sois, j'y révère M. le vice-chancelier et M. le comte de Munich.

Si M. le général avait quelque pitié d'une bonne sexagénaire, il me ferait toucher les fonds qu'il m'annonce au commencement de septembre et soulagerait la bonne femme des embarras d'un déménagement à faire dans la mauvaise saison; cependant il est le maître de négliger cette petite considération qui n'est que d'un bon mari.

M. le général sait aussi bien que moi comment on témoigne son respect, son hommage et sa reconnaissance à une souveraine beinfaisante; ainsi j'espère qu'il aura la bonté de prendre ce soin pour moi, sans que je sois obligé de l'en remercier.

J'aurais donc les dessins! j'aurais donc celui de la machine au rocher! et des pierres! Tout cela me fait grand plaisir.

C'est M. de Sartine, notre lieutenant de police, qui succède à M. de La Vrillière. L'exécution de notre projet n'en sera que plus facile; M. de Sartine n'est pas mon protecteur, c'est mon ami de trente-cinq ans; il m'a écrit deux fois pendant mon absence de France; une fois ici, une fois à Pétersbourg; il est tolérant autant qu'il peut l'être.

Je vous avais prédit, monsieur le général, qu'à peine notre projet aurait transpiré, que ceux qui s'occupent à présent des réimpressions en seraient alarmés, et me feraient des propositions. La chose est arrivée. Je n'ai pas daigné leur répondre; car il est bien décidé dans ma tête que, si je ne réfais *l'Encyclopédie* pour vous,

je ne veux plus entendre parler de cet ouvrage, à quelque conditions que ce puisse être. Ou vous l'aurez telle que je la conçois, ou elle leur restera telle qu'elle est, telle qu'ils l'on voulue. Elle n'est encore que trop bien pour cette conaille-là. Il ne leur faut que des hommes et des ouvrages médiocres; et à juger de leur état à venir par les premiers symptômes de leur récente maladie, j'espère qu'ils n'en manqueront pas.

Je suis avec respect, monsieur le général, etc.

J'ai fais l'usage convenable de votre note sur la médaille je n'oublierai jamais rien de ce qui pourra vous être agréable.

31.

Доктору Клерку [1]).

(Au docteur Clerc).

A La Haye, ce 15 juin 1774.

Il faut, monsieur et cher docteur, que je vous fasse une histoire ou un conte. Un galant homme de notre pays eut deux procès à la fois; l'un avec sa femme qui l'accusait d'impuissance, l'autre avec une maîtresse qui l'accusait de lui avoir fait un enfant; il disait: Je ne saurais les perdre tous deux. Si j'ai fais un enfant à ma maîtresse, je ne suis pas impuissant et ma femme en aura un pied de nez. Si je suis impuissant, je n'ai pas fait un enfant à ma maîtresse, et celle-ci en aura le

---

[1]) Diderot, XX, 66.

nez camus. Point du tout, il perdit ses deux procès, parce qu'on les jugea l'un après l'autre. Cela vous paraît bien ridicule; eh bien! c'est ce qui vient de m'arriver tout à l'heure à moi-même avec un auteur et un libraire à qui j'avais vendu le manuscrit de l'auteur. Je disais: Si le libraire est mécontent, l'auteur sera satisfait; et si l'auteur n'est pas satisfait, le libraire sera content. Point du tout. Ils me chante pouille tous deux.

Je vous proteste, docteur, que j'ai fait de mon mieux; vous ne pensez pas qu'il est ici d'usage de ne rien payer; vous ne pensez pas que je n'aurais pas eu un écu de plus à Paris, et qu'on vous y aurait mis en capilotade. Votre manuscrit est fourré de lignes qu'aucun censeur royal n'aurai osé vous passer. Ainsi, madame Clerc. dites à votre mari qu'il se taise et qu'il me laisse en repos.

Je n'enverrai point votre billet à M. de Matinfort; il est plus sûr il me semble, de le confier à Grimm, que nous attendons d'un jour à l'autre, que de le risquer par la poste.

C'est Rey se charge de vous expédier votre ballot d'exemplaires, et qui s'en acquittera mieux que moi. Je ferai, du reste, ce que vous me prescrirez.

Comment! vrai! l'*Encyclopédie* est une affaire decidée: Point de mauvaise plaisanterie, docteur, s'il vous plaît; quoi! je ne mourrai pas sans avoir fait encore une bonne action et refait un grand ouvrage; une bonne action, en dotant, pour ma part, un établissement élevé pour l'humanité; refait un grand ouvrage, en le conformant au plan sur lequel il avait été projeté; je ne mourrai pas sans m'être bien dignement vengé de la méchanceté de mes ennemis; je ne mourrai pas sans avoir élevé un

obélisque sur lequel on lise: «*A l'honneur des Russes et de leur souveraine et à la honte de qui il appartiendra!*» je ne mourrai pas sans avoir imprimé sur la terre quelques traces que le temps n'effacera pas! J'y mettrai les quinze dernières années de ma vie; mais, à votre avis, qu'ai-je à faire de mieux?

J'étais en train, lorsque j'ai reçu votre lettre, de préparer une édition complète de mes ouvrages; j'ai tout laissé là. Ces deux entreprises ne peuvent aller ensemble; faisons l'*Encyclopédie*, et laissons à quelque bonne âme le soin de rassembler mes guenilles, quand je serai mort.

A présent que j'y réfléchis plus sérieusement, la circonspection de M. le général ne me surprend plus. L'affaire d'intérêt ne pouvait pas être aussi chaire pour lui que celle d'utilité et de gloire pour la souveraine. Il s'est donné le temps d'entendre et de me connaître. Les grands sont si sujets à rencontrer des fripons qu'ils se méfient des honnêtes gens. Si nous avions été dix ou douze ans à leur place, nous nous méfierions comme eux.

M. de Sartine, je ne dis pas mon protecteur, mais mon ami de trente ans, remplace M. de La Vrillière; jugez comme cela faciliterait ma besogne, si elle était sujette à difficultés.

Renouvelez les assurances de dévouement et de respect de ma part à M.M. Durand, De Lacy et de Noltken.

L'édition va son train; nous gémissons sous deux presses, l'une à Amsterdam, l'autre ici. J'y mets tout ce que je sais. Maudit arabe que vous êtes, qui toisez l'amitie sur l'importance des services, faites-vous couper

le prépuce et puis jadaïsez, et jurez après cela tant qu'il vous plaira.

Mon respect à tous les dignes commensaux de la table ronde.

Je vais sonder mes coopérateurs; et je ne tarderai pas à vous en rendre compte.

Je vous dirais bien quelques nouvelles publiques, mais le lendemain détruit l'ouvrage du jour ou de la veille.

Je vous embrasse, j'embrasse M-me Clerc et le petit ourson blanc; s'il vous vient quelque mot bien saugrenu et bien doux, adressez-le de ma part à M-lle Anastasia.

Mais, dites-moi, ne pouvez vous pas engager M. le général à m'expédier les fonds qu'il m'a promis, plutôt au commencement qu'à la fin de septembre? Cela fait la différence de trois mois et peut-être de six pour mes arrangements. Les grands seigneurs, qui n'ont l'embarras de rien, ne savent pas ce] que c'est qu'un déménagement, et un déménagement dans la mauvaise saison.

Le prince Orloff m'a promis des minéraux, j'ai laissé un petit catalogue à M. le vice-chancelier. Ce sont tous de fort honnêtes gens; mais ces honnêtes gens-là ont tant d'affaires, comme de boire, manger et dormir, dans toutes les combinaisons possibles!

J'ai écris, il y a quelques jours, à M. le vice-chancelier un petit billet pantagruélique. C'est style d'ancien welche. Peut-être n'y entendra-t-il rien.

J'attends mes malles et tous vos envois; n'oubliez pas la suite des anecdotes polonaises. Adieu, mon cher docteur: lorsque la mélancolie vous prendra, faites-vous

dire à l'oreille, deux ou trois fois de suite, par M-me Clerc, la soir et le matin, la formule mais bien articulée.

32.

Дѣвицѣ Волланъ [1]).

(A mademoiselle Volland).

La Haye, 15 juin 1774.

Mesdames et bonnes amies,

Ce n'est pas un voyage agréable que j'ai fait; c'est un voyage très honorable: on m'a traité comme le représentant des honnêtes gens et des habiles gens de mon pays. C'est sous ce titre que je me regarde, lorsque je compare les marques de distinction dont on m'a comblé, avec ce que j'étais en droit d'en attendre pour mon compte. Jallais avec la recommandation du bienfait, beaucoup plus sûre encore que celle du mérite; et voici ce que je m'étais dit: Tu seras présenté à l'impératrice; tu la remercieras; au bout d'un mois, elle désirera peut-être dete voir; elle te fera quelques questions; au bout d'un autre mois, tu iras prendre congé d'elle, et tu reviendras. Ne convenez-vous pas, bonnes amies, que ce serait ainsi que les choses se seraient passées dans toute autre cour que celle de Pétersbourg?

Là, tout au contraire, la porte du cabinet de la souveraine m'est ouverte tous les jours, depuis trois heures

---

[1]) Diderot, XX, 92. Вяземскій, V, 205.

de l'après midi jusqu'à cinq, et quelques fois jusqu'à six. J'entre; on me fait asseoir, et je cause avec la même liberté que vous m'accordez; et en sortant, je suis forcé de m'avouer à moi-même que j'avais l'âme d'un esclave dans le pays qu'on appélle des hommes libres, et que je me suis trouvé l'âme d'un homme libre dans le pays qu'on appelle des exclaves. Ah! mes amies, quelle souveraine! quelle extraordinaire femme! On n'accusera pas mon éloge de vénalité, car j'ai mis les bornes les plus étroites à sa munificence; il foudra bien qu'on m'en croie, lorsque je le peindrai par ses propres paroles; il faudra bien que vous disiez toutes que c'est l'âme de Brutus sous la figure de Cléopâtre; la fermeté de l'un et les séductions de l'autre; une tenue incroyable dans les idées avec toute la grâce et la légéreté possibles de l'expression; un amour de la vérité porté aussi loin qu'il est possible; la connaissance des affaires de son empire, comme vous l'avez de votre maison: je vous dirai tout cela, mais quand? Ma foi, je voudrais bien que ce fût sous huitaine, car il en faut moins pour arriver de La Haye à Paris du train dont je suis revenu de Pétersbourg à La-Haye; mais Sa Majesté Impériale et le général Betzky, son ministre, m'ont chargé de l'édition du plan et des statuts des différents établissements que la souveraine a fondés dans son empire pour l'instruction de la jeunesse et le bonheur de tous ses sujets. J'irai le plus vite que je pourrai, car vous ne doutez pas, bonnes amies, que je ne sois aussi pressé de me restituer à ceux qui me sont chers qu'ils peuvent l'être de me revoir. Sachez en attendant, qu'il se fait trois miracles en ma faveur: le premier, quarante-cinq jours de beau temps de suite, pour aller; le second, cinq mois

de suite dans une cour, sans y donner prise à la malignité, et cela, avec une franchise de caractère peu commune et qui prête au *torquet* des courtisans envieux et malins; le troisième, trente jours de suite d'une saison dont on n'a pas d'exemple, pour revenir, sans autre accident que des voitures brisées: nous en avons changé quatre fois. Combien de détails intéressants je vous réserve pour le coin du feu! Je commence à perdre les traces de vieillesse que la fatigue m'avait données; il me serait si doux de vous retrouver avec de la santé, que je me flatte de cette espérance. Je compte beaucoup sur les soins de M-me de Blacy, et sur ceux de M-me Bouchard; je les salue et les embrasse toutes deux. M-me Bouchard qui ne pardonne pas aisément une bagatelle, me permettra apparemment de garder un long et profond ressentiment d'un mal qui ne m'a pas encore quitté. La première fois que vous verrez M. Gaschon, dites-lui que si son affaire n'est pas faite, ce n'est pas que je l'aie oubliée; les circonstances n'étaient guère propres au succès dans un pays où la souveraine calcule. J'ai vu Euler, le bon et respectable Euler, plusieurs fois: c'est l'auteur des livres dont votre neveu a besoin. J'espère qu'il sera satisfait. La princesse de Galitzin en avait fait son affaire avant mon départ, et depuis mon arrivée, le prince Henri s'en est chargé. Vous me direz: Pourquoi se reposer sur d'autres de ce qu'on peut faire soi-même? C'est que l'édition d'un de volumes publiés à Pétersbourg est épuisée, et que l'édition de l'autre volume s'est faite à Berlin, ou je n'ai pas voulu passer, quoique j'y fusse invité par le roi. Ce n'est pas l'eau de la Néva, qui m'a fait mal, c'est une double attaque d'inflammation d'entrailles en allant;

ce sont des coliques et un mal effroyable de poitrine causés par la rigueur du froid à Pétersbourg, pendant mon séjour; c'est une chute dans un bac à Mittau, à mon retour, qui ont pensé me tuer; mais la douleurs de la chute et les autres accidents se sont dissipés; et si votre santé était à peu près aussi bonne que la mienne, je serais fort content de vous.

J'avais laissé Grim malade à Pétersbourg; il est convalescent et au moment de son retour; il revient l'ame navrée de douleur: la landgrave de Darmstadt, qu'il avait accompagnée, son amie, la mère de la grande-duchesse, vient de mourir. Je ne saurais vous dire l'étendue de la perte qu'il fait en cette femme. Ma fille m'apprend que, pendant mon absence, vous avez eu quelque bonté pour elle; je vous en fais bien mes remerciements. Ne craignez rien pour ma santé; nous nous retirons de bonne heure, nous ne soupons presque pas. Je n'ai pas encore le courage de travailler; il faut laisser le temps à mes membres disloquès de se rejoindre; c'est l'affaire du sommeil; aussi, depuis mon retour, je dors huit à neuf heures de suite. Le prince a son travail politique; la princesse mène une vie qui n'est guère compatible avec la jeunesse, la légèreté de son esprit, et le goût frivole de son âge; elle sort peu; ne reçoit presque pas compagnie, a des maîtres d'histoire, de mathématiques, de langues; quitte fort bien un grand dîner de cour pour se rendre chez elle à l'heure de sa leçon, s'occupe de plaire à son mari; veille elle même à l'éducation de ses enfants; elle a renoncé à la grande parure; se leve et se couche de bonne heure, et ma vie se règle sur celle de sa maison. Nous nous amusons à disputer comme des diables; je ne suis pas toujours de l'avis de la prin-

cesse, quoique nous soyons un peu férus tous deux de l'antiquomanie, et il semble que le prince ait pris à tâche de nous contredir en tout: Homère est un nigaud; Pline—un sot fieffé; les Chinois—les plus honnêtes gens de la terre, et ainsi du reste. Comme tous ces gens-là ne sont ni nos cousins, ni nos intimes, il n'entre dans la dispute que de la gaieté, de la vivacité, de la plaisanterie, avec une petite pointe d'amour propre qui l'assaisonne. Le prince, qui a tant acquis de tableaux, aime mieux avouer qu'il ne s'y connaît pas que d'accorder le mérite de s'y connaître à aucun amateur.

Bonjour, mes bonnes amies; agréez mon tendre respect, et me croyez tout à vous, comme j'étais et je serai toute ma vie.

Императрицѣ Екатеринѣ II [1]).

(A l'Impératrice Catherine II).

33.

Madame. Quelle paix! Quelle glorieuse paix! Vous l'avez faite telle que l'ame fiere de Votre Majesté la vouloit, la pointe de l'épée sur la gorge d'un ennemi reduit à accepter ou vos conditions, ou son entière défaite. Le meilleur de vos sujets, le plus zèlé pour votre gloire ne s'en rejouit pas plus sincerement que moi. Je m'en rejouis comme homme, comme philosophe et comme Russe, car je le suis devenu par l'ingratitude de mon

---

[1]) Государственный Архивъ, V, № 159. Сборникъ, XXIII, 514 sqq.

pays et par vos bontés. Ce n'est point au moment où cette nouvelle allongeoit les physionomies de quelques ministres, que j'aurois desiré d'être présent a votre cour; c'est lorsque Mr. le prince Repnin est arrivé, precedé de ses couriers et de ses cors; c'est lorsque Mr. le marechal Romanzoff arrivera; c'est au milieu des fêtes et des acclamations de vos sujets, que je regrette d'être absent.

Voilà, Madame, une grande époque dans votre regne. Vous en serez plus redoutable a vos voisins, plus importante dans l'Europe, et plus auguste aux yeux de vos sujets. Les victoires en imposent au dedans et au dehors. Il semble que ce soit le caractere de ces grandes destinées sous les quelles le ciel nous avertit de plier. Sans compter qu'il se mêle de la reconnoissance pour un souverain qui nous illustre. On peut être malheureux sous un prince guerrier; mais on est fier.

Je fais des vaeux pour que Votre Majesté s'occupe plus de la durée de la paix que de tout autre avantage. Il est tems que Votre Majesté acheve de se couvrir d'une gloire qui émane d'elle seule et qu'elle ne doive qu'a son genie. Le sang de mille ennemis ne peut lui rendre la valeur d'une goute de sang russe. Les triomphes réitérés font sans doute les regnes brillants; mais les font-ils heureux? Grace aux progrès de la raison, c'est a d'autres vertus que celles des Alexandres et des Caesars que notre admiration est reservée. On a trouvé qu'il etoit plus glorieux et plus doux de faire des hommes que d'en tuer. Votre Majesté Imperiale me permettra-t-elle de lui representer que les bons reformateurs, toujours rares, le sont particulierement dans

les contrées où ils sont le plus necessaires et que les hommes capables de changer en bien la face des empires ne se montrent qu'à de longs intervalles.

Catherine Seconde est venue après Pierre prémier; mais qui remplacera Catherine seconde? Cet etre extraordinaire peut ou lui succéder immédiatement ou se faire attendre des siècles.

Salluste, l'historien le plus profond après Tacite, dit: «J'ai beaucoup lu; j'ai beaucoup ecouté; j'ai longtems medité sur ce que les nations avoient achevé de grand soit pendant la paix, soit pendant la guerre. Je me suis interrogé sur les moyens qui avoient mis a fin tant d'etonnantes entreprises, et il m'a eté demontré que toute la besogne avait été le produit de quelques hommes. Ce ne sont pas les grands corps, ce sont les grands hommes qui font de grandes choses».

Les peuples foibles deviennent forts sous des chefs illustres. Les peuples forts se reduisent a rien sous des maitres stupides et fénéants.

Vous avez une jeune nation a former; nous en avons une vieille à rajeunir. Notre tache est peut-etre impossible. La vôtre est surement tres difficile; puisse le ciel ne vous en pas distraire un moment, et vous accorder dans une parfaite tranquillité ces trente-six années que Votre Majesté s'est engagée, parole d'honneur, à garder le trone de la Russie.

Mais a propos de parole d'honneur, Votre Majesté a un peu ebranlé la confiance que j'avois dans la sienne. Elle n'avoit pas dédaigné de souscrire un traité qu'un certain philosophe avoit eu la hardiesse de lui proposer. He bien, ce traité a été violé dans tous ses points, précisément comme un traité de souverain a souverain.

Ah, si les Turcs sçavoient cela! Il etoit dit par ce traité que Sa Maj. Imp. restitueroit ce philosophe dans ses foyers, tel qu'il etoit lorsqu'il s'en eloigna. Tout le contraire s'est fait. Il est allé, il a sejourné, il est revenu, sans bourse délier. On a meme reparé jusqu'aux petits dommages qu'il a soufferts sur les grands chemins; ce conducteur tres aimable et tres instruit qu'on lui a donné s'est moqué de ses réclamations; et voilà, Madame, comme dans ce pacte, ainsi que dans tous les autres, il n'y a rien eu de sacré et que le plus fort a, selon l'usage, donné la loi au plus foible.

Lorsque je pris congé de Votre Majesté, je lui prédis que j'etais encore a six mois de mon pays. Je ne me suis trompé que d'un mois. Je cours le septieme.

Les plans et les statuts de vos etablissemens sont imprimés et sur le point de paroitre. Incessamment on lui presentera un des plus beaux et des plus utiles ouvrages qui existent, du moins pour ceux qui sçavent peser les productions de l'esprit humain dans la balance de la raison. Cet ouvrage est le votre. J'espere que Votre Maj. Imp. trouvera fort bonne grace a la sagesse russe habillée a la françoise.

Je repeterai a Votre Maj. ce que j'en ecris â Mr. le g-al Betsky. Il est impossible qu'on ne bénisse pas, et dans l'empire et chez les autres nations, la souveraine qui a ordonné ces institutions *). Si sa constance parvient a les consolider, elle s'immortalisera par le bien qu'elle aura fait. Si des obstacles, qui sont quelquefois au dessus de la puissance des rois, s'y opposent, elle s'immortelisera par le bien qu'elle aura voulu faire.

---

*) instructions

A l'occasion des honneurs que le senat a decernés, avec votre agrément, à Mr. le g-al Betsky, et cela pour vous avoir dignement secondée, j'ai imprimé que, lorsque le tems et le courage de Votre Maj. auroient conduit vos etablissemens au degré de perfection dont ils etoient tous susceptibles et que la plupart avoient atteint, comme on visitoit eutrefois Lacédémone, l'Egypte et la Grece, on visiteroit la Russie, mais par une curiosité et mieux fondée et mieux récompensée; et je ne m'en dédis pas. Licurgue fit des moines armés; sa legislation fut un sublime systeme d'atrocité. L'humanité sert de base a la votre. Il forma des betes feroces tres formidables. Vous travaillez a former des citoyens honnetes et des defenseurs de la patrie qui se feront craindre dans les camps et chérir dans la société.

Au milieu du renversement general de notre ministere, j'ai senti combien ma presence pouvoit servir à mes enfants, mais j'ai tenu ferme. Je n'ai redouté qu'un reproche de Votre Majesté, qui n'en sera point surprise. A present que j'ai vu la fin de ma tache, je vais les retrouver; je vais me réinstaller dans mon foyer, au milieu de ces livres dont je dois la possession a votre bienfaisance. Mes concitoyens auront peu de questions à me faire; car je n'ai pas attendu jusqu'à ce moment pour les entretenir de Votre Majesté.

Elle a reçu le petit code moral dont je lui avois parlé. Je souhaite qu'elle n'en ait pas eté mecontente. Il y a de la simplicité dans le stile et de la suite dans les idees. Il est fondé sur l'existence d'un Etre qu'elle reconnoit. Votre Majesté veut un grand spectateur qui s'incline vers la terre et qui la regarde marcher. Elle ambitionne au haut de l'atmosphere un aprobateur digne

d'elle. Pour moi, chetive creature, je m'esquive; et je vais comme si personne ne me regardoit.

Si je manquois a remplir quelques unes des commissions qu'elle m'a données, ce ne seroit pas par oubli. Elle a desiré, je crois, que je lui ebauchasse le plan de deux comedies de caractere, que je lui arrangeasse un petit theatre honnête, a l'usage de ses enfants; que je lui fisse passer les reglements de notre justice consulaire, notre code criminel, nos loix sur les eaux et forets, et ce qu'on peut scavoir de notre police; et Sa Maj. perdra bientot un de ses plus fideles serviteurs, ou cela sera fait.

Si Votre Maj. n'a pas jugé à propos d'agréer les services de notre anatomiste Mad-lle Biheron, je ne pense pas qu'elle ait eté blessée de ses propositions.

Par une lettre dattée du 9 de mai de cette année, Mr. le general Betzky, que vous m'avez permis d'apeller votre Grand Sphinx, s'est expliqué nettement sur la refonte de l'Encyclopedie. Il m'aprend que c'est un projet arrêté par Votre Maj. Je m'en rejouis. Je pourai donc reparer les sotises de monsieur l'abbé Chappe et de Mr. le chevalier de Jaucourt; conformer cet ouvrage à la hauteur de son premier plan et substituer le nom d'une grande et digne souveraine a celui d'un ministre commun qui me priva de la liberté pour m'arracher un hommage auquel il ne pouvoit pretendre par son mérite.

Votre Maj. dira peut etre que j'ai une cruelle memoire; car je me rapelle tres bien la permission qu'elle m'a accordée de lui envoyer les petits ouvrages, bons ou mauvais, qui me restoient encore faire. Ils auront l'air un peu vieillots, mais n'importe.

Il y en aura quelques uns dattés de La Haye; tandis

qu'on y imprimoit vos statuts, je m'occupois de la lecture de Tacite; et il en est resulté un pamphlet intitulé: Notes marginales d'un souverain sur l'histoire des empereurs.

J'ai relu l'instruction que vous avez adressée aux commissaires assemblés pour la confection des loix; et j'ai eu l'insolence de la relire, la plume a la main.

Et puis, pour rentrer bien vite dans mon ecole, j'ai ébauché un petit dialogue entre la marechale de ** et moi. Ce sont quelques pages, moitié serieuses et moitié gaies.

J'ai bien peur que ma prediction ne se soit accomplie; que je n'ai repris a Riga la mechante petite ame pusillanime que j'y avois laissée; et que je ne sois devenu lache, a mesure que je m'eloignois de votre palais et que je m'approchois de l'hotel de Mr. le procureur General.

Je me souviens d'avoir dit à Votre Majesté que j'avois l'ame d'un esclave dans la païs de ceux qu'on apelle libres, et que j'avois trouvé l'ame d'un homme libre dans le païs de ceux qu'on apelle des esclaves. Ce n'etoit pas le mot d'un courtisan, c'etoit celui de la vérité, et je m'en aperçois dès ici.

Je demande mille pardons a Votre Majesté de la longueur de cette lettre. J'oublie que le tems du repos pour ses armées va devenir le commencement de ses veritables travaux.

Je suis avec le plus profond respect de Votre Majesté Impériale le tres humble, tres obeissant et tres devoué serviteur

Diderot.

à La Haye, le 13 sep-bre 1774.

Votre Maj. Imp. me permettra-t-elle de lui rapeler Mr. de Narichkin, le procureur aux mines? C'est une dette que j'ai laissée a Petersbourg, a l'acquit de Sa Maj. Imp. qui y a consenti [1]).

34.

A Paris, ce 17. 10-bre 1774.

Madame. C'est du sein de ma famille que j'ai l'honneur d'ecrire a Votre Majesté! Peres, meres, freres, soeurs, enfants, petits enfants, amis, connoissances, se precipitent a ses pieds, et la remercient de toutes les bontés dont elle m'a honoré a sa cour. Comme ils ont partagé mon bonheur, il est juste qu'ils partagent aussi ma reconnoissance. J'oserai le dire a Votre Majesté, parce que je lis au fond de mon coeur, que je merite l'eloge que je vais faire de moi-même; voila l'avantage des souverains, lorsqu'ils laissent tomber leurs regards sur l'homme de bien: ils repandent la joye dans le coeur d'un grand nombre d'autres. Les talens et les vertus de Votre Majesté sont devenus l'entretien de nos soirées. On veut tout scavoir. Aucune circonstance ne paroit minutieuse ni a l'orateur, ni a ses auditeurs. On me fait recommencer dix fois les memes choses, et je ne me lasse pas de les redire, ni eux de les entendre... Elle a donc bien de la noblesse dans sa physionomie... On ne scauroit davantage... Mais vous dites qu'elle est pleine de grace et d'affabilité... Tous ceux qui l'ont aprochée vous le diront comme moi... Et vous ne trembliez point en entrant chez elle?.. Je vous demande pardon, mais cela duroit peu; car, ne se souvenant jamais

[1]) Опущено: qui y a consenti.

ni de son rang, ni de sa grandeur, elle faisoit oublier l'un et l'autre en un moment... A-t-elle de la fermeté?.. Elle m'a dit elle-meme que c'etoit dans les moments de peril qu'elle retrouvoit son ame... Aime-t-elle la verité?.. Tant que je condamne au mortier d'Amurat ceux qui n'oseroient pas la lui dire... Est-elle instruite?.. Mieux de son empire, tout vaste qu'il est, que vous ne l'etes de vos petites affaires domestiques!.. A-t-elle des connoissances agréables?.. Elle parle ma langue du moins aussi bien que nous, et nos bons auteurs lui sont aussi familiers... Et qui est-ce qui l'a instruite?.. Je lui ai fait cette question, et voici sa reponse: deux grands instituteurs sous les quels on fait bien du chemin, et sous les quels elle a vecu pendant vingt ans, le malheur et la retraite... Permet-elle qu'on la contredise?.. Tans qu'on veut... L'avez-vous contredite?. Assurement... Mais vous faisiez une sotise?.. Elle disoit a cela: est-ce qu'on fait des sotises entre hommes?.. Cela est charmant. Elle doit tourner la tête a tous ceux qui ont l'avantage de la voir... Aussi fait-elle... Et comment avez vous fait pour nous revenir?.. Ma foi, je n'en scais rien... A-t-elle de la chaleur?.. Beaucoup; mais c'est un sécret qu'elle m'a confié; je n'ai jamais aperçu que son profond jugement et sa penetration singuliere... Elle vous saisissoit donc bien promptement?.. Si promptement qu'aux premiers mots elle avoit vu la fin d'une discussion quelquefois difficile... Est-elle bonne?.. Trop, et c'est peut etre la son defaut... Il n'est pas trop commun... Et despote?.. Si peu que je me souviens de lui avoir fait une fois grand plaisir, en lui avouant que je m'etois trouvé l'ame d'un esclave dans le païs qu'on apelle des hommes libres, et l'ame d'un homme libre

dans le païs qu'on apelle des esclaves... Croit-elle en Dieu?.. Oui... Et elle vous pardonnoit de n'y pas croire?.. Pourquoi non?.. Vous etes arrivé dans un moment bien orageux: une guerre qui n'étoit pas heureuse; une revolte sur la frontiere?.. He bien, je vous jure que je ne me suis jamais apercu que sa tranquillité en fut altérée. Elle etoit bien resolue de donner la paix a son ennemi; et elle ne voyoit dans le rebelle qu'un sot qui attendoit son supplice... L'evenement a fait voir qu'elle avoit raison... Et puis viennent ensuite les questions sur le climat, sur les moeurs, sur le gouvernement, sur les loix, les ministres, les pretres, les sciences, les arts, vos academies, le prodige de l'education de vos ecoles. Que scois-je quoi encore? Depuis mon retour j'ai eté l'objet de la curiosité d'une infinité de personnes de toutes sortes de rang; et je puis assurer à Votre Maj. Imp. que je n'ai encore trouvé que deux incredules: une vieille femme de mouvaise tete et un homme d'un esprit faux; et cette France sur laquelle Votre Maj. Imp. me permettra de lui dire qu'elle n'est pas sans prevention, est pourtant l'endroit du monde ou elle est regardée le plus universellement comme un grand homme et comme un de ces souverains dont le ciel fait si rarement present aux nations... Aime-t-elle la gloire?... C'est sa passion... En ce cas elle doit etre satisfaite... Elle devroit, mais... j'allois me rengager dans les questions et les réponses...

Je scais bien que Votre Maj. Imp. m'a permis de lui envoyer tous les petits ouvrages qui me restoient a faire; et je me suis bien proposé de mettre son indulgence à l'epreuve, mais je dois la prevenir que cette pauvre petite ame, bien foible, bien mesquine que j'avois laissée à Riga, je l'y ai retrouvée et que j'ai fait la sotise de la reprendre. *

Il est arrivé bien des revolutions dans notre ministere: ce sont les aeconomistes, les disciples de La Riviere qui tiennent le timon de nos finances. Votre Maj. Imp. n'en aura pas meilleure opinion, mais nous nous sommes si mal trouvés des Maltotiers et des Robins, que je defie les gens d'esprit de faire pis. Au moins ceux cy sont justes, instruits et desinteressés, et l'experience des choses les defera peut etre un peu de la morgue de l'ecole, et de la folie du sistème. L'economiste est en administration ce qu'est le stoïcien en morale. Ils ne sont supportables que dans le moment du malheur.

On se flatte ici que Votre Maj. Imp. va reprendre son projet de legislation. Cela m'a fait relire votre instruction, et j'ai eu la hardiesse de l'apostiller de quelques reflexions.

A présent que Catherine Seconde n'a plus besoin de l'illustration des armes, elle me permettra de lui souhaiter une paix qui dure aussi longtems que son règne. Apres s'etre acquis le nom que donnent les victoires, puisse-t-elle jouir de celui qui imprime moins de terreur, qui produit des fruits plus durables et plus doux et qui est beni dans tous les siècles, celui de grande legislatrice. Vous voila a coté de Caesar, votre ami, et un peu au dessus de Frederic, votre dangereux voisin. Il reste une place a prendre a coté de Lycurgue ou de Solon; et Votre Majesté s'yassoira. C'est le souhait qu'ose lui presenter le Philosophe Gallo-russe au renouvellement de cette année.

Je suis avec le plus profond respect de Votre Majesté Impériale le tres humble et tres soumis serviteur

Diderot.

35.

Madame: J'ai remis, il y a quatre a cinq mois, a Mr. Grimm, le Plan d'une Université ou d'une école d'enseignement public des sciences et des arts libéraux, auquel Vôtre Maj. Imp. nous avoit proposé de travailler l'un et l'autre. Je commencerai par lui rendre grâces de la marque d'estime qu'elle nous a donnée, a tous deux, en nous supposant le tùlent et des connoissancés qui correspondissent à l'etendue et la difficulté de l'objet. Je doute que les circonstances facheuses ou mon ami s'est trouvé lui aient permis de remplir sa tache; car ayant eu entiere et franche communication de mon ouvrage, ce seroit pour la premiere fois de sa vie qu'il auroit négligé mon jugement et mon éloge, au point de me céler le sien. Quant à moi, j'ai fait ce que je pouvois faire de mieux; ce qui ne m'empechera point d'invoquer votre indulgence et de rappeller à Votre Majesté que cette hommerie qu'elle reconnoit dans nos actions et qu'elle nous pardonne, se glisse aussi dans nos ecrits. En confiant mon manuscript a Mr. Grimm, j'ai éxigé qu'il vous fut envoyé tel qu'il étoit, sans addition et sans retranchement; et c'est ce qu'il n'aura pas manqué de faire.

Les deux grands obstacles a la prompte exécution de ce plan, sont la disette de livres classiques et le manque de maitres.

J'y ai reflechi, et j'ai vu qu'un de ces obstacles levé, l'autre ne subsistoit plus.

J'oserai donc exhorter encore Votre Majesté a employer ses acadèmiciens et les scavants du reste de l'Eu-

rope a la composition des livres classiques. C'est un service qu'elle rendra a toutes les contrées, policées, et qui la comblera d'honneur. C'est un point essentiel a la perfection de l'enseignement public, dont aucun souverain ne s'est avisé. C'est une des premieres causes de la durée de la barbarie de nos ecoles, et tant que cette cause subsistera, nos ecoles seront barbares.

Les livres classiques bien faits et traduits en langue vulgaire, Votre Majesté ne sera plus dans le cas d'apeller des maîtres étrangers. Ils se trouveront parmi ses propres sujets. Tout homme capable d'entendre un livre classique est capable de l'enseigner à des enfants.

J'ai proposé de joindre à l'enseignement de la science ou de l'art l'histoire de ses progrès. Mais je crois que cet historique doit former les dernieres leçons; sans cette attention, les eleves ou n'entendront rien, ou entendront mal.

Il seroit tres sage d'ordonner aux professeurs de theologie de terminer l'enseignement de la religion par un traité de la tolerance.

Si, parmi les ouvrages que j'ai cités, Votre Majesté ne trouve point le cours d'educatiou de Mr. l'abbé de Condillac, c'est que cet excellent ouvrage d'un excellent instituteur, qui n'a pourtant fait qu'un sot élève, n'avoit point encore paru.

Je serois aussi trop ingrat si j'avois oublié les differentes commissions dont Votre Majesté m'a honoré. Je n'ai rien de mieux a faire que de lui consacrer ce qui me reste d'années et de sens commun, et je la supplie d'en disposer.

Se ressouviendra-t-elle qu'au defaut de Mr. de Gribauval, elle m'avoit demandé un de ses batards? Je lui

en propose deux. Votre Majesté trouvera sur un feuillet cy joint quelques questions auxquelles ils desireroient des réponses.

Un artiste de cette ville a fait une pendule qui montre tous les mouvements du systeme planetaire. Cette machine, en mettant sous les yeux les corps celestes et leurs phenomenes, en facilite beaucoup l'intelligence. Elle seroit bien placée a cote de ce beau globe que j'ai vu dans le cabinet de Votre Majesté, mieux encore dans une de ses maisons d'education. D'ailleurs, l'artiste qui l'a inventée propose d'envoyer avec sa belle pendule l'ouvrier meme qui l'a executée sous sa direction; et cet ouvrier s'etablirait a demeure a Petersbourg.

Je n'ai point envoyé a Votre Majesté le ciment d'un certain Picot; parce que les essais qu'on en a faits n'ont pas repondu aux effets merveilleux qu'on en attendoit.

Les comédies pour les jeunes demoiselles se feront; et cela, sans m'engager d'atteindre le long age de Voltaire.

J'ai bien resolu de m'acquitter de tous mes engagements avec une nation dont la souveraine m'a comblé de bienfaits dans ma patrie, d'honneurs dans ses etats, et où les grands m'ont fait un accueil que je ne puis reconnoitre qu'en ne l'oubliant jamais.

Nos francois ne sont pourtant pas aussi frivoles que Votre Majesté les imagine; car l'exposition de ses etablissemens et de leurs constitutions en a été reçue avec un applaudissement général. Ah, Madame, il ne dépend que de ceux qui nous gouvernent, de faire encore une grande et belle nation de nous. L'etincelle sacrée qui reste d'un grand brasier n'a besoin que d'un souffle.

Les nouvelles publiques nous confirment la grossesse de Madame la grande duschesse. Permettez que je prenne aussi quelque part a un evenement qui remplit votre ame de joie. Puisse Votré Majesté etre incessamment et heureusement grand-meritée; et puis grand-meritée et regrand-meritée cinq ou six fois de suite.

Les peres, les meres, les enfants et les petits-enfants, tous ceux qui m'entourent et qui vous doivent leur bonheur, renouvellent au commencement de cette année les vaeux qu'ils font tous les jours pour Votre Majesté. Nous disons tous en chaeur: puissent toutes les années de Catherine Seconde etre aussi glorieuses que les precendentes; apres avoir donné a ses ennemis des marques de sa puissance, puisse le reste de son regne n'etre employé qu'a donner a ses sujets des marques de sa bonté, et a tous les souverains presents et a venir, un exemple dans le grand art de regner.

Je suis avec le plus profond respect de Votre Majesté Imperiale le tres humble, tres devoué et tres obeissant serviteur

Diderot.

à Paris, ce 6 octobre 1775.

Je dois à Sa Majesté Imp. et a son artiste Falconnet un compliment sur le succes de la fonte du monument de Pierre I-er.

36.

Madame. Monsieur Grimm m'a remis les deux mille roubles que j'avois osé solliciter de Votre Majesté Imperiale dans une de ces circonstances urgentes qui

contraignent les ames les plus honnêtes à s'écarter des loix rigoureuses de la pudeur. En lui rendant graces de ses bontés récentes, je lui demande encore pardon de ma témérité. Elles m'ont appris qu'il y avoit une souveraine au monde a qui l'on pouvoit rapeller ses promesses sans l'offenser, et qui sçavoit toujours mettre aux graces qu'elle accordoit une delicatesse qu'on trouveroit a peine dans une simple particuliere, dont les services peuvent être utiles, mais n'honorent jamais. Votre bienfaisance se seroit derobée a la connoissance de mon ami, si je ne l'en avois instruit. Il vous a bien reconnue, et ne m'a pas desapprouvé. L'avouerai-je a Votre Majesté? a en juger par la sensibilité que j'eprouve dans ce moment, il falloit que l'importunité de l'indigence me fut moins penible que celle d'un créancier. Il est moins dur de manquer que de devoir. Je tenais de Votre Majesté le bonheur de vivre en repos; et je tiendrai d'elle celui de mourir en paix.

Je suis avec la plus vive reconnoissance et le respect le plus profond son tres humble et très obéissant serviteur

Diderot.

à Paris, ce 29 juin 1779.

37 [1]).

Madame. Les mots les plus simples de Votre Majesté ne sont pas de nature à se laisser oublier par

[1]) Diderot, XX, 78. Cette lettre accompagnait les premiers cahiers de: *De la Monarchie* francaise et de ses lois, par Pierre

l'homme doué d'un sens meme [2]) ordinaire, qui a eu le bonheur de vous aprocher et de les entendre.

Je me souviens qu'entre les motifs qu'elle amploioit pour m'attacher à sa personne, elle me disoit que le courant des affaires journalieres consumoit tout son tems, et qu'en me fixant auprès d'elle, elle m'occuperoit à mediter sur différents textes rèlatifs à la législation. Malgre la profonde connoissance qu'elle a des talents et des esprits, je crois sincèrément, et j'oserai lui dire qu'elle avoit trop bonne opinion de moi, et que la tache qu'elle se proposoit de m'imposer auroit exigé tout le génie d'un Montesquieu. Quel autre que cet homme etoit capable de concevoir une idée digne de la reflexion de Catherine Seconde! Mais il n'est plus, ce Montesquieu, et son successeur se fera attendre longtems. Que pensera donc de moi Votre Majesté si, au defaut d'un penseur aussi rare, j'avois la témérité de lui proposer un sujet autant au dessus de moi qu'au dessous de l'auteur de votre bréviaire? C'est un jeune homme; il a des parents honnêtes, et il n'est pas sans ressource. Rien ne l'attache à son païs: ni passion ni intérêt, il désire d'être utile; il a profondément etudié nos loix, nos usages, nos coutumes, les progrès successifs de notre civilisation; il a le sens juste, le caractère doux et simple, des maeurs pures, des lumieres sans pretention; avec de la modestie, les connoissances qu'une souveraine qui songe la nuit et le jour au bonheur de ses sujets, ne scauroit manquer

---

Chabrit, conseiller au conseil souverain de Bouillon, et avocat au Parlement de Paris. Bauillon et Paris. 1783—85. 2 v. in-8°. Elle est imprimée en tête du second volume.

[2]) même—выпущено.

d'ambitionner. Pour qu'elle jugeât elle même de son talent, il m'a permis de mettre sous ses yeux les premiers cahiers d'un ouvrage au quel il a été conduit par les etudes de la profession d'avocat. Si elle daignoit l'appeller, il iroit sans faste; il reviendroit comme il seroit allé, et il auroit trop de vanité s'il étoit humilié de n'avoir pas sçu repondre aux vues de Votre Majesté: il est et je suis a ses ordres. Que je serois satisfait si j'avois trouvé par hazard une occasion de lui témoigner ma reconnoissance!

C'est avec le [1]) sentiment qui ne pourroit s'affoiblir que dans une ame ingrate, et avec le plus profond respect que je suis et serai toute ma vie de Votre Majesté le plus humble et le plus obeissant serviteur

Diderot.

à Paris, ce 25 aoust 1781.

---

[1]) ce

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Герцогъ голштинскій Карлъ Фридрихъ*, супругъ Анны Петровны, старшей дочери Петра I, былъ въ душѣ солдатъ и «несчастную страсть къ военщинѣ» (die unglückliche militärische Neigung) передалъ сыну (Helbig, Biographie Peters des Dritten, I, 21). Даже нѣмецкіе историки, Зугенгеймъ, Дройзенъ и др., называютъ его истымъ голштинцемъ. Одинъ древній хронистъ сравниваетъ всѣхъ голштинцевъ съ дикими ослами — unzähmbare Waldesel (Brockhaus. VIII, 58).

(2) *Брикнеръ*, Жизнь Петра III до восшествія на престолъ. «Русскій Вѣстникъ», 1882, кн. 11.

(3) *Княгиня Іоганна Елизавета*, изъ голштин-готторпскаго дома, дочь Христіана Августа, епископа любекскаго, была женщина чрезвычайно пустая, отличалась мелочнымъ, до крайности сварливымъ характеромъ, проводила жизнь въ интригахъ и сплетняхъ. Она не любила никого и менѣе всего свою дочь. Когда Екатерина, тогда еще цербстская принцеса, 15-ти-лѣтняя дѣвочка, заболѣла въ Москвѣ воспаленіемъ легкихъ, «мать почти не пускали» къ ней въ комнату; едва больная начала поправляться, мать черезъ прислугу стала выпрашивать у дочери шелковую матерію, «голубую съ серебромъ», которая такъ нравилась дочери. По словамъ Екатерины, «мать обвиняли, что она вовсе не бережетъ меня». Во время пути изъ Цербста въ Москву, княгиня Елизавета особенно тщательно отмѣчаетъ, что въ Ригѣ, при шествіи ея къ столу, «въ комнатахъ играютъ трубы, снаружи — флейты и гобои», между тѣмъ какъ въ Штетинѣ, гдѣ ея мужъ губернаторомъ, «едва били въ барабанъ, а въ другихъ мѣстахъ и того не дѣлали» (Сборникъ, VII, 15); что въ Петербургѣ,

«едва я вышла изъ саней, какъ меня привѣтствовалъ залпъ съ гласиса адмиралтейства» (Id., VII, 19).

(4) *Фридрихъ Мельхіоръ Гриммъ* (1723—1807), авторъ «Correspondance littéraire», принадлежалъ къ «философской партіи» и былъ близокъ съ Дидро, Д'Аламберомъ, Руссо, Гольбахомъ и др. Онъ былъ два раза въ Петербургѣ, велъ переписку съ Екатериною и умеръ русскимъ посланникомъ въ нижне-саксонскихъ владѣніяхъ. Во II т. «Сборника» помѣщена его «Историческая записка о происхожденіи и послѣдствіяхъ моей преданности императрицѣ Екатеринѣ II»; въ XXIII и XXXIII томахъ «Сборника» изданы письма Екатерины къ Гримму и Гримма къ Екатеринѣ. XXIII томъ «Сборника» отличается отъ всѣхъ остальныхъ томовъ, изданныхъ русскимъ историческимъ обществомъ, тѣмъ, что вошедшія въ него письма Екатерины II къ Гримму изданы безъ перевода. Нѣкоторые изъ этихъ писемъ были переведены въ «Русскомъ Архивѣ» (1878, III); переводомъ ихъ наполненъ огромный томъ Я. Грота, «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ» (Спб. 1879). Наибольшее впечатлѣніе получается отъ чтенія писемъ въ XXIII томѣ «Сборника»: въ «Русскомъ Архивѣ» переведены лишь нѣкоторыя, у г. Грота—лишь отрывки писемъ, окрашенные такими взглядами переводчика, съ которыми читатель не всегда можетъ соглашаться, причомъ исчезла вся прелестная простота этихъ писемъ. На основаніи переписки Екатерины съ Гриммомъ составлены двѣ статьи: 1) Karl Hillebrand, «Katharina II und Grimm», въ «Deutsche Rundschau» за 1880, т. VII, стр. 377—405, и 2) Р., «Гриммъ и его отношенія къ императрицѣ Екатеринѣ II», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1882 г., т. CLVII, стр. 405—435.

(5) Ennui et solitude (Сборникъ, XXIII, 77). Ту же мысль Екатерина II высказывала и пять лѣтъ раньше, во время бесѣдъ съ Дидро, когда, на вопросъ о томъ, кто ее образовалъ, она отвѣчала: «два великіе наставника — несчастіе и уединеніе», le malheur et la retraite (Приложеніе III, 34).

(6) Эта эпитафія-шутка была впервые напечатана въ «Запискахъ» академіи наукъ (т. III, 1863).

(7) Въ числѣ этихъ «бумагъ» изданы письма къ Гримму, представляющіяся особенно важными для оцѣнки «Записокъ» Екатерины, какъ историческаго матерьяла. До изданія этихъ писемъ возможно было только отрицательное признаніе подлинности «Записокъ», высказанное еще Генрихомъ Зибелемъ въ его талантливой статьѣ «Katharina II und ihre Denkwürdigkeiten» (Hist. Zeitschr. V, 88) — die Unmöglichkeit der Unechtheit (см. также Kleine historische Schriften, I, 150), несмотря даже на подтверждающія «Записки» донесенія саксонскихъ дипломатовъ Функе и Брюля (см. E. Harrmann, Der russische Hof unter der Kaiserin Elisabeth, въ «Historisches Taschenbuch» 1882, S. 302); въ настоящее же время можно привести изъ писемъ, несомнѣнно писанныхъ рукою Екатерины II, нѣсколько мѣстъ, поразительно схожихъ съ соотвѣтствующими мѣстами въ «Запискахъ». Для примѣра приведемъ одно только мѣсто. «Записки» Екатерины начинаются слѣдующими словами: «La fortune n'est pas aussi aveugle, qu'on se l'imagine. Elle est souvent le résultat de mésures justes et précises, non aperçues par le vulgaire qui ont précédées l'évènement. Elle est encore, plus particulièrement, un résultat des qualités, du caractère et de la conduite personnelle. Pour rendre ceci plus palpable, j'en ferai le syllogisme suivant: les qualités et le caractère seront la majeure; la conduite—la mineure; la fortune ou l'infortune—la conclusion» (Mémoires, p. 1). Эта же мысль повторяется въ концѣ «Записокъ»: «Je me disais: le bonheur et le malheur est dans le coeur et dans l'âme d'un chacun» (p. 330). Почти буквально эта же мысль встрѣчается въ письмѣ къ Гримму, отъ 13-го февраля 1794 года. Упомянувъ о поведеніи герцога Орлеанскаго, Екатерина говоритъ: «Le bonheur et le malheur d'un chacun est dans son caractère; ce caractère reside dans les principes que l'homme embrasse; la réussite réside dans la justesse des mésures qu'il emploie pour parvenir à ses fins; s'il vacille dans ses principes, s'il se trompe dans les mésures qu'il adepte, il n'y a plus de suite dans ses projets» (Сборникъ, XXIII, 595). Очевидно, это письмо и «Записки» писаны одною и тою же рукою. Письма къ Гримму

даютъ также возможность сдѣлать болѣе вѣроятныя предположенія о времени написанія «Записокъ» и о цѣли, для которой онѣ были составлены. Въ упомянутой выше статьѣ, Зибель такъ специализируетъ эту цѣль: «Grossfürst Paul gab ihr seit seiner Mündigkeit, seit einem Jahrzehend, oft genug Veranlassung zu peinigenden Besorgnissen; im Auslande widerhandelte er meist ihren Absichten und Wünschen» (S. 94); наставить сына, раскрыть ему настоящее положеніе вещей и тѣмъ заставить его измѣнить свои взгляды, свое поведеніе — вотъ зачѣмъ, по мнѣнію Зибеля, Екатерина написала свои мемуары. Въ подтвержденіе своей догадки Зибель указываетъ, что въ 1782 году, когда Павелъ съ своею супругою возвратился изъ заграницы, британскій посолъ сэръ Джемсъ Гаррисъ доносилъ своему правительству, что великій князь измѣнилъ свое поведеніе настолько, насколько то трудно было и ожидать: «трудно сказать, прибавляетъ посолъ въ своей депешѣ, чему должно приписать такую перемѣну». На это Зибель замѣчаетъ: «Sir James Harris zerbricht sich den Kopf Gründe dafür zu finden. Denken wir uns aber, Katharina hätte dem störrischen Sohn jene Denkwürdigkeiten mitgetheilt, so wäre das ein Grund, schlagender als Alles, was der kluge Diplomat ersinnen möchte. Eine solche Mittheilung möchte dem Sohne so schwer in die Glieder gefahren sein, dass er sich hinfort gern ruhig verhielt» (S. 98). Двадцать лѣтъ назадъ мы находили эту догадку Зибеля невѣроятною по двумъ причинамъ: во-первыхъ, по указанію англійскаго посла эта перемѣна въ поведеніи великаго князя произошла въ концѣ 1782 года—его депеша помѣчена 17-мъ декабря этого года; между тѣмъ, въ «Запискахъ» упоминается: а) о Панинѣ, какъ объ умершемъ, а онъ умеръ только въ мартѣ 1783 года, и б) о дневникѣ камеръ-юнкера Берхгольца, напечатанномъ, въ «Magazin für Historie und Geographie» Бюшинга, только въ 1784 году; слѣдовательно, перемѣна не могла произойти отъ чтенія «Записокъ», которыя въ 1784 году не были еще написаны; во-вторыхъ, «Записки» были найдены въ бумагахъ Екатерины уже послѣ ея смерти, запечатанными и адресованными именно вели-

кому князю, въ чомъ уже не представлялось бы надобности, еслибы онъ ихъ читалъ еще пятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ. Въ настоящее же время, основываясь на обнародованныхъ письмахъ, можно сдѣлать довольно вѣроятное предположеніе, что «Записки» писаны не только позже 1784 года, но даже позже іюня 1790 года. Въ письмѣ къ Гримму отъ 21-го іюня 1790 года Екатерина говоритъ: «Je ne sais ce que Diderot entend par mes Mémoires, mais ce qu'il y a de sûr, c'est que je n'en ai pas écrit et que si c'est un péché de ne l'avoir pas fait, je dois m'en accuser» (Сборникъ, XXIII, 484).

(8) Кажется, Вольтеръ догадывался объ этой цѣли и старался отклонить ее; покрайней мѣрѣ, въ письмѣ его къ Екатеринѣ, отъ 3-го декабря 1771 года, встрѣчается такая фраза: «Heureux l'écrivain qui donnera dans un siècle l'histoire de Catherine II» (Voltaire, CXXVIII, 211).

(9) Въ письмѣ къ Гримму отъ 27-го февраля 1775 г., изъ Москвы, Екатерина пишетъ: «Écoutez donc, n'allez point me jouer un tour aussi affreux que d'aller donner des copies de mon bavardage avec Diderot. J'ai beaucoup d'estime pour M. de Castrie, mais il est mortel, et mon mémoire passerait de main en main jusqu'aux imprimeurs; or, je crains l'impression comme le feu; ainsi, malgré ce que vous pourrez dire et mon ami le prince Henri encore, point de copie, s'il vous plaît, à âme qui vive, et dites à Diderot, que je salue, de n'en point donner et de mettre mes réponses dans notre bibliothèque commune en dépôt» (XXIII, 18). Въ настоящее время извѣстно шесть писемъ Дидро къ Екатеринѣ (см. Прилож. III, 24, 33—37), слѣдовательно, существуетъ, вѣроятно, и шесть «отвѣтовъ»; седьмое письмо, писанное Дидро въ Петербургѣ, отъ 11-го февраля 1774 года, за нѣсколько дней до его отъѣзда изъ Россіи, по своему содержанію не предполагаетъ отвѣта, покрайней мѣрѣ, письменнаго. Нельзя, впрочемъ, и ожидать, чтобъ переписка Дидро съ Екатериною могла быть вполнѣ возстановлена: «Le mardi 17 decembre 1816, M-me de Vandeuil, née Diderot, m'a dit que la peur des révolutionnaires lui avait fait brûler en 1792 toute la correspondance

de son père avec l'impèratrice de Russie» (Dideret, XX, 102). Въ огнѣ же погибла и переписка Дидро съ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ: она хранилась въ селѣ Воронцовѣ, Московскаго Уѣзда, сгорѣвшемъ въ 1812 году (Сборникъ, V, 128). Надо считать безвозвратно пропавшимъ и то письмо Дидро къ Екатеринѣ, которое императрица переслала для прочтенія къ Гримму и о которомъ упоминаетъ въ письмѣ къ Гримму отъ 1-го сентября 1776 года: «Tenez, lisez la letre que je viens de recevoir de Diderot» (Сборникъ, XXIII, 59). Слѣдовъ такихъ утерянныхъ писемъ Дидро и Екатерины можно указать нѣсколько; см. Сборникъ, X, 161; XIII, 408, 448; XVII, 25, 26, 132; XXIII, 77.

(10) Искренно или притворно, но Гриммъ принималъ за чистую монету воспрещеніе печатать письма и давать съ нихъ копіи. Такъ, по поводу полученнаго письма съ описаніемъ могилевскаго путешествія, Гриммъ пишетъ Екатеринѣ, отъ 6-го сентября 1780 года: «Jamais mon coeur ne s'est trouvé en presse comme à la réception de cette lettre divine qui, tant qu'elle ne sera pas connue, laissera toujours l'histoire de ce voyage à jamais mémorable incomplète. Que Votre Majesté est injuste envers elle-même en me reduisant au silence à la face de l'Europe!.. Je possède cette lettre, et ne puis faire jouir mon siècle, ô bizarrerie fatale! tandisque si elle était adressée à un autre, je me ferais un devoir de la lui dérober par tous les moyens permis ou non permis, et de la publier pour l'admiration et la consolation de l'humanité» (XXXIII, 60). Когда письмо Екатерины къ принцу Де-Линю было напечатано и произвело шумъ въ Европѣ, Гриммъ пишетъ ей, отъ 20-го января 1791 года: «Aber, um tausend Gotteswillen, que dirai-je à Votre Majesté du prince de Ligne? Ist denn das erlaubt? Il laisse échapper une lettre de notre Impératrice, il permet qu'on la lui vole, et de Vienne elle passe à Paris et parait imprimée dans une feuille archidemocratique, de sorte qu'en moins d'une de ses colonnes, le gazetier passe en revue la moitié de l'Asie et de l'Europe convenablement drapée au grand magasin de l'Ermitage de Pétersbourg. Nun, dit le souffre-

douleur, das hätte ich armer Teufel mir sollen einfallen lassen und nur drey Zeilen von meiner Kaiserin entwischen lassen, so dass sie wären die Beute eines Zeitungsschmierers geworden, so wäre ich armer Schurk ohne Barmherzigkeit die Beute des Verderbens geworden, hätte mir die kaiserliche Ungnade auf den Hals gezogen und wäre mit Leib und Seele verloren gegangen. Il y a donc deux poids dans la balance de notre Impératrice: l'un pour le prince de Ligne, à qui tout est permis, pardonné d'avance; l'autre pour le souffre-douleur... Moi, il faut que j'enfouisse impitoyablement tous mes trésors, le prince de Ligne les étale et n'aura pas seulement une semonce pour cette petite gentillesse» (XXXIII, 302).

(11) Отъѣздъ изъ Цербста послѣдовалъ 17-го января (Сборникъ, VII, 9), пріѣздъ въ Москву — 9-го февраля 1744 г. (Id. 26; XXIII, 591).

(12) Corresp. polit. de Frédéric II, 319. Въ «Дневникѣ докладовъ колегіи иностранныхъ дѣлъ» значится, что въ отвѣтномъ письмѣ Фридриху предлагалась слѣдующая фраза: «о меритахъ оныхъ принцесъ ея императорское величество посторонне отъ другихъ слышать изволила» (Архивъ кн. Воронцова, VI, 40). Этимъ подтверждается мнѣніе Соловьева (XXI, 324) и опровергается взглядъ г. Бартенева на Фридриха, какъ «главнаго свата» (Осмнадцатый Вѣкъ, I, 13).

(13) Свѣдѣнія о болѣзни цербстской принцесы крайне сбивчивы. По оффиціальнымъ извѣстіямъ, принцеса «занемогла 6-го марта лихорадкою отъ флюса»; вскорѣ, однако, флюсъ измѣнился въ «опасный ревматизмъ съ одышкою». Это первое извѣщеніе заканчивалось словами: «чрезъ всегдашнее употребленіе наилучшихъ лекарствъ и частое пусканіе крови» опасность миновалась («Спб. Вѣдомости» за 1744 г., № 25-й). Съ 13-го по 19-е марта принцесѣ было «легче», но прибавлено, что 19-е марта былъ опаснѣйшій день; больная «много мокроты выкинула». Кризисъ миновалъ счастливо (Id. № 26). Отъ 27-го марта — принцесѣ гораздо легче (Id. № 28-й), а 20-го апрѣля принцеса впервые вышла и публично кушала (Осмнадцатый Вѣкъ,

I, 423). Такимъ образомъ, болѣзнь, причины которой вовсе не указаны, продолжалась 45 дней, съ 6-го марта по 20-е апрѣля. Въ «Запискахъ» же Екатерины сказано, что болѣзнь началась «на 15-й день» по пріѣздѣ въ Москву, т. е. 24-го февраля, и не лихорадкой отъ флюса, а «воспаленіемъ въ боку»; «двадцать семь дней» больная была между жизнью и смертью, но «нарывъ на правомъ боку прорвался, со мною сдѣлалась рвота и я пришла въ себя» (Mémoires, 21, 22). Оставляя въ сторонѣ время заболѣванія, продолжительность болѣзни и ея опредѣленіе, мы полагаемъ главную причину болѣзни въ нервномъ потрясеніи, вынесенномъ принцесою. Это подтверждается и объясненіемъ, какое позже дала своей болѣзни Екатерина: «Желая поскорѣе выучиться русскому языку, я вставала ночью, когда всѣ вокругъ спали, и, сидя на постели, зубрила тетради. Въ комнатѣ было жарко, я не находила нужнымъ обуваться; вслѣдствіе этого» и т. д. (Mémoires, 21). Принцеса по ночамъ учитъ уроки русскаго языка уже на второй недѣли по прибытіи въ Москву!

(14) Вопросъ о принятіи Екатериною православія не подвергался спеціальному изслѣдованію; всѣ же историки, касавшіеся этого вопроса, относились къ нему съ увѣренностью, что для принцесы, отецъ которой былъ строгій лютеранинъ и которая воспитывалась въ лютеранскомъ «страхѣ Божіемъ», было очень тяжело перемѣнить вѣру отцовъ. Такое мнѣніе, основанное исключительно на буквальномъ пониманіи донесеній прусскаго посланника въ Россіи Мардефельда и писемъ прусскаго короля Фридриха II, не выдерживаетъ критики. Фридрихъ II говоритъ, напримѣръ, что отецъ принцесы былъ «Lutheraner, wie man's in den Zeiten der Reform war»—это не болѣе какъ фраза и, къ тому же, совершенно неумѣстная: когда этому «лютеранину временъ реформаціи» дочь написала, что она не находитъ «почти никакой разности» (presque aucune différence) между греческою и лютеранскою религіею (VIII, 4), а жена засвидѣтельствовала, что оба ученія даже «совершенно сходны» (Соловьевъ, XXI, 336), то онъ вполнѣ этому повѣрилъ и пренаивно сталъ всѣмъ говорить:

«Lutherisch-griechisch, griechisch-lutherisch, das gehet an»! Донесенія Мардефельда не столько говорятъ о состояніи духа принцесы, сколько намекаютъ на услуги самого посланника и на его положеніе при дворѣ: то намекъ на свое участіе въ тайномъ приглашеніи къ Екатеринѣ лютеранскаго пастора, что, кстати сказать, вовсе не похоже на Екатерину и опровергается разсказомъ ея матери (VII, 30—31), то одинъ онъ знаетъ, что передъ «церемоніею» Екатерина «много плакала» и т. п. (Schlözer, Friedrich der Gr. und Katharina II, 49, 51; Брикнеръ, 220, 224). Какъ религію, также легко перемѣнила она и имя, изъ Софіи-Доротеи-Фридерики ставъ Екатериной. Она и тогда, вѣроятно, смотрѣла на «имя» также, какъ въ 1773 году, когда писала Вольтеру: «Sur ce point nous sommes plus chiches que vous, qui en donnez par douzaine, tandis qu'ici chacun n'en a pas plus qu'il ne lui en faut, c'est-à-dire un seul» (Сборникъ, XIII, 378). Насколько «lutherisch — griechisch, griechisch-lutherisch, gehet an» видно изъ «Лютерскихъ ересей», которыя вскорѣ будутъ напечатаны, по рукописямъ московской синодальной библіотеки, въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» (1883, III, XI).

(15) Лейпцигскій книгопродавецъ Цедлеръ издалъ въ прошломъ столѣтіи первый на нѣмецкомъ языкѣ «Всеобщій Лексикомъ» (J. H. Zedler, Grosse vollständige Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste, Leipzig, 68 Bde, 1731—1754). Въ 61-мъ томѣ, подъ словомъ Zerbst, въ отдѣлѣ «Das Fürstliche Hauss», на стр. 1597, въ разсказѣ о помолвкѣ Петра Ѳедоровича съ Екатериной Алексѣевной, говорится: «Die Prinzessin bekam von der Kayserin und dem Gross-Fürsten reiche Geschencke, und ward auch zur Erbin des Russischen Reichs eingesetzet, im Fall die Kayserin und der Gross-Fürst ohne Erben mit Tode abgehen solten». Этому извѣстію г. Бартеневъ придаетъ полную вѣру и, потому, важное значеніе: «При бракосочетаніи Екатерины постановлено было, что, въ случаѣ бездѣтной кончины великаго князя, наслѣдницею Россійскаго престола будетъ Ека-

терина (Цейдлеровъ Лексиконъ, стр. 1597)—условіе чрезвычайно важное и объясняющее намъ весь послѣдующій образъ дѣйствій Екатерины» (Осмнадцатый Вѣкъ, I. 29). Высоко цѣнитъ это извѣстіе и Я. К. Гротъ: «Для разъясненія всего образа дѣйствій Екатерины при дворѣ Елизаветы Петровны необходимо имѣть въ виду важное постановленіе, послѣдовавшее при бракосочетаніи ея: что, въ случаѣ кончины великаго князя бездѣтнымъ, право на наслѣдство переходитъ къ ней» («Древняя и Новая Россія», I. 124). Такого «постановленія» никогда не было и быть не могло, такъ какъ въ немъ не было надобности. Постановленія подобнаго рода обнародовались манифестами—такого манифеста не существуетъ; еслибъ манифестъ былъ изданъ, онъ былъ бы доставленъ въ лексиконъ Цедлера тѣмъ же лицомъ, которое обязательно сообщило ему всѣ подробности помолвки, не исключая даже манифеста значительно меньшей важности, которымъ повелѣвалось «diese Durchl. Printzessin, als Gross-Fürstin mit dem Titul: Ihro Kayserliche Hoheit, zu veneriren». Не было же надобности въ подобномъ постановленіи потому, что наслѣдникомъ престола былъ уже объявленъ, по манифесту Елизаветы Петровны, ея племянникъ Петръ Өедоровичъ; о какой-либо перемѣнѣ или дополненіи въ этомъ отношеніи могла быть рѣчь лишь въ случаѣ смерти великаго князя при жизни императрицы; по кончинѣ же Елизаветы Петровны, право распоряжаться въ этомъ отношеніи переходило къ императору Петру III. Но если такого постановленія не было, откуда почерпнулъ извѣстіе о немъ Цедлеръ для своего лексикона? При помолвкѣ цербстской принцесы, ея мать, княгиня цербстская, пользовалась еще извѣстнымъ расположеніемъ императрицы, которое, годъ спустя, совершенно утеряла, такъ что самымъ бракосочетаніемъ спѣшили, «чтобъ удалить ее» изъ Россіи (Записки Штелина, «Чтенія въ обществѣ исторіи», 1866, IV, 89). О своемъ пребываніи въ Россіи она писала подробныя письма, родъ реляцій, своей теткѣ; она описала, между прочимъ, и помолвку своей дочери. Все, напечанное по этому поводу во «Всеобщемъ Лексиконѣ» Цедлера есть лишь пересказъ

пространнаго письма княгини цербстской, напечатаннаго въ Сборникѣ, VII, 37—44; вотъ почему княгиня постояно выставляется на видъ въ разсказѣ о событіи, въ которомъ она играла роль болѣе, чѣмъ второстепенную. Едва упомянувъ, что «diese Verlobung geschahe mit grossem Gepränge», лексиконъ прибавляетъ: «der Ober-Hof-Marschall Graf Otto von Brümmer führte die Fürstin von Zerbst, und der gesammte Hof folgte». Въ лексиконѣ, конечно, опущены подробности о нежеланіи пословъ сидѣть ниже княгини; разсказано, однако, какъ всѣ обѣдали въ большой залѣ, за тремя столами, княгиня же обѣдала въ сосѣдней комнатѣ, но такъ, что могла видѣть все, что происходило въ большой залѣ (Die Fürstin von Zerbst sass an einer besondern Tafel in einem Neben-Zimmer, worinnen sie Alles, was in dem grossen Saale vorging, sehen konnte)—подробность, настолько неумѣстная во «Всеобщемъ Лексиконѣ», что помѣщеніе ея трудно было бы и объяснить, еслибъ не было указаній на источникъ этой статьи. Ею же, княгиней цербстской, или по ея указанію, было помѣщено извѣстіе о правѣ наслѣдованія Екатерины Алексѣевны. Извѣстіе это, почерпнутое изъ лексикона Цедлера, передано г. Бартеневымъ неточно, причемъ исчезли двѣ особенности, доказывающія очевидную его нелѣпость: во-первыхъ, постановленіе о престолонаслѣдіи отнесено къ помолвкѣ (а не къ бракосочетанію), и, во-вторыхъ, условіемъ его поставлена бездѣтность не только великаго князя, но и императрицы! Ни Соловьевъ (Ист. Россіи, XXII, 41), ни Брикнеръ («Русск. Вѣстн.», 1883, I, 237) вовсе не упоминаютъ объ этомъ постановленіи. Это былъ слухъ, сплетня, повторенная Рюльеромъ въ его «Histoire de la révolution de Russie en 1762» и опровергнутая княгинею Дашковою, еще до обнародованія этой книги, въ слѣдующихъ категорическихъ выраженіяхъ: «Jamais il n'a été stipulé au mariage du Grand Duc (depuis empereur Pierre III) que sa femme régnerait après sa mort» («Архивъ», VII, 653). Негодность этого слуха была для книгини Дашковой до того очевидною, что она не считала даже возможнымъ, чтобъ книга, въ которой этотъ слухъ былъ повторенъ,

могла быть писана Рюльеромъ: «Quand je réfléchis—говоритъ она въ своихъ «Запискахъ»—que m-r de la Rhulière avait été plusieurs années au bureau des affaires étrangères, qu'avec son esprit et sa capacité il n'aurait pas pu dire qu'au mariage de Pierre III avec la princesse de Serbst (depuis Catherine II) il avait été stipulé dans le contrat qu'en cas de son décès, c'est elle qui porterait la couronne, ce que le plus ignorant novice dans la diplomatie n'aurait pas, en contradiction avec la vérité, pu dire... je n'eus plus de doute que cet ouvrage prétendu de la Rhulière n'était qu'un apocryphe» («Архивъ», XXI, 189).

(16) «Ея высочество для избѣжанія всякаго подозрѣнія отъ излишней и тайной переписки всегда потребныя свои письма въ Нашей Коллегіи иностранныхъ дѣлъ сочинять и къ подписанію себѣ приносить приказать можетъ». «Архивъ», II, 102.

(17) *P. de Bourdeilles seigneur de Brantome* (1527—1614), авторъ многихъ «Vies»: Vie des hommes illustres, Vie des dames galantes, Vie des dames illustres, Vie des grands capitaines étrangers. Его сочиненія были впервые изданы только въ 1666 году. Полное собраніе сочиненій вышло въ 1822 году.

(18) Задумываясь надъ преобразованіемъ учебной части въ Россіи, Екатерина пишетъ, между прочимъ, Гримму, отъ 27-го февраля 1775 года: «Послушайте вы, господа философы, вы были бы весьма милы и любезны, еслибъ соблаговолили начертать планъ обученія юношества, отъ азбуки до университета включительно. Вы скажете, что это нескромность съ моей стороны; но мнѣ говорятъ, что необходимы школы трехъ родовъ, а я, ничему не учившись и не бывши въ Парижѣ, не обладаю ни знаніемъ, ни умомъ и потому вовсе не знаю чему должно учить, ни даже чему можно учить, и гдѣ же почерпнуть всѣ эти свѣдѣнія, если не у васъ... Затрудняюсь составить себѣ понятіе объ университетѣ и объ его управленіи гимназіями и школами. Въ ожиданіи пока вы исполните или неисполните мою просьбу, я знаю, что стану дѣлать—*стану перелистывать „Энциклопедію“: о, я навѣрное вытащу*

оттуда все, что мнѣ нужно и чего не нужно" (Сборникъ, XXIII, 19). Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ она получила отъ Дидро два трактата, касающіяся учебной части: «Essai sur les études en Russie» и «Plan d'une université pour le gouvernement de Russie» (Diderot, III, 409—546).

(19) Il n'y a pas de paysan qui ne mange en Russie une poule quand il lui plait, et depuis quelque temps ils préfèrent les dindons aux poules (Сборникъ, X, 345). Въ письмахъ къ Панину изъ своего перваго путешествія по Россіи, императрица постоянно сообщаетъ о зажиточности народа, но курица уже не появляется, тѣмъ менѣе индѣйка. Id., 207, 208, 211 и др. Съ этой курицей мы еще встрѣтимся — она явится для убѣжденія Дидро въ довольствѣ народа.

(20) Екатерина руководила воспитаніемъ двухъ сыновей своего дяди, принцевъ голштин-готторпскихъ Августа-Вильгельма и Петра-Фридриха. Дядя Екатерины, принцъ Георгъ-Людвигъ, умеръ въ 1763 году; «осиротѣвшихъ принцевъ» она немедленно взяла къ себѣ, «а то пить-ѣсть негдѣ имъ взять будетъ», какъ писала она Панину (Сборникъ, VII, 330). Во время путешествія принцевъ по Европѣ принцы титуловались графами Ольденбургскими.

(21) C'était le célèbre Diderot qui avait inspiré à cette princesse le désir de connaître M. de-La Rivière (Mémoires du comte de Ségur, Paris, 1859, I, 443). Въ письмѣ къ Фальконэ, отъ іюля 1767 года, Дидро такъ отзывается о де-ла-Ривьерѣ: «Il a reçu de la nature une belle âme, un excellent esprit, des moeurs simples et douces»; о его сочиненіи: «C'est l'apôtre de la propriété, de la liberté et de l'évidence»; о значеніи его для Екатерины: «Ah, si Sa Majesté Impériale a du goût pour la vérité qu'elle sera sa satisfaction! Nous envoyons à l'Impératrice un très habile, un très honnête homme. Lorsque l'Impératrice aura cet homme-là, et de quoi lui serviraient les Quesnay, les Mirabeau, les de Voltaire, les d'Alembert, les Diderot? A rien, mon ami, à rien. C'est celui-là qui la consolera de la perte de Montesquieu». (Diderot, Oeuvres complètes, XVIII, 236). Фальконэ писалъ Дидро о де-ла-Ривьерѣ: «Si jamais vous

recommandez quelqu'un à l'Impératrice, faites qu'il se choisisse une compagnie qui honore son jugement». (Сборникъ, XVII, 255). Въ перепискѣ де-ла-Ривьера съ графомъ Н. И. Панинымъ, хранящейся въ государственномъ архивѣ, лицомъ, рекомендовавшимъ де-ла-Ривьера названъ аббатъ Рейналь, другъ Дидро: «M-r Hackelberg — пишетъ графъ Панинъ, отъ 7-го ноября 1767 года—m'apprend comme en ayant été informé par *l'abbé du Rainal* que votre degout et l'envie de vous illustrer ailleurs pour manifester et vos talens et votre façon d'agir vous feraient peut-être accepter un emploi» (Госуд. Арх., XI, 686).

(22) Diderot, I, 275—342. Г-жа Вандэйль, дочь Дидро, говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что «въ 1748 году Реомюръ снималъ катарактъ съ глазъ слѣпой отъ рожденія; Дидро хотѣлъ присутствовать на операціи, чтобъ изучить первыя впечатлѣнія прозрѣвшаго свѣтъ. Оказалось, что, по желанію нѣкоей г-жи Дюпрэ де-Сенъ-Моръ, она одна присутствовала въ тотъ моментъ, когда слѣпая отъ рожденія впервые увидѣла свѣтъ. Дидро замѣтилъ поэтому поводу, что Реомюръ предпочелъ имѣть свидѣтелями операціи лучше «deux beaux yeux sans conséquence», чѣмъ людей, способныхъ оцѣнить операцію. M-me Dupré de Saint-Maur обидѣлась и, чрезъ маркиза Д'Аржансона, военнаго министра, выхлопотала повелѣніе о заточеніи Дидро въ венсенскую тюрьму (Diderot, I, XLIII). Въ запискахъ маркиза Д'Аржансона, брата министра, объ арестованіи Дидро разсказывается слѣдующее: «На этихъ дняхъ заарестовано много аббатовъ, учоныхъ, вольнодумцевъ, которые отведены въ Бастилью, какъ г. Дидро, нѣсколько профессоровъ университета, докторовъ Сорбонны и т. п. Ихъ обвиняютъ въ сочиненіи стиховъ противъ короля и въ распространеніи ихъ, въ противодѣйствіи министерству, въ составленіи и напечатаніи статей за деизмъ и противъ нравственности» (Mémoires, août 1749). Дидро пробылъ въ заточеніи сто дней. «Lettre sur les aveugles», по мнѣнію издателей полнаго собранія сочиненій Дидро, «une des productions les plus hardies du siècle; il y a dans la «Lettre» non seulement un esprit d'analyse des plus d'aiguisés et de

plus exacts, mais en même temps des vues de genie qui ont préparé l'evolution de la science moderne dans le sens positif» (Diderot, I, 277).

(23) Diderot, IV, 139—378. Въ то время, говоритъ г-жа Вандэйль, «были въ модѣ романы Кребильйона. Мой отецъ говорилъ, что нѣтъ ничего легче, какъ писать подобныя книжонки, и полагалъ, что для этого стоитъ только найти какую-нибудь забавную завязку, и замѣнить, въ разсказѣ интриги, «вкусъ» вольнымъ языкомъ. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, онъ въ двѣ недѣли написалъ «Les bijoux indiscrets» (Diderot, I, XLII). Это шутка, читая которую нельзя не пожалѣть, что она занимаетъ болѣе 200 страницъ: въ ней Дидро превзошелъ не только Кребильйона («Le Sopha», «Tanzaï» и др.), но и всѣхъ упражнявшихся въ порнографической беллетристикѣ. Ничего грязнѣе и пошлѣе этихъ «Bijoux» нельзя себѣ и представить. Но администрація возстала на автора не за грязь и пошлость; она усмотрѣла въ дѣйствующихъ лицахъ разсказа Людовика XV (Mangogul), г-жу Помпадуръ (Mirzoza), маршала Ришельё (Selim) и т. п. Разсказъ имѣлъ громадный успѣхъ, выдержалъ много изданій, былъ переведенъ на иностранные языки. Дидро позже очень сожалѣлъ объ этомъ литературномъ грѣхѣ своей молодости.

(24) Diderot, I, 123—169. Эти философскія мысли, вѣрнѣе этико-религіозные афоризмы, числомъ 72, были написаны, по словамъ автора, «отъ пятницы страстной до понедѣльника святой недѣли» (du vendredi saint au lundi de Pâques) 1746 г., т. е. изложены на бумагѣ; но сами по себѣ эти мысли составляютъ плодъ его долгихъ размышленій, вызванныхъ переводомъ сочиненій Шафтсбери о заслугѣ и добродѣтели (Essai sur le mérite et la vertu). Здѣсь скептицизмъ Дидро развитъ еще довольно слабо; тѣмъ не менѣе, постановленіемъ судебной власти отъ 7-го іюля 1746 года, книга была сожжена. Въ то время сжигалась обыкновенно не осужденная книга, а лишь макулатура (en effigie). Въ 1757 году «Pensées philosophiques» были вновь изданы, подъ заглавіемъ «Etrennes aux esprits forts»; въ 1801 году они же были озаглавлены «Apocalypse de la

raison», и съ тѣхъ поръ книга выдержала много изданій и вызывала массу возраженій, сила и значеніе которыхъ постоянно умалялись. Въ послѣднемъ изданіи (Assezat, 1876), къ 72 «мыслямъ» прибавлены еще двѣ, вновь найденныя въ эрмитажной библіотекѣ; въ одной изъ нихъ Дидро такъ резюмируетъ христіанскую мораль: «Mortels, adorez Dieu, aimez vos frères et rendez vous utiles à la patrie» (p. 168). Послѣдняя изъ прежде издававшихся, 72-я «мысль», выраженная въ слѣдующихъ словахъ: «Satis triumphat veritas si apud paucos, eosque bonos, accepta sit; nec ejus indoles placere multis», была подробнѣе развита въ брошюрѣ «De la suffisance de la religion naturelle» (Diderot, I, 259—274), гдѣ замѣчается новый шагъ въ развитіи Дидро: сперва деистъ, потомъ скептикъ, онъ теперь довольствуется натуральною религіею, прежде чѣмъ стать матерьялистомъ.

(25) Diderot, I, 171—258. Это—скучная и не остроумная аллегорія, изображающая жизнь религіознаго человѣка, философа и человѣка, ставящаго превыше всего чувственныя наслажденія, въ видѣ трехъ аллей — терновника, каштановъ и цвѣтовъ. Г-жа Вандэйль разсказываетъ, что въ 1747 году, агентъ книжной полиціи (la police de la librairie) вошелъ однажды въ домъ, сталъ рыться въ кабинетѣ Дидро, нашолъ какую-то рукопись, положилъ ее въ карманъ и ушолъ, заявивъ, что «это все, что мнѣ нужно» (Diderot, I, XXXII). Это и была «La promenade du sceptique», которая была впервые издана лишь въ 1830 году. Новѣйшіе критики называютъ «Прогулку скептика» произведеніемъ переходнымъ (œuvre de transition), но въ ней яснѣе уже видны черты натуралистической и пантеистической философіи Дидро. Морлей дѣлаетъ такой отзывъ объ этомъ произведеніи: «Мораль произведенія Дидро, какъ онъ самъ намекаетъ, направлена, во-первыхъ, противъ сумасбродствъ католицизма, во-вторыхъ, противъ пустоты свѣтскихъ удовольствій и, втретьихъ, противъ безпредѣльной неопредѣленности философскихъ теорій. Но при этомъ мы усматриваемъ въ немъ довольно сильную склонность къ теоріи о вѣчности мате-

ріи, которая распредѣлилась и приняла разнообразныя формы благодаря присущему ей свойству подвижности» (стр. 50).

(26) Diderot, IV, 379—442. Въ 1749 году, когда Дидро былъ арестованъ, его жена отправилась къ градоначальнику Беррье и вотъ какъ г-жа Вандэйль, дочь Дидро, разсказываетъ о свиданіи своей матери съ градоначальникомъ: «Ну, сказалъ Беррье, вашъ мужъ въ нашихъ рукахъ. Вы можете значительно облегчить его страданія и ускорить освобожденіе, если укажете намъ, гдѣ его произведенія, какимъ онъ занимается въ настоящее время, гдѣ его «Pigeon blanc». Моя мать отвѣчала, что она никогда не видѣла и не читала произведеній своего мужа; всецѣло отдавшаяся хозяйству, она не вмѣшивалась въ науки, которыми онъ любилъ заниматься; что она не знаетъ ни бѣлаго, ни чернаго голубка (ni pigeon blanc, ni pigeon noir), но вполнѣ убѣждена, что его писанія согласовались съ его поведеніемъ». «Pigeon blanc» по Беррье, собственно же «L'oiseau blanc» — разсказъ, написанный въ 1748 году и изданный только въ 1798. Этотъ разсказъ гораздо скромнѣе «Bijoux indiscrets», хотя служитъ какъ бы продолженіемъ, покрайней мѣрѣ, въ немъ тѣже дѣйствующія лица. Это-то и дало поводъ обвинять Дидро, будто въ этомъ разсказѣ изображены Людовикъ XV, г-жа Помпадуръ и др. лица.

(27) Chaque siècle a son esprit qui le caracterise; l'esprit du notre semble être celui de la liberté. La première attaque contre la superstition a été violente, sans mesure. Une fois que les hommes ont osé d'une manière quelconque donner l'assaut à la barrière de la religion, cette barrière la plus formidable qui existe comme la plus respectée, il est impossible de s'arrêter. Des qu'ils ont tourné des regards menaçants contre la majesté du ciel, ils ne manqueront pas le moment d'après de les diriger contre la souveraineté de la terre.

(28) Diderot, IX, 235—430. Это—родъ замѣтокъ, написанныхъ по поводу чтенія различныхъ книгъ по анатоміи и физіологіи, мыслей, навѣянныхъ изученіемъ медицинскихъ вопросовъ, наблюденій, сдѣланныхъ Дидро и про-

вѣренныхъ бесѣдами съ спеціалистами, къ которымъ онъ обращался нерѣдко даже письменно, по вопросамъ, касающимся трехъ царствъ природы, преимущественно же человѣка. Дидро интересовался подобными вопросами, памятую заявленіе Декарта: «если родъ человѣческій можетъ быть улучшенъ, средства къ тому должно искать въ медицинѣ». Эти замѣтки были набросаны на бумагу въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ жизни Дидро; рукопись хранилась въ Эрмитажѣ около ста лѣтъ и только теперь впервые издана. Научное значеніе этихъ «Eléments de physiologie» разобрано *E. Caro,* De l'idée transformiste dans Diderot» (Revue des Deux-Mondes, 1879, 15 octobre). Здѣсь Дидро первый провозглашаетъ объ измѣненіи видовъ: «Природа уничтожаетъ индивидуумъ менѣе чѣмъ во сто лѣтъ; отчего же она не истребитъ видъ въ болѣе продолжительное время? Все міроздаліе непрерывно измѣняется; какъ же видъ можетъ при этомъ оставаться неизмѣннымъ? Только молекула вѣчна и неизмѣнна... Всякое животное есть болѣе или менѣе человѣкъ, всякій минералъ—болѣе или менѣе растеніе, всякое растеніе — болѣе или менѣе животное. Всякая вещь есть болѣе или менѣе земля, или вода, или воздухъ, или огонь» и т. п. Этотъ трудъ Дидро оставался около ста лѣтъ неизданнымъ только благодаря тому, что попалъ, вмѣстѣ съ библіотекою Дидро, въ Петербургъ, что̀, конечно, имѣло вліяніе и на позднюю сравнительно оцѣнку заслугъ Дидро.

(29) *Encyclopédie* ou dictionnaire resonné des sciences, des arts et des métiers, recueilli des meilleurs auteurs et particulièrement des dictionnaires anglais de Chambers, D'Harris, de Dyche etc. Par une société des gens de lettres. Mis en ordre et publié par *M. Diderot,* et, quant à la partie mathématique, par M. D'Alambert, de l'academie rogale des sciences de Paris et de l'academie royale de Berlin. Въ полномъ собраніи сочиненій Дидро перепечатаны изъ «Энциклопедіи» всѣ статьи, несомнѣнно писанныя самимъ Дидро и онѣ занимаютъ съ стр. 177-й т. XIII, всѣ послѣдующіе три тома (XIV, XV и XVI) и весь XVII т. до стр. 325-й, что составитъ, считая и труды Дидро по изданію рисунковъ, немного болѣе трехъ четвертей всего изданія.

(30) *Авраамъ Шомеи* (1730—1790), врагъ энциклопедистовъ, былъ одно время учителемъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ. Онъ написалъ «La petite Encyclopédie», изд. въ Анверѣ, въ 1772 году («Истор. Вѣстн.», т. XVI, 290). Екатерина упоминаетъ объ немъ въ письмахъ къ Вольтеру. Въ письмѣ отъ начала 1763 года: «L'Imperatrice de Russie est très obligée au neveu de l'abbé Bazin de ce qu'il a bien voulu lui dédier l'ouvrage de son oncle qui assurément n'a rien de commun avec *Abraham Chaumeix*, maître d'école à Moscou, où il enseigne l'abc aux petits enfans» (Voltaire, CXXVIII, 5). Чрезъ два года, въ письмѣ отъ 22 августа 1765 года: «Des capucins qu'on tolère à Moscou, car la tolérance est générale dans cet empire (il n'y a que les jésuites qui ne sont pas soufferts), s'etant opiniâtrés cet hiver à ne vouloir pas enterrer un français (qui était mort subitement) sous prétexte qu'il n'avait pas reçu les sacremens, *Abraham Chaumeix* fit un factum contre eux pour leur prouver qu'ils devaient enterrer un mort. Mais ce factum ni deux requisitions du gouverneur ne purent porter ces pères à obéir. A la fin on leur fit dire de choisir, ou de passer la frontière, ou d'enterrer ce français. Ils partirent; et j'envoyai d'ici des augustins plus dociles qui, voyant qu'il n'y avait pas à badiner, firent tout ce qu'on voulut. Voilà donc *Abraham Chaumeix* devenu raisonnable en Russie; il s'oppose à la persécution. S'il prenait de l'esprit, il feroit croire les miracles aux incrédules. Mais tous les miracles du monde n'effaceront pas la tache d'avoir empêché l'impression de l'Encyclopedie» (Id., 8. Ср. Сборникъ, X, 39). Не подлежитъ, слѣдовательно, сомнѣнію, что Шомеи сперва, въ 1758 году, явился свидѣтелемъ противъ «Энциклопедіи», а потомъ, въ 1763 году, очутился уже въ Москвѣ, въ качествѣ школьнаго учителя, а не наоборотъ, какъ полагаетъ г. Шугуровъ (Осмнадцатый Вѣкъ, I, 259). Въ 1765 году, Екатерина все еще не только терпитъ врага энциклопедистовъ, но выставляетъ его заслугу въ спорѣ съ капуцинами. Только въ 1781 году, когда нѣкто Фонтэнъ, такой же проходимецъ, какъ и Шомеи, увезъ Якова Дмитріевича Ланскаго, брата извѣстнаго Александра Лан-

скаго, изъ Дрездена въ Парижъ, Екатерина обратила вниманіе на то крайнее довѣріе, съ какимъ относятся въ Россіи къ иностранцамъ: «Mais que voulez vous, on a beau se tuer à crer contre cette confiance dans les aventuriers chez nous de toute espèce; il y sont si accoutumés qu'ils ne peuvent s'en défaire et n'y a que la génération à naître qui s'en passera peut-être» (Сборникъ, XXIII, 223). Въ «Сборникѣ» этомъ Фонтэнъ названъ почему-то «гувернеромъ Бобринскаго», чѣмъ онъ никогда не былъ и быть не могъ: Екатерина относилась очень внимательно къ воспитанію графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, и не могла назначить гувернеромъ къ нему человѣка, котораго сама называетъ негодяемъ — un fripon (Id., 219). Наконецъ, въ 1781 году, Бобринскій находился еще въ Петербургѣ и только весною 1782 года отправился въ путешествіе и то сперва по Россіи («Русскій Архивъ», 1865, стр. 893).

(31) Изъ письма Екатерины къ Фальконэ, отъ 1767 г., можно догадываться, что императрица была недовольна, между прочимъ, статьей Жокура подъ словомъ «Russie» (Сборникъ, XVII, 8), въ которой, между прочимъ, населеніе Россіи уменьшалось до 12 милліоновъ, тогда какъ Екатерина опредѣляла его въ 20 милліоновъ (Id., VII, 347; X, 31). Говоря о новомъ изданіи «Энциклопедіи», Дидро, въ письмѣ къ Екатеринѣ, отъ 13 сентября 1774 г., пишетъ: «Такимъ образомъ, я буду въ состояніи исправить глупости г. аббата Шаппа и г. кавалера Жокура» (Прилож. III, 33).» Раньше велись тоже переговоры чрезъ посредство князя Голицына и Вольтера о томъ, чтобъ въ женевскомъ изданіи «Энциклопедіи» исправить и дополнить статьи о Россіи (Voltaire, LXXVIII, 217).

(32) Въ мемуарахъ г-жи Вандэйль, дочери Дидро (Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des oeuvres de Diderot) говорится, что это «злодѣяніе» было исправлено: «Mon père exigea que l'on tirât un exemplaire pour lui avec des colonnes où tout était rétabli; cet exemplaire est en Russie avec sa bibliothèque» (Diderot, I, XLV). Извѣстіе это, какъ и многія другія въ мемуарахъ дочери Дидро, невѣрно. По разсказу эпизода съ типографіей Ле-Бретона,

составленному по извѣстіямъ Гримма (Correp. littér.) и самого Дидро, рукописи и коректуры всѣхъ десяти томовъ были сожжены, такъ что не по чемъ было бы «возстановить» первоначальный текстъ; по условіямъ же печатанія того времени, невозможно было сдѣлать оттискъ десяти томовъ въ одну колонну, для чего потребовался бы новый наборъ; наконецъ, въ Петербургѣ, ни въ Эрмитажѣ, ни въ Публичной Библіотекѣ, куда были переданы изъ Эрмитажа всѣ книги Дидро, нѣтъ этого «экземпляра», исправленнаго самимъ Дидро.

(33) Матерьяльныя выгоды отъ изданія «Энциклопедіи» всѣ пошли исключительно въ пользу издателей-книгопродавцевъ. Въ письмѣ къ полиційместеру Сартину, будущему министру, Дидро сообщаетъ: «Знаю, что вы о насъ нѣсколько лучшаго мнѣнія, чѣмъ господа книгопродавцы, которымъ мы помогли составить громадныя состоянія и которые предоставили намъ жевать листья отъ нашихъ лавровыхъ вѣнковъ. Не странно-ли, что я работалъ 30 лѣтъ для «Энциклопедіи», убилъ на нее лучшіе годы жизни, далъ книгопродавцамъ пріобрѣсти два милліона франковъ, а самъ остался безъ гроша? Послушать книгопродавцевъ, такъ я долженъ считать за великое счастіе уже и то, что жилъ въ эти 30 лѣтъ» (Diderot, XX, 7). Со словъ самого Дидро, конечно, записалъ и Бьёрнстэль, въ письмѣ изъ Гаги, отъ 31-го октября 1774 года: «Die in Gemeinschaft getretenen Buchhändler, deren nur vier waren, gewannen durch die Encyclopedie ungefehr dritthalb Millionen Livres, allein Herr Diderot hatte kaum sein nothdürftiges Auskommen, bis ihm die Hülfe aus Norden erschien». Björnstähls Briefe, Rostock, 1781, III, 231.

(34) Diderot, I, LI. Г-жа Вандэйль, дочь Дидро, относитъ продажу библіотеки ея отца къ 1763 году: ce fut, je crois, en 1763. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, память ей измѣняетъ: въ концѣ 1765 года Д'Аламберъ и Вольтеръ въ письмахъ къ Екатеринѣ выражаютъ ей благодарность за покупку библіотеки Дидро, а спустя болѣе года послѣ покупки, когда императрица уплатила своему библіотекарю за пятьдесятъ лѣтъ впередъ жа-

*

лованье, которое въ теченіи почти двухъ лѣтъ (pendant deux ans, по словамъ самой г-жи Вандэйль) вовсе не выплачивалось, Д'Аламберъ благодаритъ Екатерину за новое благодѣяніе (nouveau bienfait), оказанное Дидро, и письмо это помѣчено 1767 годомъ. Ср. также письмо Дидро къ Бецкому, равнымъ образомъ отъ 1767 года (Diderot, XIX, 493).

(35) Письмо къ Вольтеру помѣчено 28-го ноября 1765 года (Voltaire, LXXVIII, 10); письмо къ Д'Аламберу безъ помѣты, но оно служитъ отвѣтомъ на письмо къ Екатеринѣ отъ 15-го (26-го) октября, а въ то время почта шла изъ Парижа въ Петербургъ около мѣсяца, иногда болѣе. Нарочные курьеры совершали переѣздъ въ 20 дней (dans vingt jours, см. Сборникъ, XXXIII, 121). Г. Бартеневъ безъ основанія обобщаетъ единичный фактъ, когда «нарочный курьеръ» ѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ болѣе мѣсяца, причомъ промедленіе могло случиться отъ отправки письма, а не отъ ѣзды курьера (Осьмнадцатый Вѣкъ, I, 38).

(36) Эта сторона дѣятельности Дидро, проходящая чрезъ всю его жизнь, можетъ быть вѣрно оцѣнена только спеціалистомъ, и мы позволяемъ себѣ выразить пожеланіе, чтобъ уважаемый В. В. Стасовъ, высказавшій глубокое въ этомъ отношеніи пониманіе Дидро (Др. и Новая Россія, 1877, I, 330, 333, 350 и др.), поскорѣе обнародовалъ результаты своего многолѣтняго изученія Дидро, какъ художественнаго критика.

(37) Въ государственномъ архивѣ хранится переписка Де-ла-Ривьера съ разными лицами (XI, № 1035: десять писемъ его и три къ нему), съ графомъ Н. И. Панинымъ (XI, 686) и одно письмо къ императрицѣ Екатеринѣ II (XI, 1034). Всѣ эти письма будутъ вскорѣ изданы. Въ письмѣ графа Панина изъ Москвы, отъ 7 ноября 1767 г., къ Де-ла-Ривьеру въ Петербургъ, возникшія недоразумѣнія объясняются слѣдующимъ образомъ: «Il n'y a point de difficulté entre nous sur le fond de la chose. C'est l'estime qui Vous a appellé en Russie; c'est l'intention d'y être utile qui vous a determiné à y venir. Il n'y a de meprise

que dans la trop grande extension qui a été donnée à cette dernière idée; mais il y en a surtout dans l'opinion du grand sacrifice que vous avez dû faire en quittant la France, et la persuasion où nous avons été que vous offrir un emploi c'étoit vous ouvrir une porte honorable et analogue à vos vuës pour la quitter». На основаніи какъ трудовъ самого Де-ла-Ривьера, такъ и письма Дидро къ Фальконэ (Diderot, XVIII, 272—274) можно полагать, что разсказъ графа Сегюра о пребываніи Де-ла-Ривьера въ Петербургѣ (Barrière, XIX, 443) не заслуживаетъ особаго довѣрія.

(38) *Claude de Rulhières* (1735—1791) былъ секретаремъ французскаго посольства и секретаремъ французскаго посла барона Бретэйля, съ 1760 года. Онъ былъ членъ французской академіи, много писалъ въ прозѣ и стихахъ. Кромѣ «Histoire de la revolution de Russie en 1762», онъ составилъ «Histoire de l'anarchie de Pologne», 4 тома, и «Eclaircissements sur la révocation de l'édit de Nantes».

(39) Дочь герцога Ришелье (Sophie-Louise-Armande-Septimanie de Vignerot du Plessis Richelieu) вышла замужъ за вдовца графа Эгмонта (Casimir Auguste d'Egmont-Pignatelli), умершаго въ 1786 году. Маркиза де-Креки въ своихъ любопытныхъ мемуарахъ такъ описываетъ графиню Эгмонтъ: «Madame d'Egmont m'a laissé le souvenir d'une sylphide insaisissable, et son idée m'est toujours restée une impression prestigieuse, comme la suite d'une rêve enchanteur, Elle était grande et svelte; elle avait des yeux bruns, noirs ou gris, dont la couleur était assortie à son impression du moment. On n'a jamais revu des yeux pareils à ceux là pour les variétés de leur expression ni pour leur effet magique». Въ числѣ поклонниковъ графини былъ и Рюльеръ. Графъ Эгмонтъ, по словамъ маркизы, «était assurément le plus révérencieux, le plus silencieux et le plus ennuyeux mari de la terre» (Souvenirs de la marquise de Créquy, Paris, 1869, II, 200 sqq).

(40) *Charles Rossignol*, былъ французскимъ консуломъ въ Петербургѣ и одно время повѣреннымъ въ дѣлахъ.

(41) *Cl. de Rulhière*, Histoire ou anecdotes sur la ré-

volution de Russie en 1762. Paris. 1797. Въ томъ же году появилось девять изданій: три на французскомъ, два на англійскомъ, два на нѣмецкомъ и одинъ на датскомъ языкахъ; на русскомъ языкѣ до сихъ поръ ни одного, хотя еще М. Н. Лонгиновъ изготовилъ точный переводъ книги («Русскій Архивъ», 1878, III, 6).

(42) Архивъ князя Воронцова, XXI, 137, 140—141, 139. Въ XXI томѣ архива помѣщены «Mémoires de la princesse Dashkaw» по рукописи, просмотрѣнной и исправленной авторомъ; въ приложеніи собраны письма и докуманты, касающіеся «Записокъ» и лично княгини. Это, по счоту, второе изданіе «Записокъ»; первое напечатано въ 9 томѣ «Bibliothèque russe et polonaise». Ранѣе оригинала вышли три перевода: на англійскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Изслѣдованіе подлинности «Записокъ» помѣщено въ «Русскомъ Архивѣ», 1880, III, 150, въ обстоятельной статьѣ г. Шугурова, «Миссъ Вильмотъ и княгиня Дашкова».

(43) Лессингъ чрезвычайно высоко ставилъ мнѣніе Дидро, какъ драматическаго критика и какъ драматурга (Гамбургская драматургія, Москва, 1883, стр. 242, 416 sqq.); онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ всѣ его пьесы и трактаты о драматическомъ искуствѣ. Въ настоящее время не подлежитъ уже сомнѣнію, что новые взгляды, высказанные Дидро относительно сцены, драматурговъ и актеровъ, имѣли бо́льшое вліяніе на германскій, чѣмъ на французскій театръ. Для теоріи драматическаго искуства имѣютъ и въ настоящее время значеніе два трактата Дидро: 1) De la poésie dramatique (Diderot, VII, 307—394) и 2) Paradoxe sur le comedien (Id., VIII, 339—426). Дидро написалъ пять пьесъ для сцены: 1) Le fils naturel où les épreuves de la vertu, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ (Id., VII, 20—86); 2) Le père de famille, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ (Id., 187—298). Къ ней прибавлены, въ видѣ разъясненія, три бесѣды «Dorval et moi». Комедія была переведена на голландскій, нѣмецкій, англійскій и русскій языки. Успѣхъ этой пьесы былъ такъ великъ, что Вольтеръ основалъ на немъ кандидатуру Дидро въ академики: «Enivré du succès

du «Père de famille», je crois qu'il faut tout tenter à la premiere occasion, pour mettre M. Diderot de l'Academie; c'est toujours une espèce de rempart contre les fanatiques et les fripons» (Voltaire, XCI, 29); 3) Le joueur (Diderot, VII, 417—525)—это не столько «drame imité de l'anglais», сколько переводъ комедіи «The Gamester» Эдварда Мура (Moore); она была написана въ 1760 году и поставлена на сцену только въ 1819; 4) Les pères malheureux, трагедія въ одномъ актѣ (Diderot, VIII, 17—58); 5) La pièce et le prologue, ou celui qui les sert tous et qui n'en contente aucun, комедія въ одномъ актѣ (Id., 69—134); 4, 5) Est-il bon? Est-il méchant? ou l'officieux persifleur, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ (Id., 135—244), о которой одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ отзывается такъ: «c'est une comédie comme on n'en fait plus depuis Beaumarchais». Сверхъ того, Дидро оставилъ восемь набросковъ (plans) пьесъ: 1) Le sherif; 2) Divertissement domestique; 3) Train du monde ou les moeurs honnêtes comme elles le sont; 4) Les deux amis; 5) Madame de Linan où l'honnête femme; 6) Mari libertin puni (divertissement); 7) Terentia, и 8) L'infortuné ou les suites d'une grande passion. Въ полномъ собраніи сочиненій Дидро приведена еще 21 статья о драматическихъ произведеніяхъ подъ общимъ заглавіемъ «Miscellanea dramatiques» (Id., 427—518).

(44) По поводу небольшой статьи Дидро «Essai sur la peinture», Гёте написалъ вдвое бо̀льшій разборъ «Diderots Versuch über die Malerei», причомъ перевелъ и самую статью, находя сужденія Дидро важными даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ имъ противорѣчитъ. Göthes Sämmtliche Werke, 1868, B. XXV, S. 267. «Статья Дидро—говоритъ Гёте въ письмѣ къ Шиллеру, отъ 17-го декабря 1796 г.—есть великолѣпное произведеніе; она еще болѣе поучительна для поэта, чѣмъ для живописца, хотя и для живописца она служитъ могущественнымъ источникомъ свѣта». Diderot, X, 459; Морлей, 305.

(45) *С. И. Глѣбовъ* (1736—1786) «артиллеріи подполковникъ, писалъ стихи, которые и напечатаны въ разныхъ мѣстахъ, но болѣе извѣстенъ по своимъ переводамъ,

изъ коихъ исторіи великихъ мужей, выбранныхъ изъ Плутарха, сдѣлаютъ ему честь, если всѣ будутъ изданы. Есть и другіе его изрядные переводы». Новиковъ, Опытъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ.

(46) Crachant le sang et travaillé de l'asthme. Diderot, XX, 139. 19-го февраля 1784 года случился первый «violent crachement de sang», послѣ котораго онъ сказалъ дочери: «Voilà qui est fini—il faut nous separer». Diderot, I, LV.

(47) *J. B. Pigalle* (1714—1785), le Phidias des temps modernes, скульпторъ, пользовавшійся всесильнымъ тогда покровительствомъ г-жи Помпадуръ. Онъ изваялъ, между прочимъ, бюсты Дидро (Diderot, XX, III) и Вольтера, свидѣтельствующіе, что онъ далеко не былъ Фидіемъ. Онъ умеръ канцлеромъ академіи изящныхъ искуствъ.

(48) *Armand comte de Montmorin* былъ сперва воспитателемъ дофина, будущаго короля Людовика XVI, потомъ французскимъ посланникомъ въ Мадридѣ, членомъ собранія нотаблей въ 1787 году, министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 1790 году, министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1791 году; въ 1792 году онъ казненъ по приговору національнаго собранія. Въ 1787 году, графъ Монморенъ дѣлалъ, чрезъ посредство Гримма, какое-то предложеніе Екатеринѣ, но въ чомъ оно заключалось, изъ отвѣтнаго письма Екатерины къ Гримму не видно (Grand merci à M. de Montmorin du beau repos qu'il prétend établir pour moi. Сборникъ, XXIII, 415), а писемъ Гримма отъ 1787 года не сохранилось. Екатерина отклонила предложеніе графа Монтморена. Объ немъ упоминаетъ Екатерина въ 1788 году, когда графъ Монморенъ былъ уже министромъ (Id., 443), и сожалѣетъ о его смерти (Id. 597).

(49) Генералъ *Александръ Дмитріевичъ Ланской*, вошелъ въ случай лѣтомъ 1781 года, будучи «камергеромъ»; умеръ 6-го іюля (25-го іюня) 1784 года. Екатерина извѣщала Гримма объ его смерти въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Je suis plongée dans la douleur la plus vive, et mon bonheur n'est plus: j'ai pensé moi-même mourir de la perte irréparable que je viens de faire, il y a huit jour,

de mon meilleur ami. J'espérais qu'il deviendrait l'appui de ma vieillesse: il s'appliquait, il profitait, il avait pris tous mes goûts; c'était un jeune homme que j'élevais, qui était reconnaissant, doux et honnête, qui partageait mes peines quand j'en avais et qui se réjouissait de mes joies; en un mot, en sanglotant j'ai le malheur de vous dire que le général Lanskoï n'est plus» (Сборникъ, XXIII, 317). Въ своихъ письмахъ къ Гримму Екатерина не разъ возвращается къ этому горю: отъ 2-го іюля (Id., 316), 9-го сентября (Id., 317), 14-го сентября (Id., 319), 26-го сентября 1784 (Id., 322), отъ 28-го іюня 1785 (Id., 344) и пр. Приводя нѣсколько выписокъ изъ этихъ писемъ, Гиллебрандъ замѣчаетъ: «Ich will wahrlich aus der grossen Kaiserin keinen weiblichen Werther machen, aber dass sie bei aller Sinnlichkeit und nicht abzusprechenden Rohheit einer tiefen Empfindung fähig war, ist sicherlich nicht zu leugnen» (Hillebrand, l. c., 405).

(50) Diderot, VI, 9—287. Романъ былъ написанъ въ 1773 году, вѣроятно, во время пребыванія Дидро въ Гагѣ, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, и авторъ давалъ его читать и позволялъ даже списывать своимъ гагскимъ друзьямъ. Изъ Гаги копіи романа перешли въ Германію, гдѣ на романъ обратили вниманіе Шиллеръ и Гёте. «Здѣсь ходитъ по рукамъ—писалъ Гёте въ 1780 году—рукопись Дидро, озаглавленная «Jacques le fataliste et son maître», которая по истинѣ есть первокласное произведеніе; это—очень тонкое и изящное кушанье, приготовленное и сервированное съ большимъ искусствомъ, какъ будто оно предназначено для какого-нибудь идола. Я самъ обратился въ такого идола и пожиралъ въ теченіи шести часовъ, безъ перерыва, всѣ кушанья въ томъ порядкѣ и съ тою цѣлью, какія указалъ самъ авторъ, превосходный поваръ и maître d'hôtel» (Rosenkranz, Diderots Leben, II, 325). Пять лѣтъ спустя, въ 1785 году, вышелъ нѣмецкій переводъ одного изъ эпизодовъ романа, причомъ переводчикомъ оказался Шиллеръ; въ 1792 году появился полный переводъ всего романа на нѣмецкій языкъ, подъ заглавіемъ «Jacob und sein Herr», и, въ предисловіи, переводчикъ говоритъ, что

романъ этотъ есть «одно изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ произведеній изъ литературнаго наслѣдства, оставленнаго Дидро». Вскорѣ затѣмъ, любимецъ Екатерины II, принцъ Генрихъ прусскій, братъ Фридриха Великаго, подарилъ французской академіи копію съ оригинала, и въ 1796 году появилось первое французское изданіе романа Дидро.

(51) Diderot, V, 1—210. Романъ произвелъ громадное впечатлѣніе, выдержалъ много изданій на французскомъ языкѣ и былъ переведенъ на нѣмецкій, англійскій и испанскій языки. Онъ былъ написанъ въ 1760 году и выражалъ, въ чрезвычайно приличной формѣ, увлекательной по своей простотѣ, отвращеніе энциклопедистовъ къ безбрачію и отреченію отъ свѣта. Луандръ, въ изданіи «Французскихъ романистовъ XVIII вѣка», говоритъ: «La croisade philosophique ne commence que vers 1750. Diderot ouvre le feu par la «Religieuse», et fait revivre toutes les accusations des réformés: le célibat, le renoncement, l'ensevelissement dans les cloîtres sont en contradiction avec les instincts les plus profonds de l'âme humaine. Ils conduisent au désespoir, à la révolte désordonnée des sens; ils violent la loi naturelle, et, bien loin de faire des saints, ils ne font que des victimes. Cette thèse, développée avec une verve éclatante, laissa dans les esprits une impression profonde, et si l'on veut prendre la peine de comparer la «Religieuse» et les discussion qui ont provoqué le decret de l'Assemblée Nationale, portant suppression des ordres religieux, on paurra se convaincre que les législateurs ont en grande partie reproduit les arguments du romancier» (Louandre, Chef d'oeuvres des conteurs français, Paris, 1874). Для правильной оцѣнки этого мнѣнія Луандра необходимо прибавить, что декретъ національнаго собранія объ упраздненіи религіозныхъ орденовъ изданъ 27-го (16-го) февраля 1790 года, а романъ Дидро впервые напечатанъ шесть лѣтъ спустя, въ 1796 году.

(52) Перечислимъ важнѣйшія, съ указаніемъ времени составленія и года изданія:

1) Introduction aux grands principes ou réception d'un philosophe, написано въ 1763 году, издано въ 1798 году (Diderot, II, 71—100). Этотъ разговоръ трехъ лицъ (un

sage, le prosélyte, le parrain) написанъ по поводу спора Дидро съ какимъ-то офицеромъ, который атестуется какъ «un militaire fort dévot, credule même jusqu'à la superstition».

2) Entretion entre D'Alembert et Diderot. Le rêve de Diderot. Suite de l'entratien, 1769—1830 (Id. 101—192). Всѣ три части этого произведенія имѣютъ важное значеніе въ настоящее время единственно вслѣдствіе упоминаемой теоріи о молекулахъ, причомъ Дидро признаетъ чувствительность общимъ и основнымъ свойствомъ матеріи, доказывая, что въ неодушевленной молекулѣ чувствительность находится въ потенціальномъ состояніи. Дидро подробнѣе говоритъ объ этомъ въ «Eléments de physiologie» (см. примѣч. 28). Какъ извѣстно, всѣ три части разсматриваемаго произведенія не предназначались къ печати; ихъ могутъ читать только спеціалисты.

3) Voyage autour du monde и Supplement au voyage ou dialogue sur l'inconvénient d'attacher des idées morales à certaines actions physiques qui n'en comportent pas, 1772—1796 (Id., 193—250). По поводу кругосвѣтнаго плаванія капитана Бужанвилля въ 1766—69 гг. Дидро строитъ новую государственную теорію, основанную на восторженныхъ отзывахъ о нравахъ жителей о. Таити.

4) Refutation suivie de l'ouvrage d'Helvétius intitulé «L'Homme». Réflexions sur le livre de l'esprit par M. Helvetius, 1773—1876 (Id., II, 263—456). Обѣ критики, дополняющія одна другую, были написаны въ Гагѣ, передъ отъѣздомъ Дидро въ Россію и по возвращеніи изъ Петербурга; онѣ хранились въ Эрмитажѣ и изданы только въ послѣднемъ полномъ собраніи сочиненій Дидро. До настоящаго времени все еще можно считать господствующимъ мнѣніе, будто «ученія философовъ XVIII вѣка были одною изъ главныхъ причинъ бѣдствій Франціи» (Я. Гротъ, Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, 363); между тѣмъ, не подлежитъ уже сомнѣнію, что въ ученіи Гельвеція, выраженномъ въ его «L'esprit», заключался единственный принципъ, при помощи котораго возможны были реформы, безъ революціонныхъ взрывовъ. Даже Бентамъ

сознается, что принципъ всеобщей пользы, т. е. пользы самого большаго числа людей, заимствованъ имъ у Гельвеція, а именно этотъ принципъ, надлежащимъ образомъ примѣненный, спасъ Англію отъ революціонныхъ переворотовъ, предупредилъ ихъ необходимыми реформами. Между тѣмъ, книга Гельвеція была осуждена судомъ на сожженіе и въ ней правительство усмотрѣло «сборникъ самыхъ отвратительныхъ и зловредныхъ теорій»! Мало того: сами философы, и въ числѣ ихъ Дидро, возстали противъ Гельвеція. Дидро высоко цѣнилъ «L'esprit» Гельвеція, уподоблялъ это произведеніе трудамъ Монтескье «Esprit des lois» и Бюффона «Histoire naturelle», но находилъ, что оно составлено изъ парадоксовъ и ложныхъ принциповъ. Это объясняется формой изложенія, принятой Гельвеціемъ какъ въ «L'esprit», такъ и въ «L'homme»: рядомъ съ совершенно вѣрными началами у него встрѣчается множество дѣйствительно нелѣпыхъ положеній. Какъ оригинальное явленіе отмѣтимъ, что сочиненіе Гельвеція «L'esprit» было переведено на русскій языкъ, къ тому же, въ Тамбовѣ, въ 1778 году и озаглавлено «Духъ Гельвеція».

5) Essai sur les études en Russie. Plan d'une université pour le gouvernement de Russie ou d'une éducation publique dans toutes les sciènces, 1774—1876 (Diderot, III, 409—546). Болѣе ста лѣтъ оба эти труда Дидро оставались въ Россіи и даже не были изданы; не переведены они на русскій языкъ и до сихъ поръ. Исполняя порученіе Екатерины II, Дидро составилъ для нее двѣ статьи: во-первыхъ, «Essai sur les études en Russie»—очеркъ учебнаго дѣла въ Россіи, и, во-вторыхъ, «Plan d'une université pour le gouvernement de Russie»—учрежденіе учебной части для русскаго правительства. Въ своемъ «Essai» Дидро, прежде всего, признаетъ, что, со времени изобрѣтенія книгопечатанія, наилучшія учебныя заведенія всегда были въ странахъ протестантскихъ и представляетъ довольно подробный и вѣрный очеркъ всѣхъ трехъ разрядовъ германской школы: низшей (народной), средней (гимназіи) и высшей (университета), выставляя достоинства и отмѣчая недостатки ихъ устройства. Описывая низшую школу, въ которой дѣтямъ

преподается чтеніе, письмо и счисленіе (Lese-Schreib und Rechen-Schulen), Дидро совѣтуетъ присоединить къ этому преподаваніе свѣдѣній полезныхъ для всѣхъ ремесленниковъ и торговцевъ, краткихъ свѣдѣній о законахъ родной страны, ея мѣръ и вѣсовъ и т. п. Второй разрядъ школы—гимназія, въ которой ученіе продолжается иногда до 12-ти лѣтъ, что Дидро находитъ чрезмѣрнымъ. И чему собственно научаются въ гимназіяхъ? «Ничему, кромѣ латыни и немного греческаго. Въ низшихъ классахъ изучаютъ граматику, въ старшихъ—сперва читаютъ лучшихъ авторовъ, потомъ упражняются въ составленіи латинскихъ фразъ, изучаютъ латинскую версификацію, пишутъ латинскою прозой и стихами, наконецъ, изучаютъ греческій языкъ». Дидро высказывается противъ такого увлеченія латынью. «Еще большой вопросъ—говоритъ онъ—вознаграждается-ли то время, какое посвящается изученію однихъ только древнихъ языковъ, и не полезнѣе-ли было-бы употребить это драгоцѣнное время на занятія болѣе важныя. По существу-ли дѣла или по привычкѣ, но я не думаю, чтобъ можно было обойтись безъ знанія древняго міра. Классическая литература обладаетъ такою содержательностью, прелестью и энергіей, что она всегда будетъ увлекать сильные умы. Но, я полагаю, что изученіе древнихъ языковъ могло бы быть значительно сокращено, и замѣнено пріобрѣтеніемъ болѣе полезныхъ свѣдѣній. Вообще, въ школахъ слишкомъ много трудятся надъ изученіемъ словъ; надо теперь замѣнить это изученіемъ предметовъ. Я думаю, что въ школахъ необходимо давать общія понятія о всѣхъ предметахъ, необходимыхъ всякому человѣку, отъ законодательства до механическихъ производствъ всякаго рода, столь содѣйствовавшихъ культурному развитію. Зрѣлище развитія человѣческой промышленности вообще само по себѣ величественно и интересно; весьма полезно знать насколько каждое изъ производствъ содѣйствовало улучшенію общественной жизни. Эти познанія весьма привлекательны для дѣтей, у которыхѣ болѣе всего развита любознательность». Особенно подробно описываетъ Дидро германскіе университеты, причомъ также точно указываетъ

ихъ хорошія и дурныя стороны (Diderot, III, 415—428). За этимъ «Essai», составленнымъ въ общихъ чертахъ, послѣдовалъ набросокъ (plan) учебной части, основанной на иныхъ началахъ. Къ сожалѣнію, Дидро озаглавилъ свой трудъ «Plan d'une *université*» и тѣмъ, кажется, ввелъ многихъ въ заблужденіе, хотя онъ въ самомъ же началѣ объясняетъ значеніе этого слова. «Что такое *университетъ?* Университетъ есть школа, двери которой безразлично открыты для всѣхъ дѣтей народа и въ которой учителя, содержимые государствомъ, знакомятъ ихъ съ элементарными началами всѣхъ наукъ. Говорю безразлично, потому что было бы столь же жестоко, какъ и нелѣпо осуждать на невѣжество низшіе слои общества. Есть познанія, которыхъ никто не можетъ быть лишенъ безъ вреда для себя. Если число хижинъ и вообще частныхъ зданій относится къ числу дворцовъ, какъ 10,000 къ 1, то можно держать пари въ 10,000 противъ 1, что геній, талантъ и добродѣтель скорѣе выйдутъ изъ хижины, чѣмъ изъ дворца». Дидро начертилъ только планъ народнаго образованія вообще, отъ народной школы, въ которой обученіе безплатно и обязательно, до университета включительно, причомъ въ педагогическомъ отношеніи приняты во вниманіе не нужды геніевъ или бездарностей, но силы средняго человѣка, большинства, и занятія распредѣлены по ихъ относительной пригодности: обученіе начинается сообщеніемъ свѣдѣній полезныхъ всѣмъ людямъ во всѣхъ положеніяхъ, въ продолженіи курса полезность знаній все уменьшается и обученіе оканчивается знаніями, полезными лишь для немногихъ. «Я распредѣляю предметы изученія такъ же, какъ натуралистъ Бюффонъ класифицировалъ животныхъ: онъ сперва говоритъ о быкѣ, котораго всѣмъ необходимо знать, потомъ о лошадѣ, наконецъ о собакѣ,ослѣ и лошакѣ; волкъ, гіена, тигра, пантера занимаютъ у него тѣмъ болѣе отдаленное мѣсто въ его системѣ, чѣмъ менѣе человѣкъ можетъ извлечь изъ нихъ пользы» (стр. 442). При такомъ-то распредѣленіи предметовъ обученія, Дидро остановился особенно подробно на вопросѣ о пригодности изученія древнихъ языковъ и доказалъ, что современная система пре-

подаванія древнихъ языковъ не приноситъ пользы рѣшительно никому. «На тѣхъ страницахъ—говоритъ классикъ Морлей (стр. 442)—гдѣ Дидро возстаетъ противъ предразсудковъ касающихся латинскаго и греческаго языковъ, изложенъ вполнѣ исчерпывающій этотъ предметъ перечень всѣхъ доводовъ и возраженій. Можно положительно утверждать, что въ нескончаемыхъ спорахъ, происходившихъ въ теченіе ста лѣтъ послѣ смерти Дидро касательно латинскаго и греческаго языковъ, не былъ затронутъ ни одинъ пунктъ, котораго не коснулся бы Дидро на этихъ полныхъ энергіи и законченности страницахъ». Для интересующихся вопросомъ указываемъ эти страницы по «Oeuvres complètes de Diderot», 1876, т. III, стр. 469—473 и 479—485. Отвергая классическіе языки, какъ основу преподаванія въ средней школѣ (гимназіи), Дидро ставитъ такою основою изученіе математическихъ предметовъ. «Геометрія—говоритъ онъ—есть наилучшая и простѣйшая изъ всѣхъ логикъ, наиболѣе способная придать твердость сужденію. Если полагаютъ, что геометрическій методъ неприменимъ ко всему, то это справедливо; но этотъ методъ слѣдуетъ всегда имѣть въ виду: онъ есть компасъ здраваго смысла, узда воображенія. Еслибъ наши лексиконы были-бы хороши или, что тоже самое, еслибы значеніе наиболѣе употребительныхъ словъ было бы также точно опредѣлено, какъ слова *уголъ* и *квадратъ*, мало бы осталось заблужденій и разногласій между людьми. Ничто смутное не удовлетворяетъ геометрическую голову; безпорядочность идей не нравится ей, непослѣдовательность оскорбляетъ ее» (стр. 455). Высшая школа (университетъ) раздѣляется у Дидро на четыре факультета: философскій, медицинскій, юридическій и богословскій. Въ «Планѣ» Дидро разсѣяно чрезвычайно много здравыхъ сужденій и свѣтлыхъ мыслей, вполнѣ пригодныхъ и для нашего времени, которое Дидро упредилъ слишкомъ на сто лѣтъ. Такъ, онъ говоритъ о необходимости давать пропитаніе въ обязательной школѣ дѣтямъ недостаточныхъ родителей, совѣтуетъ учреждать ремесленныя и земледѣльческія школы, заботится о составленіи учебниковъ и руководствъ и т. п.

Было-бы весьма полезно перевести «plan» Дидро на русскій языкъ и тѣмъ доставить всѣмъ педагогамъ возможность всесторонне обсудить новыя основанія школьнаго дѣла, предложенныя Дидро. Конечно, «plan» не есть что-либо цѣльное, законченное, но въ немъ многое можетъ быть заимствовано не безъ пользы. Нельзя и думать о примѣненіи этого плана въ томъ видѣ, какъ онъ набросанъ Дидро; говорить о его непригодности для школы все равно, что доказывать невозможность для сцены тѣхъ набросковъ (plans) комедій, о которыхъ упомянуто выше, въ примѣч. 43-мъ.

6) L'oiseau blanc, conte bleu, 1748 — 1798 (Diderot, IV, 379—442) см. примѣч. 26.

7) La religieuse, 1760 — 1796 (Id, V, 1 — 210) см. примѣч. 51.

8) Le neveu de Rameau, 1762—1823 (Id. 387—487). По общему признанію, это—chef d'œuvre Дидро. Гёте издалъ переводъ этой «сатиры» въ 1804 году; оригинальная рукопись не могла быть найдена въ то время, такъ что въ 1821 г. былъ изданъ французскій переводъ съ нѣмецкаго, и лишь въ 1823 г. появился въ печати французскій оригиналъ. Подробный переводъ этой сатиры на русскій языкъ помѣщенъ въ приложеніи къ «Дидро и энциклопедисты» Морлея, стр. 449—503.

9) Eléments de physiologie, 1775—1876 (Diderot, IX, 235—430) см. примѣч. 28.

10) Essai sur la peinture, 1765—1796 (Id. XI, 461—520). Этотъ очеркъ былъ два раза переведенъ на нѣмецкій языкъ и, между прочимъ, Крамеромъ въ Ригѣ. См. примѣч. 44.

11) Восемь мелкихъ статей, предназначавшихся для «Correspondance littéraire» Гримма, и въ томъ числѣ «Histoire de la Russie depuis l'an 862 jusqu'en 1054, traduite de russe en allemand et de l'allemand en français», 1769—1876 (Diderot, XVII, 495—496). Это краткій отзывъ о вышедшемъ тогда французскомъ переводѣ труда Ломоносова подъ заглавіемъ: «Histoire ancienne de la Russie depuis l'origine de la nation russe jusqu'à la mort du grand

duc jaroslav I, traduite en français sur la version allemande (du baron d'Holbach, par Eidous), Pétersbourg et Paris, 1768. Въ этомъ отзывѣ для насъ могутъ быть интересны только слѣдующія строки: «Je trouve que l'auteur Lomonosoff est un peu superstitieux. Il rapporte le discours du philosophe chrétien à Wladimir, comme s'il l'avait entendu de ses propres oreilles».

(53) *Князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ* (1734—1799) былъ россійскимъ посланникомъ при версальскомъ дворѣ съ 1762 по 1768 г., когда переведенъ въ томъ-же званіи въ Гагу; въ 1769 г. женился на дочери прусскаго генерала графинѣ Амаліи Шметтау, отличавшейся умомъ и образованіемъ. Князь Голицынъ былъ друженъ со всѣми представителями «философскаго вѣка», особенно съ Дидро, и переписывался съ Вольтеромъ (Сборникъ, XV, 622—625). Сохранилась любопытная переписка его съ вице-канцлеромъ кн. А. М. Голицынымъ по поводу освобожденія крестьянъ (Id., 626 sqq.). Нѣкоторыя біографическія подробности о немъ помѣщены въ «Историч. Вѣстникѣ», V, 36.

Дѣвица Волланъ принадлежала къ очень почтенной семьѣ, согласно своему вѣку, не обращавшей большаго вниманія на «bienséances et vertus, guenilles usées de beau sexe», какъ выразился Дидро въ разговорѣ съ Екатериною. Софія Волланъ, съ которой Дидро былъ въ близкихъ сношеніяхъ, «ни разу въ своей жизни не сказала ни одной лжи». Дидро былъ друженъ со всею семьею, но переписывался только съ Софіею Волланъ и эта переписка—драгоцѣнный матерьялъ для исторіи культуры XVIII вѣка (Diderot, XVIII, 353 sqq.—всего 139 писемъ).

Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ (1710—1775), сынъ перваго петербургскаго коменданта, Кирилы Алексѣевича. Будучи камергеромъ, при императрицѣ Аннѣ удалился заграницу и проживалъ въ Парижѣ подъ фамиліей Тенкина; въ царствованіе Елизаветы Петровны былъ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, въ 1741—42 гг.; назначенъ гофмаршаломъ къ великому князю Петру Ѳедоровичу; при Екатеринѣ—оберъ-егермейстеръ (grand veneur), генералъ-

аншефъ, дѣйствительный камергеръ. Извѣстный щеголь, представитель роскошнаго барства прошлаго вѣка и изобрѣтатель роговой музыки. «Русскій Архивъ», 1871, 1504; Сборникъ, XVII, 268; «Архивъ кн. Воронцова», II, 565—576.

(54) Duisbourg, близь Дюссельдорфа, на Рейнѣ. Это очень древній городъ, въ которомъ, при проѣздѣ Дидро, былъ еще университетъ. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ сочиненій Дидро печатается Dresbourg—очевидно, опечатка (Прилож. III, 28; Diderot, XX, 58).

(55) «La veille du mariage» (Прилож. II, 5). Бракосочетаніе же в. к. Павла Петровича съ в. к. Натальей Алексѣевной совершено 29 сентября 1773 г. Д. Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 93.

(56) Le prince. Г-жа Вандэйль постоянно называетъ Нарышкина княземъ, хотя Дидро въ своей перепискѣ никогда не дѣлаетъ такой ошибки.

(57) Время избавило насъ отъ чтенія этого «раздирающаго сердце» письма (la lettre dechirante) — оно не сохранилось; но и безъ него не трудно видѣть, что въ происшедшей размолвкѣ виноватъ Фальконэ. Изъ сохранившихся писемъ Фальконэ къ Екатеринѣ видно уже, что дочь Дидро вѣрно поняла его характеръ (Diderot, I, LII).

(58) Sacerdotes ipsi mutuo sibi obtrectare, jamque eorum odia erumpere et in vulgus emanere. Commentarii de legatione petropolitana ab I. A. Archettio administrata. Paris. 1872, p. 113.

(59) Petropolis jam ab omnibus pulcherrimas inter et florentissimas potentissimasque Europae urbes numeratur; nec insulse eam quidam appellavit Romam alteram sub septemtrionibus conditam. Ea vero uti sedes est clarissimi nostra memoria imperii. Id., p. 154.

(60) Прилож. II, 3, 5.

(61) Дидро всегда и вездѣ носилъ только чорный костюмъ. Когда графъ де-Брольи, желая уколоть Дидро за его руссофильство, спросилъ, не по русскимъ ли онъ носитъ трауръ, Дидро отвѣчалъ: «Si j'avais à porter le deuil

d'une nation, monsieur le comte, je n'irais pas la chercher si loin». Diderot, I, LIII.

(62) L'Impératrice prend un plaisir tout particulier à s'entretenir avec Diderot. Elle lui a assigné l'heure de la journée à laquelle Elle désirait qu'il se presentât, c'est après le diner de S. M. Imp. La conversation se passe sans temoins et souvent elle est très longue. M. Durand au duc d'Aiguillon, 6 novembre 1773. (Изъ архива французскаго министерства иностр. дѣлъ въ Парижѣ). Мы пользовались спискомъ депешъ, приготовленнымъ для русскаго историческаго общества, въ «Сборникѣ» котораго эта переписка будетъ вскорѣ напечатана. Отрывки были помѣщены въ XVII т. «Сборника», посвященномъ Фальконэ.

(63) Tous les jours seul à seule. Прилож. III, 28, 32. Только въ письмѣ къ княгинѣ Дашковой время бесѣдъ опредѣлено иначе: trois heures tous les trois jours (Прилож. III, 18).

(64) Diderot, XX, 138. Въ письмахъ Екатерины къ г-жѣ Жофренъ, изданныхъ г. Гамбургеромъ (Сборникъ, I, 253—291), этого письма нѣтъ.

(65) Письмо помѣчено 27-го декабря 1773 г.; турецкій султанъ Мустафа III умеръ 24-го декабря того же года.

(66) *Николай Габріэль Клеркъ*, докторъ, профессоръ анатоміи и митологіи, членъ совѣта академіи художествъ. «Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ на лѣто отъ Р. Х. 1774». Клеркъ значится въ этомъ званіи въ «Мѣсяцословахъ» съ 1773 по 1775 и затѣмъ съ 1780 по 1792 гг. Клеркъ написалъ слѣдующія сочиненія, изданныя въ Петербургѣ: 1) La boussole de terre, ouvrage périodique dédié à la noblesse russienne (1770); 2) Discours prononcé dans l'assemblée générale de l'Académie Impériale des Beaux-Arts, français et russe (1773) и 3) L'art de débuter dans le monde avec succès, à messieurs les cadets du V âge, français et russe (1774).

(67) Бьернстель, со словъ Дидро, записалъ: «Sie kennt ihr weitläuftiges Reich aufs genauste». Björnstähl, Briefe auf seinen ausländischen Reisen. Rostock, 1781, III, 223.

*

Таково, слѣдовательно, было мнѣніе Дидро, который въ данномъ случаѣ судьею быть не можетъ.

(68) Въ письмѣ Дидро къ Екатеринѣ, отъ 17-го октября 1774 года, значится: «On se flatte ici que Votre Maj. Imp. va reprendre son projet de legislation... Cela m'a fait relire votre instruction, et j'ai eu la hardiesse de l'apostiller de quelques reflexions» (Прилож. III, 34). Такъ какъ императрица не изъявила желанія прочесть эти «размышленія», то онѣ и не были доставлены ей въ свое время; но несомнѣнно, что они были написаны въ Парижѣ, осенью 1774, по возвращеніи Дидро изъ Петербурга. (Прилож. III, 34). Прошло не болѣе года, какъ сама же Екатерина покаялась и признала недостатки «Наказа», который сама же называетъ теперь «болтовнею», badinage, что почти равносильно «vrai babil» (Сборникъ, XXIII, 39).

(69) Германъ, Розенкранцъ, Шугуровъ и др., не имѣя этого свидѣтельства Екатерины, ошибочно относили къ вопросамъ внутренней политики разсказы Кастера и графа Сегюра. Разсказывая о пребываніи Дидро въ Петербургѣ, Кастера приводитъ слѣдующій отзывъ Екатерины: «Monsieur Diderot a cent ans à bien des égards, mais à d'autres il n'en a que dix» (Vie de Catherine II, impératrice de Russie, II, 67). Германъ относитъ этотъ отзывъ къ тѣмъ бесѣдамъ Дидро, въ которыхъ онъ будто бы «развивалъ свои основныя идеи о свободѣ и народномъ правѣ» (Geschichte des Russischen Staats, V, 658). Между тѣмъ, мы видѣли уже выше, въ текстѣ, что слова, приводимыя у Кастера, были сказаны, какъ свидѣтельствуетъ донесеніе французскаго посла, по поводу мнѣнія Дидро о вредѣ для Россіи союза ея съ Пруссіею и о выгодности союза съ Франціей, т. е. по чисто внѣшнему вопросу. Также точно разсказъ Сегюра толковали, какъ оказывается теперь, неправильно, и ему придавали значеніе, котораго онъ не заслуживаетъ. Въ 1787 году, во время пресловутаго путешествія въ Тавриду, Екатерина могла, конечно, разговаривать съ графомъ Сегюромъ о несбыточныхъ мечтаніяхъ и непрактичныхъ планахъ Дидро; но не могла же императрица передавать французскому послу, что одною изъ такихъ утопій Дидро она признаетъ союзъ

съ Франціею! Вотъ почему въ разсказѣ Сегюра взглядъ на непрактичность политическихъ мнѣній Дидро отнесенъ къ вопросамъ внутренней политики, при чемъ уже самимъ Сегюромъ, писавшимъ свои мемуары лѣтъ сорокъ спустя, когда память значительно уже измѣняла 75-ти лѣтнему старику, вложены въ уста Екатерины такія подробности, которыя отчасти болѣе рисуютъ самого Сегюра, чѣмъ характеризуютъ отношенія Екатерины къ Дидро, отчасти же почти дословно заимствованы изъ рѣчи Фридриха Великаго, приведенной тѣмъ же Сегюромъ. Вотъ разсказъ графа Сегюра: «Я долго и часто, говорила мнѣ Екатерина, бесѣдовала съ Дидро, но болѣе ради любопытства, чѣмъ съ пользою. Еслибъ я довѣрилась ему, пришлось бы все перевернуть въ моей имперіи; законодательство, администрацію, политику, финансы, я должна была бы все уничтожить, чтобъ замѣнить ихъ непрактичными теоріями. Между тѣмъ, такъ какъ я больше слушала его, чѣмъ сама говорила, то всякій свидѣтель нашихъ бесѣдъ принялъ бы его за строгаго наставника, а меня за его послушную ученицу. Повидимому, и онъ самъ смотрѣлъ такъ, потому что, по прошествіи нѣкотораго времени, видя, что въ моемъ управленіи не дѣлалось никакихъ великихъ нововведеній, которыя онъ совѣтовалъ мнѣ, онъ выразилъ мнѣ съ нѣкоторымъ гордымъ неудовольствіемъ свое удивленіе. Тогда я ему откровенно сказала: «Господинъ Дидро, я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что внушилъ вамъ вашъ блестящій умъ, но изъ всѣхъ вашихъ великихъ принциповъ, которые я очень хорошо понимаю, можно составить хорошія книги и лишь дурное управленіе страною. Во всѣхъ своихъ преобразовательныхъ планахъ, вы забываете различіе нашихъ положеній: вы трудитесь только надъ бумагой, которая все терпитъ—она гладка, покорна и не представляетъ препятствій ни вашему воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, работаю на человѣческой шкурѣ, которая, напротивъ, очень раздражительна и щекотлива». Я убѣждена, что съ этихъ поръ онъ сталъ относиться ко мнѣ съ сожалѣніемъ, видя во мнѣ умъ узкій и простой. Съ этого момента онъ не говорилъ

со мною ни о чемъ болѣе, какъ о литературѣ, и политика исчезла изъ нашихъ бесѣдъ» (Barrière, XIX, 445). Послѣднія слова этого разскаго Сегюра опровергаются рядомъ писемъ Дидро къ Екатеринѣ, въ которыхъ онъ постоянно говоритъ о политикѣ (Прилож. III, 33—37). Что же касается вложенной въ уста Екатерины рѣчи къ Дидро, то, нѣсколько страницъ выше, графъ Сегюръ, передавая свой разговоръ съ Фридрихомъ II, въ Потсдамѣ, заставляетъ его выразить тотъ же взглядъ на философовъ: «Ces philosophes connaissent peu les hommes et croient à tort qu'on gouverne aussi facilement qu'on écrit» (Barrière, XIX, 290). Между тѣмъ, этотъ взглядъ былъ «общимъ мѣстомъ» въ эпоху реакціи, въ концѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія, когда уже ни Фридриха, ни Екатерины не было въ живыхъ и когда графъ Сегюръ писалъ свои интересные мемуары. Относиться къ этимъ мемуарамъ съ полнымъ довѣріемъ невозможно. Въ нихъ виденъ весь Сегюръ—остроумный, любезный дипломатъ и пронырливый, фальшивый человѣкъ. Въ 1791 г. Екатерина писала о немъ: Il y a un homme auquel je ne puis pardonner ses fredaines—c'est Ségur; fi donc, *il est faux comme Judas*». (Сборникъ, XXIII, 522). Внѣшность гр. Сегюра обманула было сперва и Екатерину, которая, въ 1785 г., вскорѣ по его пріѣздѣ въ Перербургъ, не могла имъ нахвалиться (Id. 342).

(70) «Однажды Дидро—разсказываетъ кн. Дашкова въ своихъ запискахъ—разговорился со мною о рабствѣ, въ которомъ, какъ онъ полагалъ, находятся наши крестьяне». Княгиня возражала ему слѣдующимъ парадоксомъ, который, черезъ два года, повторила Екатерина и который до сихъ поръ нравится не вымершимъ еще крѣпостникамъ: «Благосостояніе и богатство нашихъ крестьянъ составляютъ наше благополучіе и увеличиваютъ нашъ доходъ: нужно, поэтому, быть сумашедшимъ, желая, чтобъ иссякнулъ источникъ нашего собственнаго обогащенія». На заявленіе же Дидро о пользѣ освобожденія крестьянъ, кн. Дашкова соглашалась подъ слѣдующимъ условіемъ: Si le sauverain en brisant quelques anneaux de la chaîne qui lie les paysans aux nobles, en briseroit aussi quelques uns qui tiennent enchaînés les

nobles aux volontés des souverains arbitraires, je signerais avec mon sang au lieu d'encre et cela de gayeté de coeur cet arrangement» (Архивъ, XXI, 138). Екатерина II защищала же крѣпостничество безусловно, а Дидро, ее слушавшій, хорошо зналъ и о задачѣ ею же предложенной вольному экономическому обществу (*Ходневъ*, исторіи в. э. общества, стр. 19 sqq.), и объ освобожденіи крестьянъ въ Даніи въ 1768 г., и о трудѣ Деарде де л'Аббэ (Deardé de l'Abbaye), и о взглядахъ своего друга, кн. Голицына (см. примѣч. 53). Вотъ почему, полагаемъ, Дидро не могъ безъ улыбки слушать дѣтскую аргументацію Екатерины.

(71) Какого бы рода покорство не было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе р а б с т в а отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти. Наказъ, гл. XI, ст. 254-я. Слово «рабство» передано въ нѣмецкомъ переводѣ «Наказа» словомъ Leibeigenschaft; во французскомъ же переводѣ оно совершенно исчезло и ст. 254-я передана такъ: «De quelque nature que soit la dependance, il faut que les loix civiles cherchent à en ôter, d'un côté, les abus, de l'autre, les dangers».

(72) Два рода покорностей: одна существенная, другая, личная, т. е. к р е с т ь я н с т в о и холопство. Существенная привязываетъ, такъ сказать, крестьянъ къ участку земли, имъ данной, Такіе р а б ы и т. д... Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобъ р а б ы и въ старости, и въ болѣзняхъ не были оставлены... Когда законъ дозволяетъ господину наказывать своего р а б а жестокимъ образомъ, то сіе право долженъ онъ употреблять какъ судія, а не какъ господинъ и др. Сборникъ, X, 153.

(73) Они закапываютъ въ землю деньги свои, боясь пустить оныя во обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобъ богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненій. Наказъ, гл. XII, ст. 276.

(74) Questions et réponses. «Русскій Архивъ», 1880, III, 1—29. Г. Бартеневъ говоритъ, что эти «вопросы и отвѣты» списаны съ подлинной собственноручной рукописи, хранящейся въ государственномъ архивѣ. Это не точно:

рукопись находится въ московскомъ публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ, въ бумагахъ Храповицкаго, № 1349.

(75) *L'abbé I. M. Terray* (1715 — 1778), министръ Людовика XV, облагавшій пошлинами и монополизовавшій всѣ производства, извѣстный циникъ и негодяй, находившій, что необходимо «saigner la France». Въ современныхъ мемуарахъ онъ рисуется всѣми партіями, какъ мерзавецъ, даже въ «Mémoires de la baronne d'Oberkirch» (II, 311), посвященныхъ императору Николаю Павловичу. Еще при жизни его, въ версальскомъ обществѣ сложилось о немъ слѣдующее четверостишіе:

Le seul aspect d'un tel ministre
De sa vie offre le tableau;
A cette figure sinistre,
France, reconnais ton bourreau.

(76) *Графъ Эрнестъ Минихъ*, сынъ Бурхардта Миниха, знаменитаго военачальника, нѣкоторое время державшаго въ своихъ рукахъ судьбы Россіи, подобно своему отцу, провелъ въ ссылкѣ около 20 лѣтъ и былъ возвращенъ изъ Вологды Петромъ III. Во время ссылки онъ составилъ «Записки для дѣтей» (Спб. 1817). Екатерина II возвела его въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ бытность Дидро въ Петербургѣ, графъ Минихъ занималъ постъ директора канцеляріи таможенныхъ сборовъ, чѣмъ и объясняются слова императрицы. Ср. Сборникъ, XXIII, 65: «Bon Dieu, la foire a changé de place: il foudra que le comte Munich établisse la douane là où était le théâtre de l'hermitage» (по поводу наводненія).

(77) Вѣроятно, Дидро слышалъ, что въ это именно время готовилось въ Копенгагенѣ изданіе сочиненія отца графа Миниха, которое появилось нѣсколько мѣсяцевъ спустя: Comte Münnich, Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. Copenhague. 1774.

(78) Les plans et les statuts des differents etablissements ordonnés par sa Majesté Impériale Catherine II pour l'éducation de la jeunesse et l'utilité générale de son em-

pire. Ecrits en Langue Russe par M. Betzky et traduits en Langue Françoise d'après les originaux par M. Clerc. Amsterdam. Chez Marc Michel Rey. 1775.

(79) Herr Dideror hat nichts weiter dabey gethan, als die Schreibart und die Drückfehler verbessërt. Björnstähl, III, 223. Записано Бьернстэлемъ со словъ самого Дидро, въ Гагѣ.

(80) «Addition de l'éditeur M. D******». Обычное въ прошломъ столѣтіи число звѣздочекъ, соотвѣтствующее числу буквъ фамиліи, раскрыли современникамъ автора. Les plans etc. II, 157.

(81) Дидро самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своихъ статьяхъ, касающихся учебнаго дѣла въ Россіи. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Sa Majesté m'a fait l'honneur de me dire»; въ другомъ: «lorsque j'avais l'honneur d'entrer dans le cabinet de Sa Majesté Impériale» и т. п. Слѣдовательно, въ бытность свою въ Петербургѣ, Дидро разговаривалъ съ Екатериною объ этихъ вопросахъ. Иногда Екатерина, заинтересованная во время бесѣды какимъ-либо мнѣніемъ Дидро, просила его изложить это мнѣніе на бумагѣ: «un feuillet que j'ai laissé à Sa Majesté Impériale» (Diderot, III, 508, 509, 510).

(82) Такое же порученіе дано было и Гримму: «Je remis à M. Grimm «Le Plan d'une Université» auquel Votre Majesté nous avoit proposé de travailler l'un et l'autre» (Прилож. III, 35). Объ этомъ Екатерина напоминала Гримму въ письмѣ отъ 27 февраля 1775 г. (Сборникъ, XXIII, 19). Довѣрчивый Дидро былъ обманутъ Гриммомъ, который «скрылъ отъ него свой трудъ». Екатерина благодаритъ Гримма, въ письмѣ отъ 16 іюня 1775 г., за «прекрасную записку о школахъ»—excellent écrit sur les écoles (Id., 25). Эта записка, вѣроятно, была составлена по статьѣ Дидро, почему Гриммъ и не признавалъ удобнымъ посылать ее на прочтеніе своему другу. Эту догадку мы основываемъ какъ на характерѣ Гримма, который былъ способенъ эксплуатировать всѣхъ и вся, такъ и на тождествѣ рекомендаціи профессора лейпцигскаго университета Эрнести. Статью же Дидро Екатерина называетъ

уже не запиской (écrit) а трактатомъ — traité (Сборникъ, XXIII, 38). Записка Гримма не сохранилась.

(83) Издатели «Oeuvres complètes de Diderot» говорятъ: «Nous ne savons pas exactement à quelle époche le Plan fut achevé» (II, 412). На основаніи письма Дидро къ Екатеринѣ, отъ 6 октября 1775 года (Прилож. III, 35), время окончанія «Плана» опредѣляется довольно точно: «j'ai remis il y a quatre à cinq mois, le Plan d'une université» etc.; слѣдовательно, «Планъ» былъ оконченъ не позже іюня 1775 года.

(84) До настоящаго времени, планъ учебной части въ Россіи, составленный Дидро, былъ, хотя кратко, на трехъ страничкахъ, но за то вѣрно переданъ только въ 1868 г. въ статьѣ Шугурова «Дидро» (Осьмнадцатый вѣкъ. I, 299—302). Въ 1875 г., когда этотъ «Plan d'une université» былъ впервые напечатанъ въ полномъ собраніи сочиненій Дидро, въ Парижѣ (III, 429 — 534), въ русскихъ журналахъ появились краткія извѣстія, недающія точнаго понятія о самомъ планѣ («Слово» за 1879 г., замѣтка Б. Л. въ «Очеркахъ иностранной журналистики»). Въ 1883 г., въ брошюркѣ «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года» упомянутъ на восьми страницахъ и «Планъ устройства учебной части въ Россіи, предложенный Дидро». Въ этомъ «Взглядѣ» Дидро представленъ «ненавистникомъ классическаго образованія», чѣмъ, какъ извѣстно, онъ никогда не былъ, и весь его планъ названъ, нелѣпымъ, безобразнымъ учебнымъ планомъ», единственно, кажется, потому, что Дидро писалъ по французски и его «Планъ» до настоящаго времени не переведенъ еще на русскій языкъ. Такъ, напримѣръ, авторъ «Взгляда» увѣряетъ, будто Дидро возставалъ противъ «системы образованія, освященной опытомъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ націй», невѣрно переводя выраженіе «ordre de l'enseignement», т. е. порядокъ преподаванія. Сверхъ того, авторъ «Взгляда» не вполнѣ знакомъ съ «Планомъ» Дидро, о которомъ говоритъ. Такъ, напримѣръ, онъ увѣряетъ, будто по «Плану» Дидро, «во второмъ классѣ, девяти и десятилѣтніе мальчики

должны были проходить физику, механику, гидравлику», между тѣмъ, во введеніи къ первому классу (première classe) Дидро говоритъ: «Я начинаю преподаваніе ариѳметикой, алгеброй и геометріей, потому что эти знанія необходимы для всѣхъ. Все считается, все измѣряется. Упражненіе нашего ума сводится часто на тройное правило. Нѣтъ предметовъ болѣе общихъ, чѣмъ число и пространство. Знать геометрію и быть геометромъ—двѣ вещи совершенно разныя. Не многимъ дано быть геометрами, но всѣмъ доступно изученіе ариѳметики и геометріи. Для этого нужно только здравый смыслъ, и тринадцатилѣтній ребенокъ (l'enfant de treize ans), неспособный къ изученію ариѳметики и геометріи, ни къ чему негоденъ» (III, 453). Слѣдовательно, во второмъ классѣ предполагались мальчики 14-ти и 15-ти лѣтъ, а не 9-ти или 10-ти. По этимъ примѣрамъ легко уже судить насколько «Планъ» Дидро извращонъ во «Взглядѣ».

(85) On y découvre deux des aspirations que nous croyons propres à notre temps: l'éducation professionnelle et l'instruction gratuite et obligatoire. Il va même plus loin que nous n'allons encore: il veut que les enfants soient nourris à l'école pour enlever leur dernier prétexte aux parents récalcitrants. Diderot, III, 412. Объ этомъ отзывѣ въ русской печати почему то тщательно умалчивается, но тѣмъ съ большимъ усердіемъ распространяется отзывъ г. Каро (Revue des deux mondes, 1879, novembre), дѣлающій ту ошибку, на которую мы уже указывали въ примѣч. 52-мъ: принимая «plan», набросокъ, за окончательно обработанный «statut», уставъ, г. Каро, конечно, находитъ его вполнѣ непримѣнимымъ. Это мнѣніе повторено недавно нашею академіею въ двухъ ея изданіяхъ: «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ» и «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи» (см. примѣч. 84-е).

(86) Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проекты уставовъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1863. Стр. 309. Осьмнадцатый вѣкъ, I, 304.

(87) Пріятель Дидро, Д'Ешернэ, передаетъ: «M-me de

Ribas, favorite de l'impératrice, me contait à Pétersbourg que Diderot allait criant partout avec ce ton d'enthousiasme qu'il prenait souvent et jusque dans les appartemens de l'impératrice qu'il remplissait de ses clameurs: D'Alembert n'était pas l'homme qu'il fallait pour étre l'instituteur du grand duc; ce n'est pas d'Alembert qu'il fallait appeller, c'est Grimm! c'est Grimm! Voilà le seul homme capable, c'est mon ami Grimm!». D'Escherny, Melanges de littérature. II. Diderot. XX. 140.

Анастасія Ивановна Соколова, фрейлина императрицы Екатерины II, по мужу г-жа Рибасъ, была въ перепискѣ съ Дювалемъ, директоромъ библіотеки и нумизматическаго кабинета въ Вѣнѣ (Oeuvres de V. Duval, S. Petersbourg, 1784). На первомъ же полученномъ отъ нее письмѣ Дюваль написалъ: «Lettre d'une belle Circassienne. Cette belle se nomme Anastasie Socoloff, née au royaume d'Astracan au Nord de la mer Caspienne, de pere et de mere Circassiens. Dans son enfance, elle et sa famille furent transférées des bords du Volga à Pétersbourg. La princesse de Galitzin ayant pris la jeune Anastasie en affection, elle la mena avec elle à Paris. Cette princesse y étant décédée l'an 1762, le prince son mari et M. le général Betzky, frère naturel, amenerent la jeune Anastasie à Vienne où nous eumes l'occasion de faire connoissance. Un mois après cette belle partit pour Pétersbourg, où, agée de 20 ans, d'une humeur charmante et de la plus sémillante vivacité elle a le bonheur d'être femme de chambre favorite de l'imperatrise Catherine II». (Id., II, 292). Helbig, Russische Günstlinge, 245. Эту-то M-lle Anastasie Дидро, бывши въ Петербургѣ, цѣловалъ «dans le cou, à côté de l'oreille». (Прилож., III, 28).

(88) Французскій посланникъ Дюранъ, въ неизданной депешѣ, отъ 25-го августа 1773 года, сообщалъ своему министру слѣдующій взглядъ на воспитаніе Павла Петровича: «L'éducation de Czar est totalement manquée et c'est un mal sans remède, il faudrait que la nature fit un miracle en sa faveur. Son physique et son moral sont viciés au point que toute esperance est détruite et M. Panin n'aura

travaillé qu'au malheur de quinze millions d'hommes et à celui de l'Europe et de l'Asie; car les mauvais conseils et le mauvais Prince influent sur le monde entier et que n'a-t-on pas à craindre du Grand-Duc qui ne vaudra jamais rien».

(89) «L'Impératrice se réfroidie tout à coup pour son fils et son fils de son côté a cessé d'avoir pour M. Panin ses attentions accoutumées». M. Durand au duc d'Aiguillon, 1 mars 1774. Ср. депешу англійскаго посланника Гуннинга, отъ 11 февраля 1774 (Сборникъ, XIX, 399).

(90) Екатерина писала г-жѣ Бьельке, отъ 24 августа 1772 года, изъ Царскаго Села: «Во вторникъ я возвращаюсь въ городъ съ моимъ сыномъ, который не хочетъ уже оставлять меня ни на шагъ, и котораго я имѣю честь такъ хорошо забавлять, что онъ мѣняетъ иногда билетики на обѣденномъ столѣ, чтобъ сидѣть рядомъ со мною» (Сборникъ, XIII, 265).

(91) Puisse l'Impératrice n'aller jamais à Sarskoselo sans son fils! puisse son fils n'en revenir jamais sans elle! «Principes de politique des souverains», CXXXIV (Diderot, II, 483). Составленіе этихъ краткихъ изрѣченій, навѣянныхъ чтеніемъ Тацита, издатели сочиненій Дидро относятъ къ 1775 году; между тѣмъ, въ письмѣ Дидро къ Екатеринѣ, отъ 13 сентября 1774 года, изъ Гаги, читаемъ: «Tandis qu'on y imprimait vos Status, je m'occupait de la lecture de Tacite, et il en est resulté un pamphlet intutulé: Notes marginales d'un souverain sur l'histoire des empereurs». (Прилож. III, 33). Характеръ этихъ изрѣченій не трудно представить себѣ, зная, что они писаны Дидро, подъ вліяніемъ Тацита, вскорѣ по возвращеніи изъ Россіи, гдѣ тогда царствовала Екатерина II. Наиболѣе интересно слѣдующее CLXXXIII изрѣченіе: «L'ennemi le plus dangereux d'un souverain, c'est sa femme, si elle sait faire autre chose que des enfants» (Id. 493).

(92) Къ четыремъ томамъ «бумагъ Екатерины II» (VII, X, XIII и XXVII) мы присоединяемъ *пятый* томъ, XXIII, въ которомъ помѣщены 273 письма Екатерины къ Гримму.

(93) Въ настоящее время издано болѣе 1,500 различ-

наго рода бумагъ Екатерины и только въ слѣдующихъ трехъ упомянутъ Петръ III, какъ «мужъ» Екатерины: 1) въ письмѣ къ г-жѣ Бьельке, отъ 20-го января 1767 года: «Нѣтъ ничего хуже имѣть мужемъ ребенка. Я опытна по этой части и принадлежу къ числу тѣхъ женщинъ, которыя думаютъ, что всегда виноваты мужья, если они не любимы, потому что по истинѣ я бы очень любила своего, еслибы представлялась къ тому возможность и еслибы онъ былъ такъ добръ, что желалъ бы этого (Сборникъ, X, 164); 2) въ письмѣ къ Гримму, отъ 25-го апрѣля 1774 года: «Великая княгиня не беременна, какъ васъ увѣряли. На этотъ счотъ я не чувствую нетерпѣнія, да и не имѣю права на то: у меня самой не было дѣтей въ продолженіи девяти лѣтъ супружества; правда, впрочемъ, что обстоятельства были другія» (Id. XIII, 400), и 3) въ письмѣ къ Гримму, отъ 14-го августа 1788 года: «Марія Терезія находила своего мужа очень любезнымъ, чего я по совѣсти не могла сказать о своемъ, а вы знаете, что я не рождена для лжи» (Id. XXIII, 462).

(94) M. Durand au duc d'Aiguillon, 6 novembre 1773: «J'ai dit à m-r Diderot ce que j'attendais d'un français. Il m'a promis d'effacer, s'il est possible, les préjugés de cette Princesse contre nous et de lui faire sentir ce qui sa gloire pourrait acquérir d'éclat par une union intime avec une nation plus capable qu'une autre de rendre justice à ses qualités éminentes et de n'user avec Elle que de procedés nobles».

(95) M. Durand au duc d'Aiguillon, 27 novembre 1773: «Je ne confierai rien à M. Grimm ni aux autres personnes que j'emploie pour m'éclairer pour agir dont ils puissent faire un mauvais usage. Je leur dit: «Effacez des impressions que vous savez être fausses; montrez à la Russie ce que nous pouvons faire pour sa gloire et pour l'utilité reciproque». Cette apparence de confiance ne peut nous nuire et peut ralentir les dispositions où l'on serait de le faire.

(96) *Графъ Никита Панинъ* былъ очень неразборчивъ на средства для достиженія своихъ цѣлей и нерѣдко прибѣгалъ къ вымысламъ. Ему же принадлежитъ, напри-

мѣръ, вымышленный разсказъ о томъ, будто въ 1779 году, вскорѣ по заключеніи тешенскаго мира, которымъ окончилась война за баварское наслѣдство, Фридрихъ II выдавалъ прусскаго принца Генриха за человѣка, лишившагося разсудка, и когда Екатерина отнеслась съ недовѣріемъ къ подобному вымыслу, то графъ Панинъ сталъ увѣрять императрицу, что самъ читалъ объ этомъ въ собственноручной припискѣ короля, и Екатерина повѣрила. Много лѣтъ спусти она пишетъ Гримму въ письмѣ отъ 23 января 1784 года: «Ce fait je le tiens du comte Panine, qui prétendait avoir lu ce passage écrit de la propre main du roi dans un postscript» (Сборникъ, XXIII, 471). Сама Екатерина считала графа Никиту Панина человѣкомъ порочнымъ и фальшивымъ (Id., 275).

(97) Notwithstanding M-r Panin's sentiments, which I believe to be really averse to any connection with France, were it not for Count Orloff's presence, I should be very apprehensive of the success of their partisans here (Сборникъ, XIX, 385).

(98) Mémoires sur différents sujets de mathématique. Diderot, IX, 73—182. Сверхъ того, въ Публичной библіотекѣ хранится неизданная еще рукопись, въ четверку, озаглавленная: «Premiers principes sur les mathématiques».

(99) Христіанская богословія для употребленія великаго князя Павла Петровича сочиненная іеромонахомъ Платономъ. Спб. 1765. Въ концѣ книги два приложенія 1) разсужденіе о Мельхиседекѣ, его императорскому высочеству поднесенное, и 2) письменный отвѣтъ его императоргскаго высочества на оное разсужденіе, откуда и заимствованы приведенныя нами слова (стр. 169).

(100) «Екатерина II имѣла однажды сильной припадокъ къ печали. Дабы разогнать сію мрачную невеселость, то приглашаемъ былъ знаменитый Дидеротъ, долженствующій развеселить Императрицу, посредствомъ своей философіи, и притупить печальныя ея чувствованія. Въ первый разъ, когда онъ явился ко двору, то его повели въ переднюю комнату Императрицы. Сія Государыня явилась, и теперь казалось, какъ будто бы Дидеротъ позабылъ

все, что вокругъ его находится, и даже самого себя. Онъ смотрѣлъ на нее пристально и имѣлъ видъ человѣка, находящагося въ удивленіи и восхищеніи. Напослѣдокъ онъ вскричалъ: Femme étonnante! Даже сіи два слова имѣли желаемое дѣйствіе. Императрица получила опять свою веселость». Историческіе черты и извѣстія, касающіяся до жизни и правленія императрицы Екатерины II (Архивъ князя Воронцова, XXV, 459). Авторъ серьезно убѣжденъ, что «историческая точность сихъ маловажныхъ извѣстій не подвержена никакому сомнѣнію» (Id., стр. 452).

(101) L'impératrice de Russie fit venir M. Diderot à sa cour; après l'avoir vu et entendu, elle n'eut rien de plus pressé que de se débarasser d'un hôte de cette espèce. «Journal de l'Empire», 3 mars 1815, въ фельетонѣ, при разборѣ комедіи Дидро «Père de famille». Diderot, I, LIII.

(102) Изъ письма г. Рюльера, изъ Петербуга, отъ 15 ноября 1776 г. (въ переводѣ прошлаго вѣка): «Въ заключеніе своего письма приведу я слова г. Дидерота о Россійской націи, которыя вырвались у него при всей его энтузіастической приверженности къ Императрицѣ, приверженности, которая очень простительна благодарности сего великаго мужа. Онъ сказалъ: «Сія нація сгнила прежде нежели созрѣла», а я прибавлю: «Сія нація обнищала прежде нежели могла сдѣлаться богатою» (Архивъ кн. Воронцова, XXV, 443). Рюльеръ не былъ въ это время въ Петербургѣ и, какъ человѣкъ, умный и образованный, какимъ его аттестовала и кн. Дашкова, не могъ ни приписать Дидро подобную глупость, ни дополнять ее неменѣе нелѣпою прибавкою.

(103) Мы не могли отыскать писемъ генерала Бауера къ гр. Нессельроду, и пользовалися только отрывками, напечатанными въ «Сборникѣ» русскаго историческаго общества, XVII, 282.

Ѳедоръ Васильевичъ Бауеръ (1731—1783), родомъ изъ Ганау, сынъ гесенскаго лѣсника, былъ рекомендованъ Фридриху В. брауншвейскимъ принцемъ Фердинандомъ, какъ храбрый солдатъ и необыкновенно даровитый молодой человѣкъ. По окончаніи семилѣтней войны онъ былъ

уже генералъ-квартирмейстеръ и командиръ гусарскаго полка. Пять лѣтъ провелъ въ оставкѣ, въ своемъ имѣніи близъ Франкфурта, занимаясь военнымъ и горнымъ искусствами и изучая соляное дѣло. Въ 1769 г. поступилъ въ русскую службу; въ первую турецкую войну былъ генералъ-квартирмейстеромъ; по окончаніи войны завѣдывалъ устройствами водяныхъ сообщеній. Имъ выстроенъ, между прочимъ, мытищенскій водопроводъ въ Москвѣ и большой театръ въ Петербургѣ. Екатерина чрезвычайно высоко цѣнила Бауера (Сборникъ, XXIII, 253); Бауеръ былъ въ восторгѣ отъ Дидро. Интересныя біографическія подробности о Бауерѣ сообщаетъ его другъ графъ Яковъ Сиверсъ (*Blum*, Des Grafen I. I. Sievers Denkwürdigkeiten, I, 320).

Графъ Максимильянъ Вильгельмъ Нессельроде (1724—1810) первый изъ своего рода вступилъ въ русскую службу и былъ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, куда былъ переведенъ изъ Лисабона, гдѣ у него родился сынъ, впослѣдствіи извѣстный канцлеръ графъ Карлъ Васильевичъ Нессельродъ.

(104) Графъ Нессельродъ очень интересовался поѣздкой Дидро въ Берлинъ и просилъ Гримма содѣйствовать въ этомъ случаѣ петербургскимъ представителямъ прусскаго короля, вслѣдствіе чего Гриммъ сообщалъ графу Нессельроду всѣ подробности бывшихъ по этому поводу переговоровъ. Онъ упоминаетъ объ этомъ въ пяти письмахъ, при чемъ самъ отказывается имѣть въ этомъ отношеніи какое-либо вліяніе на Дидро (отъ 6-го, 28-го и 30-го декабря 1773 года и 14-го января и 7-го февраля 1774 года, см. въ Прилож. II, 8, 9, 10, 11, 13).

(105) Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 107. Въ двухъ депешахъ англійскаго посланника сэра Роберта Гуннинга значится: 1) отъ 22-го ноября 1773 г.: «His (Diderot's) flattery to the Great Duke was full as gross, but, to this young Prince's honour, he has shown as much contempt for it as abhorrence of his boasted philosopher's pernicious principles» (Сборникъ, XIX, 839) и 2) отъ 7-го января 1774 г.: «The Great Duke hitherto manifested the greatest aversion to every thing which borders upon

flattery, of which he has latery given an instance in hi treatment of M. Diderot after some very fulsome compliments he had made him, and whose abominable opinions inspire him with as much contempt as horror» (Id., 397). На отзывъ сэръ Роберта Гуннинга полагаться нельзя; именно онъ и есть тотъ «un certain ministre étranger», о которомъ Гриммъ говоритъ въ письмѣ къ графу Нессельроду, отъ 14-го января 1774 г. (Прилож. II, 11). Насколько свѣдѣнія англійскаго посланника относительно пребыванія Дидро въ Петербургѣ были не вѣрны, видно изъ депеши отъ 22-го ноября 1773 г., въ которой онъ говоритъ, что «Дидро въ настоящую минуту находится въ Царскомъ Селѣ у императрицы» (Diderot is at present with her at Zarsco Selo), между тѣмъ изъ письма самаго же Дидро видно, что онъ въ это время не выходилъ изъ комнаты (Прилож. III, 16).

(106) По этому поводу никогда не бывшій въ Россіи Бьэнрстэль пишетъ со словъ, конечно, Дидро: «So gern Diderot redet, wenn man zu ihm kommt, so wenig vortheilhafl zeigt er sich in grossen Gesellschaften, und daher kommts, dass er nicht allen zu Petersburg hat gefallen können. Sie werden die Ursache leicht entdecken, warum dieser unvergleichliche Mann in sollchen Gesellschaften, wo man von Moden, von Kleider, von Spitzen und andern Kleinigkeiten spricht, weder andern Vergnügen machen, noch selbst vergnügt seyn kann: denn wo ein leerrer Kopf glänzt, kommt ein grundgelehrter Mann zu kurz». Björnstähls Briefe, III, 227. Это подтверждается и письмомъ Гримма къ гр. Нессельроду (Прилож. II, 7).

(107) *Афанасій Балла*, родомъ грекъ, былъ вызванъ въ 1765 г. изъ Лейпцига въ Россію графомъ Владиміромъ Орловымъ, директоромъ академіи наукъ, и опредѣленъ на службу въ департаментъ внѣшнихъ сношеній. Въ 1768 году былъ посланъ къ графу Алексѣю Орлову и состоялъ при немъ переводчикомъ во все продолженіе турецкой войны; послѣ чесменской битвы, Балла былъ отправленъ на фокшанскій конгрессъ, въ качествѣ секретаря — secrétaire au congrès de Foksany en Valachie (Oeuvres de Duval, II, 299).

По заключеніи мира служилъ, въ качествѣ переводчика, въ Варшавѣ, Берлинѣ и Гагѣ, куда сопровождалъ Дидро. Недовольный тѣмъ, что ему отказали въ постѣ посланника и не помѣстили въ штатъ великаго князя Александра Павловича, онъ, въ 1785 году, вышелъ въ отставку и поселился въ Австріи, живя то въ Вѣнѣ, то въ Пештѣ, главнымъ образомъ по причинѣ денежнаго процесса. Балла̀ умеръ 6-го октября 1818 года, въ Вѣнѣ. Дидро такъ расхваливалъ своего проводника Екатеринѣ и, вѣроятно, всѣмъ своимъ друзьямъ, что когда зашла рѣчь о путешествіи въ Петербургъ знаменитой Кориллы (итальянской поэтессы Морелли), то ей въ проводники опять прочили Балла̀, котораго Екатерина такъ и называетъ «le conducteur de Dionysius Diderot» (Сборникъ, XXIII, 140).

(108) Le trajet de la Duina sur la glace dans le cours du mois de mars 1774 (Diderot, IX, 28—31). Приводимъ любопытное свидѣтельство современника, профессора лундскаго университета Бьернстэля о Дидро-поэтѣ: «Uebrigens ist Herr Diderot auch Dichter, und besitzt eine starke Einbildungskraft. Er hat uns einige seiner Gedichte vorgelesen. Eins derselben, Eleutheromanie, oder Ivresse de la Liberté (Diderot, IX, 12) ist vortreflich; er machte es bey der Gelegenheit, als er Roi de la Feve war, aber seine Regierung, mit dem Vorbehalte, der Gesellschaft die Ursachen seiner Abdanckung zu erkennen zu geben, niederlegte; welches er denn vermittelst dieses Gedichts that, das niemals weder gedruckt noch geschrieben, sondern, wie bey seinen Landsleuten, den alten Galliern, bloss in seinem Gedächtnisse aufbewahrt worden ist: gewisse Ausfälle gegen Tyrannen sind auch von der Beschaffenheit, dass sie nicht öffentlich bekannt gemacht werden können. Ein anders Gedicht auf das Stürmen des Meeres, das mit den Wellen am Strande gegen seinen Wagen schlug (La poste de Königsberg à Memel, Dederot, IX, 20) und noch eins auf seine Ueberfarth über die Dwina bey Riga, als das Eis weder brach, noch hielt, sind sehr schön». Björnstähls Briefe, III, 228.

(109) Весной 1779 года Дидро обратился къ Екатеринѣ съ просьбою прислать ему 2,000 рублей. Письмо

Дидро съ этой просьбою не сохранилось. Въ письмѣ къ Гримму, отъ 18 мая 1779 года, Екатерина приписываетъ: «Mais j'oubliais de vous dire que si vous avez de mon argent deux mille roubles que dans ce moment-ci vous ne savez encore où placer ou comment dépenser, vous ayez la bonté de les donner à Denis Diderot, qui connaît l'emploi qu'il en fera» (Сборникъ, XXIII, 141). Черезъ мѣсяцъ, письмомъ отъ 29 іюня, Дидро благодаритъ уже императрицу за деликатную присылку денегъ (Прилож. III, 36).

(110) D'Escherny, Mélange de littérature, II, 114. Diderot, XX, 137. Въ 20-ти томахъ полнаго собранія сочиненій Дидро помѣщенъ только одинъ «Anecdote de Pétersbourg», но и тотъ болѣе тенденціозный, чѣмъ интересный: актриса посѣщаетъ усердно мессы; во время ея отсутствія, въ ея квартирѣ происходятъ всевозможныя несчастія, и она рѣшается никогда болѣе не ходить въ церковь (Diderot V, 501). Столь же тенденціозенъ, но все же болѣе остроуменъ анекдотъ, вставленный въ «Entretien d'un philosophe avec la maréchale de ***». Іезуитъ пинской коллегіи въ Литвѣ, Богола, умеръ; послѣ него осталась шкатулка, наполненная серебромъ, и собственноручная записка, слѣдующаго содержанія: «Прошу моего возлюбленнаго брата, хранителя сей шкатулки, открыть ее послѣ того, какъ я стану дѣлать чудеса. Денегъ, въ ней заключающихся, достаточно для признанія моей святости. Въ шкатулкѣ находятся и мои мемуары, которые подтвердятъ, что я велъ жизнь святого, и которыми можетъ воспользоваться тотъ, кто будетъ составлять мое житіе» (Diderot, II, 522). Издатели «Oeuvres complétes de Diderot» говорятъ, что этотъ «Разговоръ» написанъ въ 1776 году, между тѣмъ Дидро прислалъ его Екатеринѣ при письмѣ отъ 13 сентября 1774 г. (Прилож. III, 33) и Екатерина упоминаетъ объ немъ, какъ общеизвѣстномъ, въ письмѣ къ Гримму, отъ 30 іюня 1775 г. (Сборникъ, XXIII, 28).

(111) Екатерина очень цѣнила эту черту въ характерѣ Дидро.—Въ письмѣ къ Гриму, отъ 18-го апрѣля 1776 г., императрица пишетъ: «Le vicomte de Laval est le seul français que j'aie connu qui ait été sensible et reconnaissant des

bons procédés qu'on a eus pous lui, *excepté cependant Diderot,* qui en toute chose est un autre homme que les autres (Сборникъ, XXIII, 46).

(112) Въ письмѣ къ матери, изъ Гаги, отъ 9 апрѣля 1774 г., Дидро писалъ: «Надо тебѣ сказать, что князь Орловъ былъ фаворитомъ императрицы; она сдѣлала прекрасный выборъ, такъ какъ онъ человѣкъ возвышенной души и съ нимъ могутъ сравняться только четверо его братьевъ; они-то и возвели Екатерину на престолъ» (Прилож. III, 27). Спустя годъ, Дидро пишетъ, вѣроятно, княгинѣ Дашковой: «M. le prince Orloff est mon voisin. Je ne l'ai ou qu'une fois et je me suis bien promis de ne le pas voir davantage, à moins que je ne fusse assez heureux pour le servir. J'aime mieux me renfermer dans la bibliothèque de ja Majesté Impériale et m'occuper de la tâche qu'elle m'a prescrite que de m'exposer aux éclaboussures d'une chaudière qui bout toujours et où il ne cuit rien. Que faire d'un homme qui vous assure l'existence de Dieu et qui vous nie, le moments suivant, la certitude des sens et de la raison? Qu'il oublie tant qu'il lui plaira qu'il parle à des hommes sensés, il n'y a pas grand mal à cela, mais qu'il ne se souvienne jamais qu'il parle à des hommes libres, c'est une inadvertance qui blesse partout et qui est très dangereuse dans ce pays-ci. Il part incessamment, et je m'en réjouis pour lui. S'il n'avait le ton dur qu'avec ceux à qui il peut adresser l'injure impunément, ce serait une lâcheté dont je le crois incapable; s'il le gardait indistinctement avec lout le monde, il ne tarderait pas à en éprouver des suites fâcheuses. Il a vu Rome à cinq jours, il aura vu Paris en quinze, et il en parlera comme s'il y avait passé toute sa vie. Il y a des hommes bien heureusement nés» (Diderot, III, 535).

(113) По одному изъ списковъ «Дома сушасшедшихъ», напечатанному въ «Русской Старинѣ» (IX, 595 и XII, 590), Воейковъ заставляетъ писать «углемъ на стѣнѣ» Максима Невзорова, редактора «Политическаго Журнала»:

Еслибъ такъ, какъ на Вольтера
Былъ на мой журналъ расходъ—
Пострадала-бъ горько вѣра!
Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ.

[6]

